ВЕНА. ИЮНЬ 1979 ГОДА

Проводы на аэродроме.

Во время встречи с Президентом Австрийской Республики. Слева направо: Федеральный президент Австрийской Республики Р. Кирхшлегер, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, Президент США Дж. Картер, Федеральный канцлер Австрии Б. Крайский.

Фото А. Гостева

ВО ИМЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОЧНОГО МИРА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (2711)

23 ИЮНЯ 1979

Фото А. Пахомова

15 июня из Москвы в Вену для встречи с Президентом США Дж. Картером отбыл Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым в Вену отбыли член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, первый заместитель министра обороны СССР, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Н. В. Огарков.

В аэропорту товарища Л. И. Брежнева провожали члены Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, секретари ЦК КПСС В. И. Долгих, К. В. Русаков, М. С. Горбачев, другие официальные лица.

С товарищем Л. И. Брежневым в Вену также вылетели помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко, заведующие отделами МИД СССР В. Г. Комплектов, А. П. Бондаренко, Ю. Н. Черняков.

Среди провожавших находился временный поверенный в делах Австрии в СССР В. Зигль.

15 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев прибыл в столицу Австрии Вену.

В аэропорту Швехат, украшенном государственными флагами СССР и Австрии, у трапа самолета Л. И. Брежнева встречали Федеральный президент Австрийской Республики Р. Кирхшлегер, Федеральный канцлер Б. Крайский.

Во встрече приняли участие министр иностранных дел В. Пар, другие члены австрийского правительства. В числе встречавших были посол СССР в США А. Ф. Добрынин, посол СССР в Австрии М. Т. Ефремов, дипломатические сотрудники советского посольства в Австрии, многочисленные журналисты из разных стран.

15 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Президент Соединенных Штатов Америки Дж. Картер посетили во дворце Хофбург в Вене Президента Австрийской Республики Р. Кирхшлегера.

В центре австрийской столицы, на площади Шварценбергплац, воздвигнут памятник советским воинам, павшим в боях за освобождение Европы от нацистского ига.

15 июня к подножию памятника товарищ Л. И. Брежнев возложил венок с надписью: «Сынам и дочерям советского народа, павшим в боях за Родину и освобождение Европы от фашизма».

Минутой молчания товарищи Л. И. Брежнев, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, Н. В. Огарков почтили память героев.

В этот же день Л. И. Брежнев возложил венок к мемориалу в память австрийских граждан, погибших в борьбе за свободу своей родины. На нем надпись: «Павшим в борьбе за свободу Австрии».

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, Президент США Дж. Картер и Федеральный президент Австрийской Республики Р. Кирхшлегер присутствовали вечером на торжественном представлении оперы Моцарта «Похищение из сераля». Их тепло приветствовали зрители, собравшиеся в зале Венской государственной оперы.

16 июня в Вене начались переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым и Президентом США Дж. Картером.

В переговорах участвовали: с советской стороны — А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, Н. В. Огарков; с американской стороны — С. Вэнс, З. Бжезинский, Г. Браун, Д. Джоунс.

Л. И. Брежнев и Дж. Картер рассмотрели общие, принципиальные вопросы взаимоотношений Советского Союза и Соединенных Штатов.

Во второй половине дня 16 июня в Вене были продолжены переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и Президента США Дж. Картера.

Главное внимание в ходе второго заседания было уделено проблеме ограничения стратегических наступательных вооружений. Л. И. Брежнев и Дж. Картер рассмотрели вопросы, связанные с утверждением и предстоящим подписанием ими советско-американского договора об ОСВ-2.

Л. И. Брежнев и Дж. Картер обменялись также мнениями относительно последующих этапов переговоров (ОСВ-3), целью которых должна быть разработка мер по дальнейшему ограничению, а также сокращению стратегических вооружений.

Переговоры проходили в деловой, откровенной и конструктивной обстановке. По обоюдной договоренности 16 июня они проводились в здании посольства США в Австрии и 17 июня в здании советского посольства в Вене.

17 июня были продолжены переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Президентом США Дж. Картером.

Было продолжено рассмотрение вопросов сдерживания гонки вооружений и разоружения.

18 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился с Президентом США Дж. Картером в посольстве США в Вене. Встреча проходила с глазу на глаз.

В ходе доверительной беседы обсуждались крупные вопросы советско-американских отношений и некоторые проблемы международной обстановки.

Встреча проходила в деловой, откровенной атмосфере.

18 июня в Вене были завершены советско-американские переговоры.

На заключительном заседании было продолжено обсуждение двусторонних отношений между Советским Союзом и США в области экономики, науки, культуры и других областях.

18 июня во дворце Хофбург в Вене в торжественной обстановке состоялось подписание советско-американских документов. Были подписаны:

— Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений,

— Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений,

— Совместное заявление о принципах и основных направлениях последующих переговоров об ограничении стратегических вооружений,

— документ «Согласованные заявления и общие понимания в связи с Договором между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений»,

— Совместное советско-американское коммюнике.

Документы подписали: за Союз Советских Социалистических Республик — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, за Соединенные Штаты Америки — Президент США Дж. Картер.

При подписании присутствовали Президент Австрийской Республики Р. Кирхшлегер и Федеральный канцлер Б. Крайский.

При подписании присутствовали: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, первый заместитель министра обороны СССР, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Н. В. Огарков, а также помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко, посол СССР в США А. Ф. Добрынин, посол СССР в Австрии М. Т. Ефремов, руководитель делегации СССР на переговорах об ОСВ-2 в Женеве В. П. Карпов, другие официальные лица;

с американской стороны — государственный секретарь США С. Вэнс, министр обороны США Г. Браун, помощник Президента США по национальной безопасности З. Бжезинский, председатель комитета начальников штабов США Д. Джоунс, а также помощник Президента США Г. Джордан, посол США в СССР М. Тун, пресс-секретарь Белого дома Дж. Пауэлл, сотрудник аппарата Совета национальной безопасности США Р. Бартоломью, другие официальные лица.

После подписания документов Л. И. Брежнев и Дж. Картер выступили с краткими заявлениями.

18 июня в Москву из Вены возвратился Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым в Москву возвратились член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, первый заместитель министра обороны СССР, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Н. В. Огарков.

В аэропорту товарища Л. И. Брежнева встречали члены Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Н. А. Тихонов, секретари ЦК КПСС В. И. Долгих, К. В. Русаков, М. С. Горбачев, другие официальные лица.

Перед началом переговоров в посольстве СССР.

Во время переговоров.

ВОЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Владимир НИКОЛАЕВ,

фото А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Много международных встреч, вошедших в историю, знает Вена. Но сегодня все средства информации отмечают, что ни одно из таких событий не находило столь широкого и мощного отклика, как советско-американская встреча на высшем уровне. И совершенно справедливо газета «Вохеншау» писала: «Вена вновь оказалась в фокусе внимания нашей планеты». Более двух тысяч журналистов со всего мира прибыло в австрийскую столицу, чтобы освещать эту встречу. Казалось бы, давно привыкшая к своей роли крупного международного центра Вена преобразилась. На улицах — портреты Л. И. Брежнева и Дж. Картера, транспаранты и плакаты, пропагандирующие переговоры об ОСВ-2, в киосках — журналы и газеты с фотографиями и статьями о встрече, посвященные ей конверты, открытки и марки. В предместье Гринцинг я наблюдал, как у подножия карабкающихся в гору виноградников люди пели и танцевали на фоне двух огромных полотнищ — советского и американского флагов и лозунга, приветствующего переговоры. А в витрине самой знаменитой венской кондитерской «Демель и сыновья» я увидел даже целую композицию из марципана, посвященную встрече.

В такие же светлые и ласковые июньские дни, какие стоят сейчас в Вене, но только шесть лет назад состоялся исторический визит Л. И. Брежнева в Соединенные Штаты. Мне посчастливилось быть очевидцем этого события и рассказывать о нем на страницах «Огонька». И одним из наиболее ярких воспоминаний осталось то, что самой характерной чертой переговоров была озабоченность будущим нашей планеты, уже сверх всякой меры начиненной ядерным оружием. Эта озабоченность выразилась и в таком документе, как «Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений». Вот как оценивала тогда пресса США это соглашение: «вклад в ослабление угрозы ядерной катастрофы», «документ, имеющий решающее значение для ликвидации угрозы ядерного опустошения», «выдающееся достижение переговоров на высшем уровне».

Да, такие встречи на высшем уровне между руководителями двух самых могущественных государств имеют эпохальное значение. В июне 1973 года газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Теперь мы убеждаемся, что встречи в верхах действительно могут создать более безопасную и благоприятную международную обстановку... Переговоры продвинули не только Советский Союз и США, но и весь земной шар вперед в направлении обеспечения длительного и прочного мира».

И вот июнь 1979 года. Новая советско-американская встреча на высшем уровне. Подводя ее итоги, нельзя не вспомнить о том, что в этом году исполняется десять лет с тех пор, как представители СССР и США впервые сели за стол переговоров об ограничении стратегических наступательных вооружений. Долгий путь. Немало трудностей было преодолено. Случилось так, что именно вокруг договора об ОСВ-2 разгорелась главная борьба между силами разрядки и ее противниками. Западногерманская газета «Штутгартер цайтунг» пишет: «Общественность с облегчением восприняла весть о том, что переговоры по соглашению об ОСВ-2 завершены. С облегчением потому, что эти переговоры стали ядром политики разрядки».

О том конструктивном духе, который преобладал на венской встрече, уже известно благодаря прессе, радио и телевидению. Примечательна и та атмосфера, в которой работали в Вене журналисты со всего мира. На традиционных для таких событий пресс-конференциях задававшиеся ими вопросы отражали главным образом всеобщее стремление к разрядке. О том же говорят и многочисленные встречи с журналистами из США, ФРГ, Австрии, Японии, Болгарии, Чехословакии и других государств.

Любому здравомыслящему человеку, даже далекому от политики, ясно, что суть этих переговоров сводится к тому, чтобы обуздать гонку вооружений, обуздать колоссальные военные расходы. Человечество устало сидеть на горах накопленного оружия, устало отдавать свои силы и средства на пополнение ядерных арсеналов. Сегодня насчитывается 22 миллиона солдат, 60 миллионов человек связано с военной деятельностью, 40 процентов всех расходов на научные исследования идут на военные цели. Все эти усилия выливаются в суммы поистине фантастические: каждый

Подписание документов.

день на нашей планете тратится на военные приготовления свыше одного миллиарда долларов. Уже накопленные в разных странах ядерные бомбы могут уничтожить все живое на земле пятнадцать раз, то есть и одной пятнадцатой части этих смертоносных запасов достаточно для превращения земного шара в мертвую пустыню.

Это одна сторона дела. Она подчеркивается во многих комментариях по поводу завершившейся встречи. Значительно слабее освещается западной пропагандой другая сторона дела. Она заключается в том, что гонка вооружений приносит огромные прибыли поставщикам смертоносных средств ведения войны. Это они и их многочисленные адвокаты всячески пытаются подорвать процесс разрядки и, в частности, достижение договоренности об ограничении стратегических вооружений. Незадолго до встречи в Вене на пресс-конференции в Белом доме было заявлено, что, по мнению американского правительства, в США «проводится хорошо финансируемая кампания с целью провала соглашения об ОСВ-2». Эта кампания ведется под провокационным лозунгом «советской угрозы». Во время венской встречи и сразу после нее шум по поводу этой «угрозы» еще более усилился, его подняли до самой визгливой ноты враги ОСВ-2.

Злонамеренные упражнения на тему о «советской угрозе» корнями своими уходят в те самые взрывоопасные международные ситуации, которые создавались в разные периоды силами милитаризма и реакции. Именно с помощью этого пугала развязали руки Гитлеру в Мюнхене. И все о той же «угрозе» вопили нацистские агрессоры, напав на нашу страну. Под такой же пропагандистский аккомпанемент создавался блок НАТО. В годы «холодной войны» небезызвестный Джон Фостер Даллес, бывший с 1953 по 1959 год государственным секретарем США, как-то изрек: «Чтобы заставить страну нести бремя, с которым связано содержание мощных вооруженных сил, необходимо создать эмоциональную атмосферу, родственную психологической обстановке военного времени. Надо создать представление об угрозе извне». Уроки Даллеса не пропали даром. В наши дни некий Эдвард Лефевр, один из деятелей корпорации «Дженерал дайнэмикс», заявляет: «Нужно, чтобы люди верили в существование долговременной угрозы». Смысл этого повторенного сегодня урока Даллеса заключается в том, что корпорация эта — один из главных подрядчиков Пентагона, она зарабатывает на гонке вооружения миллиарды долларов.

Запугивание американцев якобы существующей «советской угрозой» является главным методом борьбы против ОСВ-2. Враги договора, намеренно искажая истину, утверждают, что договор выгоден нам больше, чем Соединенным Штатам, что Советский Союз намерен добиться односторонних военных преимуществ. И этот провокационный прием не нов. То же самое заявляли в 1963 году противники договора между СССР, США и Англией о запрещении ядерных испытаний в трех сферах, а в 1972 году — противники первого соглашения об ограничении стратегических вооружений. Каждая такая очередная кампания оказывалась попыткой с негодными средствами, дальнейшее развитие событий обязательно разоблачало врагов разрядки как лгунов и провокаторов. Можно в связи с этим вспомнить, как в пятидесятые годы в США был поднят страшный шум по поводу того, что они якобы отстали от Советского Союза в производстве бомбардировщиков. Под этот шум были отпущены средства на строительство бомбардировщиков. И только после того, как эти доллары осели в сейфах подрядчиков Пентагона, сами же американцы установили, что никакого отставания США от нас в этой области вооружения не было, все

Встреча на аэродроме.

Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и Президента Соединенных Штатов Америки Дж. Картера.

было выдумано во имя получения новых прибылей. В шестидесятые годы в США устроили панику по поводу того, что они якобы отстали от Советского Союза в ракетном вооружении. И повторилась та же история, как и в пятидесятые годы с бомбардировщиками. Фабриканты ракетного оружия крупно заработали на антисоветской и милитаристской шумихе, а потом сами же американцы признали, что «советская ракетная угроза» была завышена в тридцать (!) раз.

Можно привести еще немало аналогичных примеров. До каких же пор милитаристским силам США будет позволительно так нагло обманывать свой народ и играть судьбами мира?! До каких пор они рассудку вопреки будут выступать против любой мирной инициативы, коль скоро она исходит от Советского Союза?! В дни венской встречи газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «В Вене продолжают спрашивать: кто же определяет внешнюю политику в США и почему такие сенаторы, как Джексон, выступают против ОСВ-2, даже не успев прочитать текст соглашения?»

Противники ОСВ-2, несмотря на их усилия, не смогли сорвать советско-американские переговоры, успешно завершившиеся в Вене. Теперь они собираются сорвать ратификацию договора в американском сенате, где для его одобрения потребуется две трети голосов. Замысел врагов разрядки очевиден: помешать в принципе ратификации договора или привязать к нему такие «поправки», какие сделают его неприемлемым. По поводу этого плана заблаговременно до встречи было замечено: «Отказ сената ратифицировать договор об ОСВ-2 нанес бы сокрушительный удар всеобщему миру, а другие страны стали бы видеть в нас не миролюбивую страну, а поджигателей войны». Высказал эту мысль президент США Картер. Правда, тут же ему ответил сенатор Голдуотер: «Меня позабавило предупреждение Картера, что отказ от ратификации договора об ОСВ-2 поставит Соединенные Штаты в глазах всего мира в положение поджигателя войны». А не забавляет ли сенатора тот факт, что 81 процент американцев выступает за договор ОСВ-2? Проценты эти подсчитали перед встречей в Вене телекомпания Си-би-эс и газета «Нью-Йорк таймс», в результате проведенного ими опроса общественного мнения.

Во время подписания советско-американских документов Л. И. Брежнев сказал:

«Свершилось событие, которого давно ждали советский и американский народы, народы других стран, все, кто хочет прочного мира и сознает опасность дальнейшего наращивания ядерных арсеналов. Подписывая этот Договор, мы помогаем отстоять самое священное право каждого человека — право на жизнь...

Действовать так, чтобы не допустить возникновения ядерной войны,— такое обязательство совместно взяли на себя Советский Союз и Соединенные Штаты. Сегодняшний Договор подтверждает, что мы стремимся выполнять это обязательство. И по количественным, и по качественным ограничениям стратегического оружия он идет значительно дальше соглашения ОСВ-1. Вступление в силу этого Договора открывает возможность начать выработку последующих мер не только по ограничению, но и по сокращению стратегических вооружений».

Нелегкая жизнь наступила для врагов разрядки. После венской встречи им будет еще сложнее выступать против ОСВ-2, против здравого смысла, против воли большинства человечества. Итоги советско-американской встречи на высшем уровне вселяют в сердца новую надежду на то, что в конце концов разрядка победит и люди облегченно вздохнут, сбросив со своих плеч непомерное бремя вооружений.

Вена, июнь.

Фото В. Егорова и А. Стужина (ТАСС)

ВСТРЕЧА ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА С ТОВАРИЩЕМ ФРАНЦЕМ МУРИ

18 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев встретился в Вене с Председателем Коммунистической партии Австрии товарищем Францем Мури.

Выражая общее мнение австрийских коммунистов, товарищ Мури высоко оценил внешнюю политику СССР, цели которой — укрепление разрядки и мира, устранение угрозы всеуничтожающей ядерной войны — полностью отвечают чаяниям австрийского народа, всех народов мира. Он отметил выдающееся значение нового советско-американского Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений.

Товарищ Л. И. Брежнев выразил братскую солидарность КПСС с деятельностью Коммунистической партии Австрии, отметил ее большой вклад в установление и развитие дружественных отношений между Австрией и СССР, борьбу австрийских коммунистов за упрочение европейской безопасности, за разоружение.

В беседе приняли участие кандидат в члены ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и член Секретариата ЦК КПА, заведующий Международным отделом ЦК КПА Г. Штайнер.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева

ВСТРЕЧА В ЦК КПСС

14 июня состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенца с делегацией Сирийской компартии в составе Генерального секретаря ЦК СКП Х. Багдаша, заместителя Генерального секретаря ЦК СКП Ю. Фейсала, членов Политбюро ЦК СКП Д. Нааме, Р. Шейхо и М. Юсефа.

В ходе дружественной беседы были обсуждены современное международное положение, в том числе обстановка на Ближнем Востоке, актуальные вопросы коммунистического движения, состоялся обмен информацией о деятельности КПСС и Сирийской компартии.

Делегация КПСС выразила солидарность с борьбой арабских народов за справедливое решение конфликта на Ближнем Востоке. Обе стороны осудили сепаратный египетско-израильский договор, который обостряет и без того взрывоопасную обстановку в этом районе, поощряет экспансионистские устремления правящих кругов Израиля и их покровителей, ведет к усилению империалистического вмешательства во внутренние дела арабских стран. Без полного вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий, без обеспечения законных национальных прав арабского народа Палестины, включая создание собственного государства, невозможно подлинное, всеобъемлющее урегулирование.

Представители КПСС и СКП особо подчеркнули значение советско-арабской дружбы как важного фактора в борьбе арабских народов за реализацию их национальных чаяний.

Встреча прошла в теплой, товарищеской атмосфере.

На снимке: во время встречи.

Фото В. Егорова (ТАСС)

ДНИ БЕРЛИНА В МОСКВЕ

12—17 июня в Москве проходили Дни Берлина. Состоявшаяся в Государственном Центральном концертном зале встреча представителей трудящихся с делегацией Берлина во главе с членом Политбюро ЦК СЕПГ, первым секретарем Берлинского окружного комитета партии К. Науманом вылилась в яркую демонстрацию нерушимой дружбы народов СССР и ГДР. На встрече выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

В программе Дней Берлина в Москве — целая палитра праздничных мероприятий: вечера дружбы, встречи новаторов и передовиков производства двух столиц, спектакли, концерты, спортивные соревнования, выставки... Одна из них, «Берлин — 30 лет столица ГДР», открылась на ВДНХ СССР.

...В павильон входят папа и мама с пятилетним малышом. Папе не терпится посмотреть поближе стереосистему «Компакт», мама нервничает — через двадцать минут начнется демонстрация мод (друзья из ГДР привезли, кстати, около 80 моделей), а что делать с малышом, которому одинаково неинтересно и то и другое? Неподалеку от входа — табличка «Берлинский детский сад для московских детей. Работает с 10 до 17 часов». В небольшой комнате — игрушки, цветной телевизор и опытные воспитательницы. Хорошее настроение завладевает всей семьей. Уверяю вас, оно не покидает посетителей во всех залах выставки.

— Что же самое характерное для нее? — спрашиваю директора выставки товарища Хорста Шульце.

— Дух сотрудничества, — отвечает он,— им проникнута вся экспозиция.

И действительно, к какому бы стенду мы ни подошли, всюду зримые свидетельства братской дружбы двух наших народов. Вот — огромный макет столицы ГДР. На окраине Берлина поднимается новый жилой район Марцан — образец современного градостроительства. Здесь трудятся советские рабочие, а их коллеги из ГДР возводят новые кварталы в подмосковном Зеленограде.

Во время Дней Берлина посланцы столицы ГДР встретились со своими московскими коллегами с автозавода имени И. А. Лихачева, завода «Москабель», электровакуумных приборов, «Красного пролетария». Творческим отчетом трудящихся двух братских столиц стала конференция передовиков и новаторов производства, проходившая под девизом «Опыт лучших — достояние общее!».

Большинство экспонатов прислано на выставку предприятиями, школами и учреждениями, которые дружат с москвичами.

Особый интерес вызывает исторический раздел. Многие его экспонаты посвящены пребыванию в Берлине Владимира Ильича Ленина. Каждый посетитель может получить здесь точную копию первого номера ленинской «Искры», печатавшейся в Лейпциге. Любовно восстановлен уголок Королевской библиотеки, где, находясь в Германии, работал Владимир Ильич. Материалы раздела убедительно свидетельствуют о значении Великого Октября для немецкого рабочего движения.

Именно в те годы зародилась дружба трудящихся наших стран, волнующей манифестацией которой стал замечательный праздник — Дни Берлина в Москве.

А. ГРЕЧУХИН

Во время беседы члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря МГК КПСС В. В. Гришина с делегацией Берлина во главе с членом Политбюро ЦК СЕПГ, первым секретарем Берлинского окружного комитета партии К. Науманом.

Открытие Дней Берлина в Государственном центральном концертном зале. Ингеборг Роте из ансамбля «Фридрихштадт-паласт» и юные солистки хореографического ансамбля имени Локтева Московского городского Дворца пионеров Лилия Скобелева и Таня Коломеец.

Фото А. Сенцова (ТАСС)

ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ» «ОГОНЬКА»— СЕКРЕТАРИ ГОРКОМОВ ПАРТИИ ТЫНДЫ, ВОЛГОДОНСКА И НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНОВ.

ЧЕЛОВЕК НА УДАРНОЙ СТРОЙКЕ

Л. В. Шилова, Ю. А. Есаулков и И. Ф. Учаев.

...Байкало-Амурская магистраль, Атоммаш, КамАЗ... Это не только огромные строительные площадки. В первую очередь это многотысячные трудовые коллективы, люди, приехавшие со всех концов страны. Они принесли на рабочие площадки свое мастерство, желание трудиться, свои понятия о жизни, о человеческих ценностях. И естественно, что одновременно с корпусами новых заводов, километрами дороги создавался человек новой формации, который к делам стройки, к делам страны относился с той же заинтересованностью, как и к своим личным.

Разумеется, в этих сложных процессах далеко не все происходит гладко. Сталкиваются мнения, характеры, точки зрения на методы решения технических проблем. Далеко не все одинаково спокойно относятся к бытовым неурядицам, тяжелым природным условиям, оторванности от родных мест. Возникают сложные проблемы. Их необходимо решать сегодня, потому что завтра появятся другие.

В связи с этим нелишне напомнить слова из недавнего постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»: «С задачами, которые партия ставит перед идейно-воспитательной работой, несовместимы встречающиеся еще боязнь открыто ставить на обсуждение актуальные вопросы нашей общественной жизни, тенденция сглаживать, обходить нерешенные проблемы, острые вопросы, замалчивать недостатки и трудности, существующие в реальной жизни».

Обо всем этом говорилось за «круглым столом» в «Огоньке». В разговоре приняли участие ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ТЫНДИНСКОГО ГОРКОМА ПАРТИИ ЮРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ЕСАУЛКОВ, ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ВОЛГОДОНСКОГО ГОРКОМА ПАРТИИ ИГОРЬ ФЕДОРОВИЧ УЧАЕВ И СЕКРЕТАРЬ ГОРКОМА ПАРТИИ НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНОВ ЛИДИЯ ВИКТОРОВНА ШИЛОВА. Опыт идеологической работы на строительстве, на заводе, нравственная закалка молодежи, морально-политический климат коллектива, становление личности — вот вопросы, которые затронули наши гости.

Одновременно в «Огоньке» проходила встреча победителей соревнования на призы «Огонька» — строителей БАМа, Камгэсэнергостроя, Волгодонскэнергостроя, рабочих КамАЗа, Оренбурггазпрома и Атоммаша. Репортаж об этой встрече будет опубликован в одном из ближайших номеров.

«ОГОНЕК». Юрий Афанасьевич, может, вы начнете? Расскажите о сегодняшнем положении дел на БАМе, о проблемах, с которыми вам приходится сталкиваться.

Ю. Есаулков. Тындинский горком партии занимается вопросами строительства центральной части Байкало-Амурской магистрали. Но и она весьма значительна по протяженности — около полутора тысяч километров, это примерно половина всей дороги. Первая просека была прорублена в январе 1974 года. Из небольшого районного городка Усть-Кута на восток, к месту слияния двух таежных речушек Таюры и Нии, вышел ударный комсомольский отряд из семнадцати человек. Они должны были прорубить в тайге просеку длиной шестьдесят пять километров. Можно много говорить о трудностях, с которыми столкнулись первопроходцы,— здесь и морозы, и пересеченная местность, и непривычность условий труда и быта, однако, как бы там ни было, через месяц просека была готова. Девятого февраля 1974 года комсомольцы вышли к подножию сопки, на которой сегодня находятся общежития, дома, магазины поселка Звездный. Таким было начало. Сейчас на строительстве БАМа работают около ста тысяч человек, в том числе около 30 тысяч на центральном участке. Это большой, динамичный коллектив, живущий напряженной производственной и духовной жизнью.

И. Учаев. Видимо, основные трудности у вас были с формированием производственных отрядов?

Ю. Есаулков. Пожалуй, да. Наиболее бурный процесс формирования шел в 1974—1975 годах. И здесь огромную роль сыграл комсомольский призыв. Можно только восхищаться тем энтузиазмом, с которым откликнулась на этот призыв молодежь. Надо сказать, что БАМ с самого начала стал настоящей комсомольской стройкой. Что важно, приезжали молодые ребята, девушки, прекрасно знавшие, что их ждет: отсутствие жилья, таежные места. Но понимавшие, во имя каких высоких целей им придется одолевать эти трудности.

И. Учаев. Энтузиазм молодежи — это прекрасно! Самоотверженность комсомольцев, которые, не считаясь с лишениями, с болотами, вечной мерзлотой, делают важное для страны дело,— это прекрасно! Собственно, можно сказать, что благодаря комсомолу и стали возможными такие вот грандиозные стройки, как БАМ, КамАЗ, Атоммаш, стало возможным освоение труднодоступных районов, создание новых отраслей промышленности... Да, с приемом молодежи на работу, распределением по производственным участкам, с ее обучением и воспитанием у нас немало хлопот, но в то же время мы должны признать, что и свершениями страна во многом обязана этим вот неспокойным, непоседливым, самоотверженным ребятам, воспитанным партией, комсомолом. Но у меня к вам, Юрий Афанасьевич, в связи с этим есть вопрос. Прежде чем задать его, я хочу в двух словах рассказать об Атоммаше. Наша стройка началась несколько раньше — в 1971 году, и, как у вас на центральном участке БАМа, у нас число строителей достигло около тридцати тысяч. Масштабы сходные. Но мы работаем на одном месте, у нас более благоприятные климатические условия. Очень многие ребята, приехавшие к нам без специальности, получили ее в процессе работы — в учебном комбинате, на рабочей площадке. И тем не менее известно, что опытные специалисты не торопятся покидать привычные места, и это можно понять—сказывается и возраст, и семью просто так не оставишь да и с собой сразу не возьмешь, к работе, к товарищам прикипел... Так вот вопрос: как вы у себя на БАМе преодолевали трудности формирования трудовых коллективов, разбросанных на сотни километров?

Ю. Есаулков. Процесс этот требует к себе самого пристального внимания. Когда к нам прибыл отряд московского комсомола, составивший костяк строительно-монтажного поезда № 573, то выяснилось, что в этом отряде были представлены все специальности вплоть до зубных техников и мастеров по садовым насаждениям, но не было ни одного строителя. Не было ни одного человека, для которого топор, рубанок, мастерок, пила были бы привычным инструментом! А ведь они приехали, чтобы рубить просеки, строить жилье, бани, магазины!

Л. Шилова. На опыте строительства КамАЗа могу сказать, что у некоторой части молодежи бытует мнение, будто работать строителем, монтажником, бетонщиком дело простое, для этого достаточно иметь лишь желание. Встречается этакое снисходительное отношение к строительным профессиям. И только столкнувшись с ними вплотную, начинают понимать, что здесь требуется и опыт, и знания, и сноровка. Я знаю случаи, когда не очень сильные люди, попробовав такой вот романтики, оказываются разочарованными в профессии, и в стройке, и в новых местах. Юрий

Афанасьевич, как же все-таки сложились дела у ребят из строительно-монтажного поезда, о котором вы говорили?

Ю. Есаулков. Вначале не ладилось. Около года прошло, пока этот коллектив встал на ноги, и это становление было нелегким. Люди приехали дело делать, а дела шли не блестяще и как следствие — малая зарплата.

«ОГОНЕК». Юрий Афанасьевич, а если взглянуть на эту проблему с экономической точки зрения?

Ю. Есаулков. Можно и с экономической. Коллектив строительно-монтажного поезда № 573 за первый год работы выполнил заданий, или, как мы говорим, освоил, допустим, миллион рублей. А поезд № 576, основу которого составила комплексная бригада первого на БАМе Героя Социалистического Труда Владимира Григорьевича Новика, кстати, тогда он еще не был Героем, за первый год освоил в четыре раза больше. Учитывая печальный опыт, мы формировали этот коллектив по штатному расписанию и все пятьсот человек набирали не в порядке живой очереди, а следуя здравому смыслу, учитывая местные условия, опыт, который до нас собрали по крупицам, и вложили его в такую вроде бы скучную вещь, как перечень специалистов, необходимых для четкой, ритмичной работы.

И. Учаев. Хочу добавить, что зачастую экономическая прикидка всевозможных организационных и прочих мероприятий оказывается весьма полезной. Чего греха таить, мы иногда увлекаемся чисто внешней стороной дела. И действительно, смотрится неплохо: шелест знамен, гром духовых оркестров, энергичные выступления на митингах, но что же нам в конце концов дает то или иное начинание, новшество? Вот этим вопросом надо бы задаваться почаще. Забота о хорошем микроклимате в коллективе, забота о сплачивании людей, готовых помочь друг другу, тоже имеет экономическую отдачу: там, где царит дух коллективизма, там нет текучки, там, где налажена взаимопомощь, меньше простоев, хорошо организовано социалистическое соревнование. Сейчас на Атоммаше организовано весьма действенное соревнование так называемых бригад-миллионеров. Это небольшие рабочие коллективы, которые ежегодно выполняют строительно-монтажные работы на миллион рублей. У нас двадцать пять таких бригад. Решили подсчитать: что же они нам дают, какова их доля в общем труде? И выяснилось, что, составляя четыре процента общего количества бригад на строительстве, они тем не менее выполняют пятнадцать процентов всех работ. Отсюда вывод — почин себя оправдал, окупил. И наша задача состоит в том, чтобы как можно большее количество бригад сделать по-настоящему боевыми, инициативными рабочими коллективами. Ведь и другие не прочь тоже работать по-настоящему, потому что за этим и престиж, и зарплата, и обеспечение материалами, техникой. Значит, задача не только в том, чтобы призывать ребят к ударной работе, но и в том, чтобы прежде всего создать им для этого необходимые условия. Двадцать пять бригад своей работой доказали, что они могут трудиться в несколько раз производительнее, нежели средние коллективы. Вывод прост: если мы везде добьемся такой же производительности, это позволит сократить количество бригад, упростит управление ими, снабжение техникой, материалами, это в конце концов повысит качество работ.

«ОГОНЕК». Давно замечено: хорошо организованная работа всегда в радость, она же создает и высокий моральный настрой в коллективе, рождает чувство ответственности, сознание значимости выполняемого задания. Другими словами, получается, что само дело воспитывает человека, сплачивает коллектив. Но случается, что неграмотное руководство, начальственное самолюбие могут развалить уже сложившийся зрелый коллектив. Что вы скажете по этому поводу, Юрий Афанасьевич?

Ю. Есаулков. За последние годы мы на БАМе освободили от занимаемых должностей более сорока руководителей среднего звена. Причина? Не справляются со своими обязанностями. Причем, заметьте, я имею в виду отнюдь не производственные обязанности. Как раз в этом смысле к большинству уволенных не было никаких претензий, люди дело знали. Но их беда в том, что они были плохими воспитателями, не умели работать с людьми, не знали или, вернее, не соглашались признать за собой все те обязанности, которые ложатся на них. Им не хватало широты взгляда, умения приспособиться к новым условиям, не хватало душевной щедрости — в этом, я думаю, главное. Ведь у нас мало распределить обязанности, дать задания, проверить исполнение. Не менее важно обеспечить людей газетами, журналами, даже в условиях тайги облегчить труд и быт, построить баню, завезти продукты, наладить почтовую связь и так далее. В постановлении ЦК КПСС особо подчеркивается, что, «оценивая работу руководителей, хозяйственных кадров, необходимо учитывать не только показатели выполнения производственных планов, но и уровень дисциплины, морально-политический климат в коллективе, условия труда и быта». Сейчас это стало жизненной необходимостью. Сегодня руководитель не может ограничиться лишь производственными заботами. Своей деятельностью он отчитывается не только перед начальством, но и перед подчиненными. И если он не найдет с ними общего языка, то и производственными показателями ему не блистать. Говоря по большому счету, БАМ — это не только стройка, это и настоящая школа воспитания кадров. Думаю, не ошибусь, если скажу, что у нас ныне складываются, формируются руководящие кадры с новым, более широким взглядом на свои обязанности, на те методы и способы, которыми можно повысить производительность труда, добиться высокого качества, сплотить коллектив, настроив его на выполнение напряженных планов. Формируются кадры, которые понимают, сколь важно идеологическое обеспечение напряженных производственных заданий.

«ОГОНЕК». Не могли бы вы привести пример?

Ю. Есаулков. Пожалуйста. Вот товарищ... Не стану называть его фамилию. Опытный инженер. Способный руководитель. Человек самоотверженный, преданный делу. Но... с этакими волевыми замашками. Дескать, как я сказал, так и будет. И кулаком по столу. А это, простите, не то. Ни уважения, ни подчинения, ни желания работать такими методами он ныне не добьется. Это вчерашний день. Вначале люди посмеивались, пожимали плечами, потом уходили, не хотели с ним работать. И мы поняли, что такой человек, несмотря на все свои достоинства, не может руководить коллективом. Он попросту экономически разорителен для стройки. Пробовали беседовать с ним, советовать, на бюро горкома партии вызывали, в коллективе обсуждали — ни в какую. Где-то человек был уверен в своей незаменимости. Но, сами понимаете, как только у человека появляется такая уверенность, пользы от него не жди.

Л. Шилова. Уволили?

Ю. Есаулков. Нет. Зачем? Поговорили сурово и откровенно. Хочешь — оставайся, хочешь — уходи. Решил остаться. Сейчас прекрасный руководитель. Командует коллективом более чем в тысячу человек. И никаких нареканий. Вот так происходит некая переоценка ценностей, становление руководителей нового типа. Тактичных. Заботливых. Грамотных. И не только в производственных, но и в правовых, нравственных вопросах. Это очень важно.

Л. Шилова. Подходит как-то ко мне начальник цеха одного из заводов КамАЗа и спрашивает: а что такое нравственное воспитание? Представляете?

И. Учаев. Если он спрашивает, что такое нравственное воспитание, значит, у него не так уж плохо обстоят дела на участке. Зачастую люди сводят нравственное воспитание к некоему комплексу каких-то особых мероприятий, которые необходимо провести, за которые необходимо отчитаться. А на самом деле все обстоит значительно сложнее.

Л. Шилова. Тут та же проблема, о которой говорил Юрий Афанасьевич,— мы присутствуем при утверждении нового типа руководителя, новых требований к нему. Лет десять назад никто бы и не подумал сменять руководителя только потому, что он недостаточно воспитан. А сейчас, когда Юрий Афанасьевич говорит, что они на БАМе вынуждены были снять некоторых руководителей среднего звена за их пренебрежение ко всему тому, что принято называть комплексным воспитанием, мы принимаем это как должное. На КамАЗе почти две с половиной тысячи руководителей на уровне начальника цеха, и им уже сейчас, сегодня необходимо глубоко и всерьез знать, что такое морально-политический климат в коллективе, что такое настоящая, а не формальная ответственность, рабочая честь. Как-то при подготовке к пленуму горкома партии мы задались вопросом: уж коли у нас громадная армия ударников коммунистического труда и все они по идее являются предвестниками будущего, чем же отличаются их социалистические обязательства от обязательств рядовых членов коллектива? И выясняется, что разницы нет. Следовательно, и те и другие ставят перед собой примерно одни цели, стремятся к неким достижениям примерно одного масштаба.

«ОГОНЕК». Какой же из этого следует вывод?

Л. Шилова. А вывод такой: либо у нас слишком легко отнеслись к присуждению этого звания и наградили им людей несколько преждевременно, либо, присудив звание, на этом сочли свою задачу выполненной. А всю дальнейшую работу свернули. И в том и в другом случае был преподан отрицательный урок нравственного воспитания. Это же ясно, что наградить товарища незаслуженно — значит обесценить награду, высокое звание. Это и есть формализм в столь душевном деле, как воспитание людей, формализм в социалистическом соревновании. Смотрите — среди рабочих были выявлены самые передовые, самоотверженные, прекрасные мастера своего дела. Их удостоили высокого звания — ударник коммунистического труда. Тут-то и важно было нацелить их на новые, более сложные задачи, которые были бы им интересны, которые потребовали бы и смекалки, и поисков, и усилий.

«ОГОНЕК». Ну хорошо, вывод сделан, а дальше?

Л. Шилова. А дальше нужно этот вывод учитывать в практической деятельности. Хочу привести пример с заводом дизелей, которым руководит Виктор Денисович Поташов. Руководит хорошо, постоянно думает над тем чтобы в коллективе была здоровая, доброжелательная атмосфера. Согласитесь, не так просто создать здоровый моральный климат на заводе, где трудятся тысячи рабочих, инженеров, техников. Прежде всего была поставлена задача: сократить текучесть, явление вредное с точки зрения и экономической и морально-нравственной, явление, отнюдь не лучшим образом характеризующее руководителя. Так вот, Виктор Денисович Поташов ввел материальную ответственность за текучку. Руководителей производственных подразделений, где текучесть кадров превышает определенный процент, лишают части премии. Ни один инженерно-технический работник не может уволиться с предприятия, не встретившись на приеме с директором. А это, согласитесь, важнее, чем может показаться на первый взгляд. Ведь многие увольняются, потому что не сработались с начальством, нет перспективы роста, приходилось исполнять обязанности, не соответствующие специальности. Нередко и микроклимат в коллективе таков, что не вызывает желания оставаться в нем. Поскольку директор заинтересован в создании устойчивого коллектива, он все это старается устранить. На этом же заводе начала работать группа социологов, они постоянно изучают проблемы, возникающие на производстве, в быту, встречаются с каждым новичком, заводят на него специальную карточку, записывают туда, на что надеется новичок, что мечтает получить на предприятии, каковы его цели, соответствует ли работа его наклонностям, профессии и так далее.

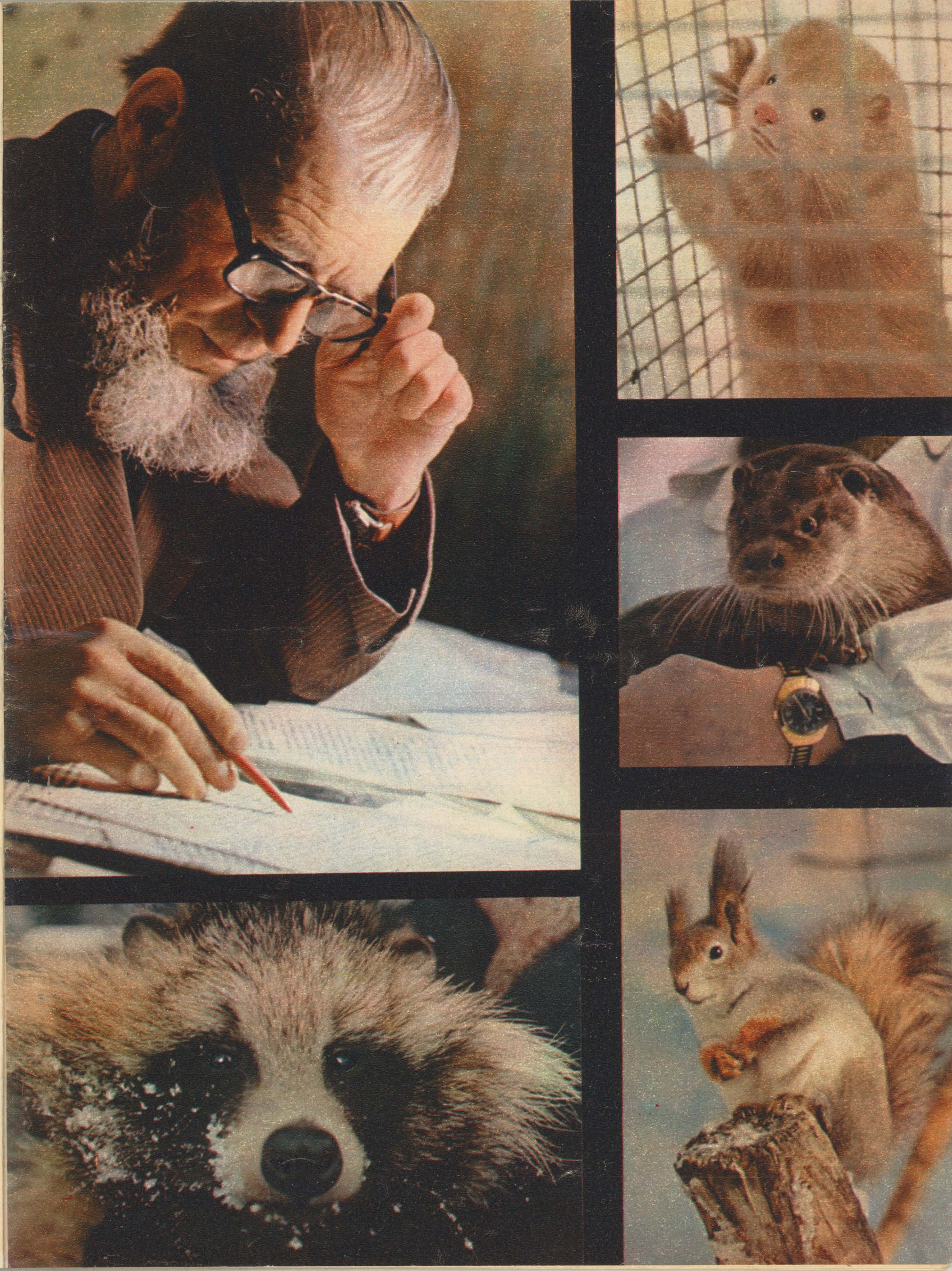
Ю. Есаулков. А результат?

Л. Шилова. За три последних года на заводе дизелей в полтора раза сократилась текучесть, она в два раза меньше, нежели в целом по объединению КамАЗ, улучшилась трудовая дисциплина.

И. Учаев. На Атоммаше каждый руководитель строительно-монтажного управления раз в ме-

См. стр. 26

Заведующий лабораторией биотехники Михаил Павлович Павлов. ● Норка паломино. ● Выдра. ● Белка. ● Енотовидная собака. ▶



В ПОИСКАХ ОРАНЖЕВОГО СОБОЛЯ

Сергей МАРКОВ,
фото М. САВИНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

В прошлом году на Ленинградском международном пушном аукционе была продана за рубеж первая большая партия лисицы-огневки. Шкурка обычной рыжей лисицы стоит не больше тридцати долларов. Лисица-огневка гораздо крупнее обычной, у нее пышный, густой, темно-алый мех. Стоит он в десять — двенадцать раз дороже меха обычной лисицы. Не дешевле знаменитого русского соболя!

Пять лет прошло с момента, когда три маленьких красных лисенка были пойманы на Камчатке и доставлены в город Киров. Пять лет опытов, надежд, неудач, удач, пять лет работы Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Б. М. Житкова.

— В старину,— рассказывает заведующий лабораторией разведения пушных зверей Г. В. Соколов,— русские звероводы разводили красных лисиц в специальных бревенчатых срубах. Мы использовали их опыт, когда начали работу с огневкой. Камчатская огневка в неволе размножается плохо. Для начала мы провели такой эксперимент: скрестили обычную серебристо-черную лисицу с огневкой, ожидая получить неопределенный гибрид или, в лучшем случае, серебристо-черное потомство... Но, представьте, после серии поглотительных скрещиваний, в четвертом поколении мы получили стопроцентную огневку! С тех пор мы вырастили больше тысячи камчатских огневок. Скоро во многих звероводческих хозяйствах страны появится эта красавица.

...Еще в прошлом веке русские ученые утверждали, что нельзя надеяться только на дикую, лесную пушнину, надо самим ее разводить. В двадцатые — тридцатые годы в СССР начали ввозить из-за границы ценных пушных зверей, разведение которых было там уже освоено. Норвежский и финский песец, канадская серебристо-черная лисица, южноамериканская нутрия... Все они прижились в наших хозяйствах. Некоторые породы были заметно улучшены советскими звероводами. Норка, скажем, в 1930 году весила 600—700 граммов, а сейчас разводят норку, вес которой достигает четырех килограммов. Впервые удалось на севере акклиматизировать такого теплолюбивого зверька, как нутрия. Сейчас по выносливости нутрия не уступает обычному домашнему кролику. Разводят ее по всей стране, в хозяйствах и на приусадебных участках. Причем не только нутрий, завезенных полвека назад, но и наших, выведенных учеными кировского института — пастелевых, золотистых...

Сейчас в институте ведутся опыты по клеточному разведению белых песцов, колонков, цветных соболей. Через три-четыре года ученые предполагают получить чисто-оранжевого соболя. В природе он встречается очень редко, а красота его поразительна! В мечтах, уже почти реальных,— пастелевый, бежевый соболь... А почему бы и нет?

— Ожидаем успешных результатов еще одной серьезной работы,— продолжает Г. В. Соколов.— Столетиями добывают выдру — ценнейшего зверька, мех которого по прочности стоит на первом месте. Но вот как он размножается, никто не знает. Труднейшая профессия охотника на выдр стала в наше время уникальной. Все реже выдры появляются на аукционах. Нам непременно нужно научиться разводить этого ценнейшего зверька в клетке. Кое-чего уже достигли, в случае удачи получим отличный мех для отделки мужской одежды. На биостанции института проводятся интересные эксперименты с животными. Есть здесь и добродушные медведи — Тишка и Мишка, и свирепая рысь, и отчаянная росомаха...

Старший научный сотрудник М. Д. Азбукина с помощью специального прибора определяет остроту обоняния у собак и волков, ищет способы управления животными при помощи звуковых и запаховых сигналов. В институте изучают поведение животных в разные времена года, в разные часы суток. Девять тысяч охотников-корреспондентов во всех концах страны заполняют специальные анкеты, рассылаемые институтом, фиксируют свои наблюдения над жизнью природы, свой опыт общения с ней. Используя эти анкеты и собственные исследования, сотрудники лаборатории экологии и этологии охотничьих животных, которой руководит доктор биологических наук С. А. Корытин, предсказывают изменение численности животных в следующем году, указывают оптимальный объем заготовок по всей стране.

Главным документом, обсуждавшимся на XIV ассамблее Международного союза охраны природы и природных ресурсов, состоявшейся в прошлом году в Ашхабаде, была «Всемирная стратегия охраны природы». Известно, как болезненно реагирует на малейшее нарушение равновесия в ней все живое. Уничтожили волков — начали болеть и гибнуть зайцы, уничтожили воробьев — пострадала пшеница, создали слишком хорошие условия какому-либо животному — лосю, волку, кабану,—и вот уже новое явление: «убийство милосердием». Когда резко повышается плотность вида животных, детеныши рождаются слабыми, нежизнеспособными. Это то же, что слишком часто посеянная и не прореженная вовремя морковь. Поэтому просто запретить охоту не выход. Именно разумным ее регулированием были спасены у нас в стране бобр, соболь, сайгак...

— Мы ищем пути обогащения фауны,— рассказывает заведующий лабораторией биотехники М. П. Павлов.— Природа ведь не могла учесть всего. Ледники, горообразование, пожары, наводнения — в общем, расселение животных по земле проходило стихийно и не всегда справедливо. Много удобных для жизни территорий осталось незаселенными. Например, пятнистый олень жил только на Дальнем Востоке, в Приморском крае. По разным причинам этот вид был уже на грани исчезновения. Попробовали переселить его на Украину, где он никогда не жил. Результат — тысячные стада оленей на Украине. Он стал выше, сильнее, рога — главный показатель его жизнеспособности — красивее и крупнее.

Еще пример. В Советском Союзе никогда не жил канадский бобр. По сравнению с нашим бобром он крупнее, лучше приспосабливается к гористой местности, он лучше строит плотины, каналы, он более плодовит. Еще в тридцатые годы канадские бобры были завезены в Финляндию и, обосновавшись там, начали расселение по соседним странам. Перешли бобры и нашу границу — облюбовали реки под Ленинградом. К семидесятым годам «канадцев» стало так много, что решили попробовать переселить их в новое место — на Дальний Восток. Этим занялась группа сотрудников института под руководством заместителя директора В. Г. Сафонова. После большой подготовительной работы в 1977 году 60 бобров были доставлены на самолете из Ленинграда на Камчатку. Хотя их первая зима была лютой, «канадцы» там прижились. Образовались семьи, освоили каменистые русла рек, местные травянистые растения, камчатские деревья: душистый тополь, иву-корейнку...

Но внедрение в сложившееся сообщество животных новых видов — дело непростое. Существует серьезная опасность подавления новоселами аборигенов. Как-то в Подмосковье была завезена дальневосточная рыбка ротан. Размножалась она с потрясающей быстротой! Теперь ротан живет в сточных канавах, прудах, реках. И там, где он поселился, другим рыбам места нет. Даже простому карасю, плотве. А иногда выходит наоборот. Зверек шиншилла, очень ценный, с шелковистым, воздушным мехом, живет в щелях гор Южной Америки. Решили поселить его в горах Средней Азии, Кавказа. По климату эти места вполне подходили. Шиншилла — зверек ловкий, при весе в полкилограмма он пролезает в трехсантиметровую щель. Однако наша каменная куница, которая весит до девятисот граммов, оказывается, тоже может проникать в такие щели и вечно настигает шиншиллу. Пока опыт переселения этого зверька не удается.

Много веков люди пытались переселять глухарей, но безрезультатно. И вот впервые в истории опыт удался. Сотрудники института отлавливали глухарей в Кировской области и отправляли в Северный Казахстан. Там они освоились, прижились. Два года назад двенадцать глухарей отправили в Теберду — в сосновых лесах Северного Кавказа эти птицы никогда не жили. Наблюдения показывают, что Кавказ можно будет скоро заселить глухарями.

— Очень хотелось бы нам,— говорит заведующий лабораторией по изучению дичи А. Н. Романов,— попробовать переселение птиц, так сказать, в мировом масштабе. К примеру, американский воротничковый рябчик, канадская дикуша, дымчатый тетерев, думаю, что все они вполне приживутся у нас. Мы могли бы предложить американским охотникам глухарей, тетеревов, рябчиков. Кстати, о рябчиках. Сравнительно недавно впервые в истории изучения дичи ученые кировского института научились определять возраст рябчиков.

Сейчас в связи со строительством БАМа особенно много работы у Дальневосточного и Восточно-Сибирского отделений института. Конечно, магистрали века нужен лес, много хорошего леса. Но необходимо, чтобы он по возможности использовался разумней и бережливей. Вдоль трассы растет редкостойная даурская лиственница, способная существовать в условиях вечной мерзлоты. Если ее вырубить, то восстановить потом уже не удастся. Сотрудники этого отделения занимаются изучением влияния рубки леса на охотничьи угодья, на природу. Во что бы то ни стало нужно сохранять специфическую среду обитания, где в сложнейшей взаимосвязи существуют многие растения, животные, реки, болота, почвы. Ни в коем случае нельзя стремиться только к выгоде сегодняшнего дня, необходимо продуманное, долговременное планирование.

г. Киров.

Специалист по электронной микроскопии Ольга Шелим. * Оранжевый соболь. * Лисица-огневка. * Цветные нутрии. * В лаборатории товароведения работают Валентина Олькова и Елена Мешкова.

Валентин СОРОКИН

КОЛЫБ

НА БАЙКАЛЕ

На Байкале так много сини,
Так мерцает она вдали,
Словно ветры со всей России
Вдруг сюда ее принесли.
Широко и свободно воды
Добегают до самых звезд.
И Саяны под небосводом
Поднимаются в полный рост.
На Байкале в часы полночи
По глубинным развилкам дна,
Золотые прищуря очи,
Как царевна, идет луна.
И вослед ей не прячут радость,
Не скрывают далеких слез
Те, которых тот славный парус
Через бурю не перевез...
На Байкале круты удачи,
Своенравна, тяжка волна.
И не зря затаенно плачет
До рассвета в лесу желна.

●

В тихие и редкие селенья
Прилетает вечер-дуновей.
Напои скорей стихотворенье
Синим светом родины моей.
Длинным стоном, на луну летящим,
Радостным и тайным, напои.
Всем не спящим, добрым и скорбящим
Беды исцеляют соловьи.
Больно мне стоять под облаками
На житейской выжженной скале,
Где века проходят за веками,
Словно бури гневные во мгле.
И опять над нами брызжет солнце,
В рог зари восторженно трубя.
Разве ничего не остается
В мире от меня и от тебя?
Отсмеялись и пооткричали,
И, как листья, канули на дно
Глаз твоих крылатые печали
Заодно с моими, заодно.

АХ, БЕРЕЗА!

У березы моей на виду
По морозному полю иду.
Ты, береза моя, не звени,—
Позакованы холодом дни.
Лишь зовет, утешая меня,
Позабытая чья-то лыжня.
И далеко на этой лыжне
Ты девчонкою кажешься мне.
Ах, береза, береза моя,
Не зови ты в родные края.
Ты ведь знаешь, на тысячи верст
Все промерзло — от сердца до звезд.

●

И пролегла сторожкая граница
Между тобой, любимая, и мной:
Ты снова будешь до зари мне сниться
И в суете мерещиться дневной.
Подумаю о жизни — мало смысла
И мало в ней, наверно, доброты.
Вон та звезда, зачем она повисла,
Одна среди усталой немоты?
А реки пахнут ветром и росою.
Дрожит звезда в мерцающем огне.
Какой прибило тайною слезою
Тебя, моя горюнная, ко мне?
Я оттолкнуть ладонь твою не смею,
Я на нее, озябшую, дышу.
Все, что сберег, что ныне я имею,
В гремящий мир тревожно уношу.
А в мире ходят вьюги ножевые.
Горит звезда над полем. И луна
Плывет во мгле туда, где стрежневые
Ночные скалы трогает волна.

●

Ты такая сероглазая,
нежная да белокожая,
На березку позабытую,
на уральскую похожая,
Что росла не унываючи
возле речки, возле хутора,
Где лесные тропы дымкою
время зрелости окутало,
Где под зорями вечерними
звон кукушки в травы падает,
Где, блуждая в рощах утренних,
детство край весельем радует.
Посмотрю, тебя послушаю,
поклонюсь ветвям трепещущим
И уйду, и скроюсь в мире я,
синевой забвенья плещущем.
Словно стаи птиц рыдающих,
годы молодости выстрою.
Ты шуми, шуми над буднями,
над моею жизнью быстрою.

●

Одолевая встречное движенье,
Слепые и жестокие ветра,
Я в женщине ищу не утешенья —
Огонь для сотворения добра.
Среди мытарств, измен и одиночеств,
Среди вражды и дружбы лишь она,
Как та звезда, в бескрайний час полночи
Вела меня, предчувствием полна:
Что скинет мрак рассветная планета,
Мир обнажится, молод и лучист,
И звонко вздрогнет в сердце у поэта
Степной ковыль, черемуховый лист.
Я в женщине ищу предельной клятвы
И говорю, покорно преклонясь:
— А где-то бродит Ольга у Непрядвы
И тихо ждет, когда вернется князь!
Любимая, ты — поле голубое,
Зовущая, погибельная высь,
Ты — вечный миг раздумий перед боем,
В которых жизнь и смерть переплелись!

●

Золотой листопад, звоном полны ветра —
Это жизни моей золотая пора.
Золотая береза шумит на пути,
Мне ее, золотую, нельзя обойти.
Золотая луна закатилась во двор.
Вновь с тобой, золотою, веду разговор.
За тебя выпиваю я чашу до дна
Золотого, как горькая доля, вина.

ВИЖУ ПТИЦУ

Только глаза я бессонно прищурю,
Вижу я птицу и слышу я бурю.
Сильная птица, упрямая птица
К солнцу сквозь бурю отважно стремится.
Буря и гнет и ломает ей крылья,
В грудь ударяет кремнистою пылью.
Тьмою пугает и смертью стращает.
Все на пути сокрушить обещает.
Буря, не гневайся, буря, не трогай,
Буря, лети ты своею дорогой,
Ты ли не знаешь, как мается птица,
Птица, которая к солнцу стремится.

БЕССМЕРТНАЯ СИНЕВА

На Рязань или на Москву
Путь мне выпадет с вами.
Жизнь похожа на синеву,
Что течет меж холмами.
Жизнь похожа на ранний дождь,
Быстрый, шумный, отважный.
Пролетела и не найдешь
Капли — сгибни от жажды!
Жизнь похожа на злой огонь,
На пожар басурманий:
Отпылает, как чей-то конь
Вдруг проскачет в тумане.
Жизнь — призвание, черный быт.
Жизнь — и край и планета,
Все и даже цокот копыт —
Через память поэта.
Все, от солнышка до ростка,
Нянчено синевою.
Жизнь, ты вечна и так близка,
Плата — лишь головою!

ПОЭТ И ЛИСТ

ПОЭТ:

— Зачем звенишь ты, лист,
Клубится вечер, мглист,
И дышит даль дождем,
Зачем звенишь ты, лист?

ЛИСТ:

— Я не звеню — горю,
Приветствую зарю
И краснокрылый день,
Я не звеню — горю!

ПОЭТ:

— Сорвут тебя ветра
До солнца, до утра,
При свете горьких звезд
Сорвут тебя ветра!

ЛИСТ:

— Но это я звенел,
Я беззаветно смел,
Прозрачен, тонок, слаб,
Но это я звенел!..

СКАЧУЩАЯ ДОРОГА

В облетевшем лесу
стонут ели былинно.
За оврагом — овраг,
за долиной — долина.
Стонут ели,
и день настигает тревога.

ЕЛЬ ДУШИ

И бежит по холмам,
задыхаясь, дорога.
На свиданье спешит
или к раннему пиру.
Или черную весть
принесет она миру?

ХОЛМЫ

Б. В.

Осенние холмы, леса, поля и воды,
Предчувствием зимы звенят в ночи
восходы,
Звенят в ночи.
И облака в простор летят, как чьи-то
вздохи,
Туда, за гребни гор, за ранние эпохи,
За гребни гор.
Где нет еще меня, где я цветком иль
птицей
Жду ливня и огня, означенный родиться,
Где нет меня.
Жду часа торжества, когда во мне,
страдая,
Начнут шуметь слова, как роща золотая,
Начнут шуметь.
Про то, что в безднах гроз пропало эхо
лета,
Что струны древних слез — под пальцами
поэта,
Да, струны слез.
Пусть, вечен и знаком, мир виден отовсюду,
Лишь птицей иль цветком я никогда
не буду,
Нет, никогда!

ЗАРЯ, НЕ БЕЙ КРЫЛОМ

А ночью сентября
ко мне в окно заря
Стучит, стучит крылом:
«Ты вспомни о былом!»
Я вспомнил о весне,
кукушках на сосне,
Я вспомнил о цветах,
о снеге в тех местах.
Заря, не бей крылом,
я вспомнил о былом,
Я вспомнил о былом,
не бей, заря, крылом.

БОГИНЯ ТАРА

Богиня Тара, пожалей меня,
Убереги от зависти и злобы
И клеветы горбатые сугробы
С моей тропы развей в начале дня.
Я так устал и в сумерках вчера
Луну просил забрать меня на небо,
Ведь на земле закат встречать нелепо,
Когда убиты горем вечера.
Богиня Тара, покарай врагов,
Моих врагов, не знающих прощенья,
Святой любви и гордого отмщенья,
Обласканных у чуждых берегов.
Но не они, нет, не они страшны,
Плененные изменою уроды,
А их отцы — грабители свободы,
Которым наши выползни нужны!..
Богиня Тара, выручай меня,
Я никакой защитой не увенчан.
Не предавал я ни друзей, ни женщин
И не гасил державного огня.
Богиня Тара, за окошком ночь.
Саян туманы над Байкалом поднял.
И если я молю тебя сегодня,
То, значит, надо верить и помочь.

ПЕРЕД СНЕГОМ

И скучно и хмуро в просторе.
И дума все мглистей и мглистей.
Ворона сидит на заборе
И перья рачительно чистит.
Горбатые движутся ели.
Река чешуит подо льдами.
Еще и снега не летели
Над селами и городами.
Еще и мороз не ярился,
Не бил в барабан по округе.
Но мир широко пробудился
И смолк в ожиданиях вьюги.
Царапнулся ветер колючий,
Завыл и умчался куда-то.
И хищными рыбами тучи
Плывут в направленье заката.

БЕЛЫЕ КОНИ

Сергею Поделкову

Вьюжные, дикие, белые кони,
Кто вас преследует, кто вас так гонит,
Белые кони!
Через поляны, дороги, сугробы
Скачете — сунься навстречу попробуй,
Белые кони!
По городам, деревням заметенным
Мчитесь вперед в упоении темном,
Белые кони!
С радостью ль раннею, с позднею ль
грустью,
Мчитесь над зимнею, дымчатой Русью,
Белые кони!
Жил я — скитался, тужил я — метался,
Свисту, да эху, да вам я достался,
Белые кони!
Губы мои зацелованы горем,
Мать потеряла меня на просторе,
Белые кони!
Нет, не поведать про это словами —
Сердце мое улетает за вами,
Белые кони!

ЛЕСНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Самолет пролетел, и осыпался иней
В колыбели лесной, и морозной и синей.
Задрожали сторожко навстречу мне елки,
Навострив и нацелив зловеще иголки.
Зазвенели осины, березы вздохнули,
Озабоченно птицы в чащобу впорхнули.
Проповедник земной тишины убежденный,
Долго слушаю я этот мир возбужденный.

ПОСЛАНИЕ

Хоть вблизи, хоть за синь-туманом,
Ты мне видишься графоманом.
Нет в лице твоем одаренности,
Кроме зла неопределенности,
Кроме ненависти туманной
К нашей доле неграфоманной.

КАЗНЬ

Я видел Достоевского во сне, я так
четко все это видел во сне...

И подошел с повязкою палач:
Закрой глаза от мира!
Вешать будем!
И Достоевский поклонился людям.
Толпа качнулась, и раздался плач.
И содрогнулся узник глубоко.
Смерч гибели его окутал, красный.
Вот голос детства, громкий и напрасный,
Вот мать рукою машет далеко.
Дрожит вокруг и рушится земля.
Взвилась во тьме небесная дорога.
Она пуста, на ней не видно бога.
Есть виселица рядом и петля.
Скорей, скорей, проклятие, и вой,
И рев, и гул на площади ужасный:
— Помиловать!
И скрежет сабель властный,
Как молния, сверкнул над головой.
— Прочь! — молвил Достоевский
палачу,—
Я лучше бы теперь лежал в могиле,
Кто отменил, зачем же не казнили?
Я жить устал, я умереть хочу!
Сатрапы всех народов и времен,
Трусливые, бездушные уроды,
За вас горят в дурном чаду народы,
Стоят на страже варварских знамен.
На миг увидел свет перед тюрьмой
Полумертвец — справлялась где-то тризна
И отрекалась от него Отчизна,
Шепча:
— Родной ты мой, родной ты мой!..

•

Горькое, привычное, земное
Чувство одиночества, и ты,
Как тоска по той, любимой мною,
Как внезапный свет из темноты.
Вот опять — сторожкая, чужая,
Резкая,
о чем нам говорить?
Жизнь моя, прямая и большая,
И тебе ее не покорить.
Не к тебе по молодости вехам,
Шел я к ней, ведь память далеко
И звенит, и замирает эхом,
И горит в сознанье глубоко.
Тенью счастья оба мы повиты
От большого прожитого дня,
И твои упреки и обиды
Долететь не смогут до меня.

•

Горюнные березы стоят в слезах,
Зачем так воют ветры в сырых лесах?
Зачем так воют ветры, когда земля
Крутнулась по вселенной, золой пыля?
Зачем так воют ветры, когда звезда
Упала соловьихой к нам из гнезда?

ВИДЕНИЕ

На болотах за еловым бором
Серебрится в заморозки лед.
И над всем торжественным простором
Совершают звезды перелет.
И, когда сторожкая планета
Разольется конницами вьюг,
Холм знакомый тенью Пересвета
Возникает в Радонежье вдруг.
Богатырь, порошу обминая,
Говорит понятней и сильней:
— Это здесь лежит орда Мамая,
Лунный щит давно блестит над ней!
И возносит в поднебесье руку:
— Расточилась про́клятая гнусь,
Я зело наказываю внуку
Оберечь и осиянить Русь!..
И опять он пропадает в море
Глубины языческих ночей,
Где проносит ветер на просторе
Тяжкий стук изззубренных мечей.

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

Возвращение резидента

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава 14

УТКИН ПРОСНУЛСЯ

После длительного бездействия Владимир Уткин наконец проявил активность — это произошло весной 1972 года. Прежде он проводил свой отпуск дома, хотя ему местком предлагал путевки на юг. Теплому морю он предпочитал местную реку и рыбалку на ней.

На этот раз он изменил правилу и отправился к морю, но не на юг, а на север, на Балтику, и не на взморье, а в большой город, и именно в тот город, где жила Мария, жена Михаила Тульева. Если принять во внимание все поведение Уткина, за прошедшие годы ни разу не покидавшего места своего жительства, выбор этот не был случайным. С чего бы вдруг Уткина потянуло не куда-нибудь еще, а туда, где базировался бывший резидент разведцентра Тульев, где остались люди, знавшие и помнившие его?..

— Твоя Спящая Красавица, кажется, проснулась,— сказал полковник Марков Павлу Синицыну, вызвав его по этому поводу на дачу, где они обычно встречались.

Прозвище «Спящая Красавица» было кодовым именем Владимира Уткина, которое ему присвоили по предложению Павла.

— Пора бы,— сказал Павел.— И как это выглядит?

— Едет в Прибалтику.

— Марией интересуются?

— Не исключено.

— У Михаила что-нибудь не в порядке?

— Там время от времени трясет. Проверки...

— Но она-то им зачем?

— Кто знает? Во всяком случае, надо предупредить Марию, а то перепугается.

— Когда отправляться?

— Сейчас, буквально сию минуту. Он уже в поезде.

Павел встал.

— Оружие возьми,— сказал Марков.— Далеко его от себя не отпускай. Черт их знает, что там задумано.

— Не собирается же он Сашку украсть.

— Красть, может, не будет, но ты их все-таки подстрахуй...

Павел прилетел в город за восемь часов до прихода поезда, в котором ехал Уткин. Из аэропорта он позвонил Марии по телефону, а в половине двенадцатого ночи был у нее дома.

Мария не удивилась неожиданному появлению Павла. Он навещал ее не часто, но довольно регулярно. Во всяком случае, достаточно регулярно для того, чтобы сын Сашка считал дядю Пашу своим человеком и даже другом, и не потому, что дядя Паша обязательно привозил какие-нибудь подарки. Сама Мария относилась к Павлу по-родственному, словно он был братом ее мужа, Михаила Тульева.

Вообще с Москвой у нее связь поддерживалась прочная. Владимир Гаврилович Марков раз в месяц звонил, в дни рождения — ее собственный и Сашкин — и перед всеми праздниками непременно присылал поздравления.

Мария по-прежнему работала диспетчером в таксомоторном парке, и все у нее было по-старому. То новое и радостное, что происходило в ее жизни, было связано только с сыном. Вот теперь, например, Сашка заканчивает уже второй класс.

Материально она не нуждалась, хотя оклад у нее был небольшой: ежемесячно на ее лицевой счет приходил денежный перевод из Москвы — часть зарплаты Михаила...

Закрыв за собою дверь, Павел кивнул на комнату Сашки:

— Спит? Поговорим на кухне.

— Чаю или кофе? — спросила Мария в кухне.— Ты почему не снимаешь плащ?

— Я на минуту. У тебя все в порядке?

— Да. Ты проездом?

— Нет, специально к тебе.

— Тогда куда же торопиться?

— Еще надо устроиться в гостиницу и выспаться, завтра мне рано вставать. Слушай дело.

Мария поняла, что Павел на этот раз приехал не просто ради того, чтобы навестить их, и слегка нахмурилась.

— Да ты не напрягайся,— сказал Павел, усаживаясь за стол напротив нее.— Ничего особенного. Завтра приезжает один человек, думаю, захочет тебя увидеть.

— Связано с Мишей?

— Наверняка.

— А чего он хочет?

— Это ты мне потом расскажешь.

— Что его может интересовать?

— Понятия не имею. Но если спросит о Михаиле, говорить надо одно: уехал куда-то на Крайний Север, ты о нем ничего не знаешь, писем не пишет.

— С Мишей в порядке?

— Все нормально. Ты, Мария, не беспокойся насчет этого гостя, мы рядом будем. Скажи мне вот что: Сашок в школу сам ходит?

— Туда я его провожаю, а обратно — сам. Тут недалеко, даже через дорогу не надо. А почему ты спрашиваешь?

Видно было, что вопрос встревожил, и Павел выругал себя.

— Да так, не подумав, спросил...

— Не хитри, Паша.

— Ну, ошибся, прости. За Сашкой мы присмотрим, и забудь об этом.

— Легко сказать!

— Запомни: никогда ни один волос не упадет с Сашкиной головы.

— Ладно, забыла.

— Во сколько вы из дому выходите?

— В восемь.

— Я пошел. Извини, Сашке ничего не привез, торопился, купить не успел. Но ты ему, между прочим, не говори, что я заходил.

— Ладно. Когда появишься?

— Трудно сказать. Смотря по обстоятельствам. Но если не я, то кто-нибудь из наших к тебе заглянет.

— Ну, счастливо.

— Будь здорова, Мария. Последняя просьба: на улице головой не крути, ходи без оглядки.

— Хорошо.

От нее Павел отправился в городской отдел КГБ. Предупрежденный по телефону Марковым, начальник отдела ждал его. Условились таким образом: в распоряжение Павла выделяется местный сотрудник, они встречают гостя на вокзале, а потом будут действовать в зависимости от поведения Уткина.

Номер в гостинице был Павлу заказан. Полковник завез его по пути на своей машине. Поезд приходит в семь утра. У Павла оставалось пять часов — вполне достаточно, чтобы как следует выспаться.

Сотрудник из отдела КГБ заехал за ним в половине седьмого. По дороге к вокзалу они договорились о распределении ролей.

Встречающих на перроне оказалось не так много, и Павел решил остаться в зале ожидания, наблюдать через окно: попадаться на глаза Уткину ни в коем случае нельзя, потому что его, Павла, он может знать в лицо — наверное, Уткину перед засылкой показывали его портреты. Но если это и не так, все равно надо оставаться невидимым для Уткина.

Павлу было известно, что Уткин едет в восьмом вагоне, однако появиться он должен, по всем правилам, из вагона под другим номером,— если, конечно, он не полный растяпа и если инстинкт самосохранения заглох в нем не окончательно.

Действительно, Уткин с небольшим чемоданчиком в руке и со «Спидолой» на ремешке через плечо сошел на перрон из вагона № 6. Но предосторожности на этом и кончились. Осмотревшись по сторонам при выходе на вокзальную площадь, Уткин больше уже ни разу не оглядывался, не проверялся.

На стоянке такси он дождался своей очереди, и без четверти восемь они — Уткин, Павел и его помощник — были на улице, где жила Мария. Павел остался в машине, велев шоферу заехать во двор большого нового дома, а помощник вышел и отправился по другой стороне улицы следом за Уткиным, который, отпустив такси, тихо подвигался вперед и искоса поглядывал на номера домов. У № 34 он еще замедлил шаги, а потом совсем остановился, закурил. Павел проверял, не следит ли кто, в свою очередь, за его помощником,— это было нелишне. Но все оказалось чисто.

Без пяти восемь из подъезда дома № 36 вышла Мария с сыном. Сашка размахивал портфелем и, задрав голову, щурясь на утреннем солнышке, что-то рассказывал. Они достигли перекрестка и повернули за угол. Следом — Уткин, за ним помощник Павла, а чуть дальше — сам Павел.

У школы Мария поцеловала сына в щеку, он помахал рукой и тут же громко закричал

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—25.

кому-то из мальчишек, шедших к школе по другой дорожке.

Уткин догнал Марию. Павел и его помощник видели, как она приостановилась на секунду, увидев рядом с собой незнакомого мужчину. По всему видно, он знал Марию в лицо.

Помощник остался дежурить в районе школы, а Павел следовал за Марией и ее спутником. Не выпуская их из виду, он размышлял о действиях Уткина и не мог не прийти к выводу, что этот законсервированный агент получил для своей первой акции исчерпывающие исходные данные: кроме адреса, еще и внешность объекта, и даже точное время, когда объект выходит из дому. Неужели кто-то тайком составлял хронометраж рабочего дня Марии? Впрочем, все это, как и адрес, мог сообщить сам Михаил. Скорей всего, так оно и было.

У трамвайной остановки Мария и Уткин ненадолго задержались, коротко поговорили и пошли дальше,— должно быть, Мария по просьбе Уткина решила на сей раз добираться до таксомоторного парка пешком. Судя издали, разговор их не отличался оживленностью, но продолжался он целых полчаса. Что было главным в этом разговоре, Мария рассказала Павлу после, когда Уткин уехал.

Представившись как давний друг Михаила, но не сообщив своего имени, Уткин спросил:

— Не могли бы вы дать мне его адрес?

— Я сама не знаю,— сухо сказала она.

— Как же так? Вы жена...

— Очень просто.

— Он что же, не пишет?

— Представьте, ни строчки.— Ей самой этот факт как будто впервые показался удивительным и нелепым.

— Сбежал?

— Да вроде того... А откуда же, между прочим, вы узнали мой адрес, если сейчас спрашиваете адрес Миши?

— Я ведь здесь жил... До того как он уехал. Знал, куда ночевать ходит.

— Ага, понятно,— сказала Мария скучным голосом, едва сумев скрыть, как ей неловко сделалось из-за того, что собеседник врет столь неуклюже: ведь она переехала в эту двухкомнатную квартиру совсем недавно.

Минуты две они шли молча, потом Уткин сказал сочувственно:

— Простите за нескромный вопрос... И вы по-прежнему считаете его мужем?

— А что же делать? — сказала Мария.

— И он вам не помогает?

— Абсолютно.

Снова помолчав, Уткин сказал:

— Я сочиняю, я никогда не жил в вашем городе.

Мария удивилась:

— Не понимаю вас... Вам не кажется, что все это странно? Остановили на улице... Незнакомый человек...

— Михаил просил меня повидать вас, сказать, чтобы не беспокоились... Он сказал — вы знаете, где он...

Она остановилась, посмотрела ему в лицо.

— Прошу вас, прекратим это. Я ничего не хочу слушать.

— Вы можете передать ему через меня...

— Всего хорошего,— сказала Мария и перебежала на другую сторону улицы.

Уткин тем же вечером уехал из города поездом домой, через Москву.

Свой доклад Владимиру Гавриловичу Маркову в Москве Павел начал с такого заявления:

— Как хотите, а понять зарубежных хозяев Михаила невозможно.

— Почему?

— Смотрите, что получается. Уткин ездил к Марии для того, чтобы как-то и что-то там проверить, да?

— Предположим.

— Следовательно, они с самого начала, то есть с момента возвращения Михаила, не верят ему?

— Скажем, не до конца доверяют.

— Хорошо. Заметим это. Дальше: Уткин настолько уверен, что за ним никакого хвоста быть не может, что почти не проверялся. Что это значит? Как, по-вашему, Владимир Гаврилович?

— Они считают его надежно законспирированным.

— Как же так? — с подначкой спросил Павел.— Первый человек, которого увидел Уткин на нашей земле, был Михаил — подозреваемый Михаил. Значит, с первого шага Уткин должен быть на крючке. Или я неправильно рассуждаю?

— Вроде все на месте.

— Тогда где же логика?

— Действительно, не вяжется,— согласился Марков.

— Дальше. Я могу построить еще одно рассуждение — и опять получится совершенно кособокая вещь.

— Например?

— Примем как данное, что они считают Уткина засвеченным. Значит, легко сообразить, что мы Марию предупредили о его визите. К чему тогда вся эта петрушка?

— А ты не допускаешь...

— Простите, Владимир Гаврилович, я знаю, что вы хотите сказать. Все проверено: Уткин приехал один, за нами хвоста не было.

— Стало быть, остается признать, что Уткин ездил с честными намерениями? — поддразнивая Павла, спросил Марков.

— В таком случае я вообще отказываюсь понимать высокий полет мысли тех гениев, которые велели Уткину съездить к Марии. Набор вопросов был примитивный.

Когда Павел переходил на столь изящный слог, это значило, что обсуждаемый вопрос в силу своей абсурдности перестал его волновать. Сообразуясь с этим, Марков предложил:

— А теперь все-таки начнем сначала. Расскажи по порядку.

— Я записал для точности.

Павел вынул из кармана вчетверо сложенный листок, где был зафиксирован разговор Уткина с Марией,— дословно, с ремарками, сделанными Марией.

В ответ Марков дал Павлу прочесть одно из писем Михаила Тульева, в котором тот сообщал о подозрениях Себастьяна относительно него, о проверках на лояльность и о глухой борьбе между Себастьяном и Монахом.

— Может быть, ты прав насчет того, что Себастьян немного не в ладах со здравым смыслом,— сказал Марков в заключение беседы.— Что касается примитива, тут я затрудняюсь... Во-первых, в таких делах до сих пор действует старое правило: чем проще, тем вернее. Во-вторых, мы еще не знаем, с какими целями посылали Уткина к Марии. Может, проверка Марии — только предлог, а главная задача совсем в другом. Мы знаем не все.

— Вы, Владимир Гаврилович, себе противоречите,— не без ехидства заметил Павел.— Говорите: чем проще, тем лучше, и тут же сами все усложняете.

Марков усмехнулся.

— Так мы же не догматики. Мы живые люди.

...Беседа эта происходила 27 апреля 1972 года. 28-го Уткин вернулся к себе домой. 29-го было получено обширное сообщение от Михаила Тульева, и тот день положил конец спокойствию, царившему в старом, начавшемся еще десять лет назад деле. Все пришло в движение.

Михаил уведомлял Маркова, что в скором времени, не позже середины мая, в Советский Союз будет переброшен агент с серьезными задачами, которого он, Михаил, имел честь готовить к засылке и который ему был представлен под именем Владимира Прохорова, а на самом деле это Карл Брокман. Далее следовал подробный словесный портрет и жизнеописание Брокмана. Прилагались три фотокадра, на которых Брокман был снят Михаилом анфас и в профиль. Способ заброски Михаилу не известен.

Михаил особо подчеркивал, что Брокман в недалеком прошлом профессиональный наемный убийца. И строчкой ниже, по ассоциации, напоминал о своем предыдущем сообщении, в котором он рассказывал о разговоре с Монахом, когда Монах интересовался, сможет ли Павел ликвидировать человека.

В бесстрастном деловом изложении Михаила все это выглядело так буднично, так обыкновенно — «профессиональный убийца», «ликвидировать», что стороннему человеку стало бы не по себе. Подобные вещи не удивительны в ночных кошмарах, в фантасмагориях больного ума, а тут — служебное донесение. Но они — реальность, и никуда от этого не денешься. Даже самое древнее средство тайной войны — яды — пока не списано за ненадобностью в сверхнаучном двадцатом веке...

Марков в тот же день доложил о сообщении Михаила Тульева генералу и собрал на совещание всех своих работников, причастных к операции «Резидент». Сообща наметили круг мероприятий, необходимых для того, чтобы как полагается встретить появление Брокмана, каким бы ни оказался способ его переправы. В остальном оставалось только ждать.

После праздников, 4 мая, Марков получил еще одно важное сообщение: Уткин подал на работе заявление с просьбой освободить его от должности по собственному желанию. 2 мая Уткин выходил в эфир первый раз за все время пребывания в Советском Союзе. Его радиограмма очень коротка, передача длилась несколько секунд. Работал на незнакомом шифре. Дешифровка может доставить затруднения.

8 мая на почтамте в приволжском городе на имя Потапова, то есть Павла Синицына, была получена открытка. В ней его безымянный «Друг» (так была подписана открытка) извещал, что скоро приедет в Москву и что очень хочет повидаться. А о дне приезда еще сообщит, поэтому пусть Павел заглядывает на почтамт каждый день.

Уткин не хотел ждать, когда пройдут положенные две недели со дня подачи заявления, и добился расчета 6 мая. Начальник телефонного узла отпускал его с большой неохотой.

Уткин получил все свои документы — паспорт с отметкой о выписке, военный билет со штампом о снятии с учета, трудовую книжку, профсоюзный билет и разные справки, попрощался с товарищами по работе, угостив женщин десертным вином и шоколадом, а мужчинам выставив три бутылки коньяка, и 9-го отбыл в Москву. Выстояв на Курском вокзале длиннейшую очередь, он взял билет на поезд Москва — Батуми.

Обращало на себя внимание то обстоятельство, что ехал Уткин налегке, как в санаторий. За несколько лет оседлой жизни он успел обрасти вещами, но с собой взял только то, что влезло в стандартный чемодан средних размеров. Все остальное — телевизор, два пальто, одеяла, подушки, постельное белье и прочее оставил хозяину дома, сказав, что, может быть, вернется за барахлом, когда обоснуется на новом местожительстве.

«Спидолу» он нес на ремешке, перекинутом через плечо.

В Батуми Уткин по совету милиционера, к которому обратился на вокзале, отправился в бюро, ведавшее сдачей жилья неорганизованным курортникам, и так как сезон только начинался, ему тотчас предложили на выбор пяток различных вариантов. Он выбрал комнату в большом новом доме недалеко от порта, на очень оживленной улице.

Хозяевами двухкомнатной квартиры оказались пожилые супруги, пенсионеры. Уткину квартира понравилась. Он заплатил за месяц.

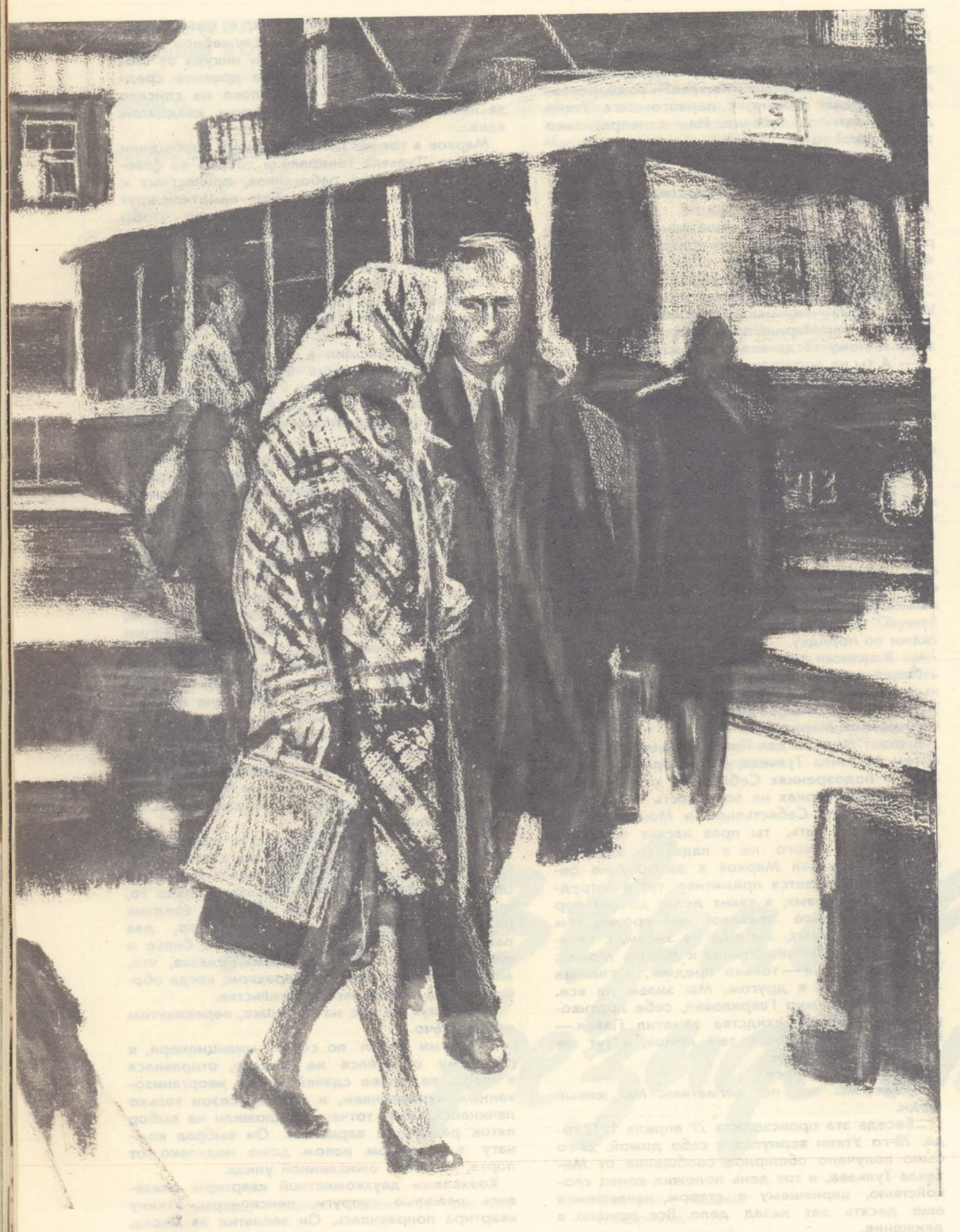
Глава 15

«МЫ ЗНАЕМ НЕ ВСЕ...»

Сопоставление действий Уткина и сообщения Михаила Тульева о переброске Брокмана напрашивалось само собой.

Первым долгом полковник Марков запросил сведения о прибытии в черноморские порты круизных лайнеров: тот факт, что в свое время Уткин прибыл именно на таком лайнере и, оставшись на берегу, отдал Михаилу свой контрольный талон для возвращения на борт, давал основания предположить, что история может повториться, тем более что тогда все сошло по видимости благополучно. Выяснилось, что греческий теплоход «Олимпик» прибывает в Батуми (с тем, чтобы затем отправиться в Одессу с заходом в Сочи и Ялту) 17 мая. Он везет двести пятьдесят туристов из различных стран Европы и Америки.

Элементарная эта догадка, если она окажется правильной, не противоречила всему остальному. Если Уткин встретит Брокмана и уйдет на «Олимпике» вместо него — получит объяснение и оправдание его многолетняя беспо-



рочная жизнь в Советском Союзе, обретет смысл казавшееся бессмысленным существование агента-болвана.

И все бы получилось как нельзя лучше, если бы не одно непредвиденное обстоятельство.

Полковник Марков сам же сказал: «Мы еще не знаем, с какими целями посылали Уткина к Марии. Может, проверка Марии — только предлог, а главная задача совсем в другом»,— следовательно, он допускал возможность возникновения каких-то неожиданных ситуаций. Собственно, то, что произошло, трудно назвать ошибкой. Просто приходится признать, что в данном конкретном эпизоде разведцентр оказался хитроумнее, чем полагали.

Был момент, который подтверждал правильность действий контрразведчиков: вечером того дня, когда Уткин прибыл в Батуми, в эфир выходил какой-то радиопередатчик, работавший в черте города. Этот факт, естественно, увязали с прибытием Уткина. Передача была очень короткой, почти мгновенной. Вероятно, послано сообщение: «Прибыл» или «Я на месте». А может быть, адрес.

Обратила на себя внимание резкая перемена в поведении Уткина. Если при поездке к Марии он не таился, не проверялся, то в Батуми сделался отшельником. Только раз он вышел из дому, чтобы посмотреть пассажирский морской вокзал. А потом — никуда. Старикам-хозяевам он сказал, что неважно себя чувствует, еще не акклиматизировался. Они ходили на базар за продуктами для него.

Так продолжалось до 17 мая.

Чтобы правильно понять и оценить то, что произошло 17-го, необходимо протокольно точное описание. Для вящей точности мы прибегнем к необычному, но вполне законному приему: без скобок дано то, что не надо было скрывать, в скобках — то, что действующие лица стремились сохранить в тайне.

«Олимпик» должен был ошвартоваться в Батуми в 10 часов.

Уткин проснулся в шесть. Побрился, умылся. (Прежде всего он разложил посреди комнаты чемодан, достал из него синюю пластиковую сумку и положил в эту сумку кое-что из своего белья — рубашки, майки, все неношеное, затем «Спидолу» — ту, что была радиопередатчиком. На нее — все свои документы, пачки денег, а сверху еще кое-что из белья. Задернув «молнии», он сунул сумку в шкаф, закрыл чемодан и поставил его рядом с сумкой.) Вторую «Спидолу» он повесил на плечо,— вот когда начала работать на дело тайная покупка второй «Спидолы», которая в отличие от первой была обычным радиоприемником.

Затем постучал к хозяевам. Вышедшей в коридор старушке он сказал:

— Нателла Георгиевна, на почту надо, домой позвонить.

— Поправились? Ну, сегодня денек хороший.

— Хочу вас предупредить. Ко мне должен заехать друг, зовут Володя... Пусть тут распоряжается... Он ненадолго.

— Да хоть бы и надолго. Нам не тесно.

Комнату Уткин не запер...

До порта было пятнадцать минут ходьбы.

«Олимпик» встречали только автобусы «Интуриста», гиды и предприимчивые продавщицы цветов. Уткин на причал не вышел, ждал внутри вокзала, у входа.

Когда носовые и кормовые швартовы были закреплены на кнехтах, спустили трап, и на борту тут же началась несложная процедура, предшествующая переходу туристов с корабля на берег. Пограничники — офицер и два сержанта, которые для ускорения дела поднялись на «Олимпик» с катера еще в море, расположились у трапа, сержанты держали в руках длинные полированные ящички. Сходили группами по двадцать пять человек. Старший группы отдавал офицеру паспорта и предъявлял список туристов. Офицер передавал паспорта сержанту, а тот складывал их в ящичек. Затем туристы по одному подходили к трапу, пограничники вручали каждому пропуск, а контрольный талон, оторванный от него, оставляли у себя.

Первая группа минуты через три была уже на твердой земле. Пассажиров окружили цветочницы. Гиды стояли чуть поодаль, готовые приступить к своим обязанностям. Щелкали затворы фотоаппаратов, шипели кинокамеры, ярко светило солнце и ярко зеленела зелень. Все как полагается.

Всякому, кто наблюдал бы, как сходила эта группа, нетрудно было выделить в ней одного человека — мужчину лет тридцати пяти, который еще с борта искал кого-то глазами на берегу. Если бы к тому же наблюдающий знал в лицо Карла Брокмана, он бы нашел, что этот турист очень на него похож.

К группе подошла девушка-гид, поговорила со старшим, и тот по-немецки объявил номер автобуса, который их ждал. Группа двинулась нестройными рядами к автобусам, но не вся: озабоченный турист отделился и направился к зданию морского вокзала, из дверей которого показался Уткин со «Спидолой» на ремешке.

Тут с ним опять произошла перемена. Уткин отдал «Спидолу» туристу, и тот повесил ее себе на плечо. Пожав друг другу руки, они не спеша зашагали в город. Они мирно беседовали по-немецки, и вид у них был беспечный, словно у двух добрых приятелей, собравшихся в субботний день на футбол. Уткин то и дело смеялся.

Они приобрели в галантерейном ларьке холщовую сумку с изображением ковбоя в жеваной шляпе, синего, с перекошенным как от зубной боли лицом, затем прошлись по магазинам, и сумка наполнилась марочными винами.

(Между тем в третьей группе туристов на берег сошел Карл Брокман, числившийся в списке под чужой фамилией,— его уже никто не встречал, никто не приметил, так как все наше внимание отдано Уткину и его спутнику. Одет он был почти как Уткин, только рубаха была не голубая, а темно-синяя. В одной руке он нес кофр, какими пользуются фотокорреспонденты, в другой держал пиджак.

Покинув свою группу, отправившуюся к автобусам, Брокман, не теряя времени, сел в обычный рейсовый автобус и проехал пять или шесть остановок. Потом сошел.

Без четверти одиннадцать он вошел в дом, где остановился Уткин,— адрес, сообщенный в разведцентр радиограммой, он запомнил, уходя в последний раз из виллы Монаха.)

— Добрый день,— сказал Брокман открывшей дверь Нателле Георгиевне.— Если не ошибаюсь, у вас остановился Владимир Уткин.

— Да, да, проходите, пожалуйста,— ласково пригласила она.— Вас ведь тоже Володей зовут? Будьте как дома, вот его комната. Он сказал, на почту пошел, позвонить.

— У меня кое-какие дела. Ничего, если туда-сюда ходить буду?

— О, пожалуйста,— поспешила успокоить его Нателла Георгиевна.— А хотите, я дам вам ключ от квартирной двери? У нас есть запасной.

— Не надо.

— Ну, располагайтесь.— И она ушла к себе.

(Брокман оглядел комнату Уткина, заглянул в шкаф, достал сумку.

Затем вынул из кармана плотную, как картон, карточку,— это был пропуск на «Олимпик». Брокман сунул его в карман висевшей на спинке стула коричневой замшевой куртки Владимира Уткина.

Оставалось лишь переложить в сумку содержимое кофра. Сделав это и оставив кофр в комнате, Брокман взял сумку, выглянул в коридор, убедился, что там никого нет, и покинул квартиру.

На поиски машины, которая шла на Тбилиси, ему потребовалось всего несколько минут.)

В то время, как Брокман выехал из Батуми в столицу Грузии, поразительно похожий на Брокмана турист и Уткин, нагрузившись покупками, пришли к Уткину домой.

Нателла Георгиевна сообщила, что приятель заходил, но тут же куда-то исчез. Уткин сказал:

— У каждого свои заботы.

В комнате он первым делом проверил карманы куртки и, найдя пропуск на корабль, положил его себе в карман брюк.

— На паспорте фотокарточка твоя,— сказал турист.

— Знакомая история.

Говоря так, Уткин имел в виду историю своей засылки в Советский Союз. Тогда он сходил на берег и уступал свое место Михаилу Тульеву, и на его паспорте, который сдавался пограничникам, было наклеено фото Тульева.

Они посидели немного, покурили и покинули квартиру, оставив все вещи и не простившись с хозяевами.

Непредсказуемо вели себя Уткин и турист, особенно последний. По всем правилам, он бы должен был остаться, раз уж ему в этой ситуации отвели роль Брокмана. А он вместе с Уткиным, дождавшись, когда к трапу подошла большая компания вернувшихся с экскурсии пассажиров «Олимпика», присоединился к ним и поднялся на борт. Никаких недоразумений не произошло.

В том, что произошло, полковник Марков видел собственную ошибку, о чем он прямо сказал Павлу, когда они встретились ночью на загородной даче.

— Грубой ошибки вроде нет,— попробовал смягчить выводы Павел, впрочем, без всякой убежденности.

— Мы могли бы предусмотреть незатейливый фокус с этим третьим,— возразил Марков.

Павел упорствовал:

— А может, это не третий? Может, Брокмана и не было?

В другое время Марков, наверное, употребил бы здесь ядовитую шуточку, но сейчас не считал это уместным.

— Для чего же, объясни, Уткин делал все так демонстративно? Буквально лез на рожон... И не рано ли мы ослабили наблюдение за квартирой, где он остановился?

Павел пожал плечами и ничего не ответил.

— Молчишь? — сказал Марков и посмотрел на часы.— Насчет того, третий это или не третий, узнаем утром. Одно могу сказать тебе совершенно точно: перед Иваном Алексеевичем мне было бы вот как стыдно. Наш с тобой новый начальник по первости еще с нами деликатничает, а мы достойны... достойны...

Упоминание об их прежнем начальнике — генерале Иване Алексеевиче Сергееве, при котором Павел поступил в управление, который вел их столько лет и вдруг скончался от инфаркта минувшей зимой в свои неполные пятьдесят семь лет, сделало настроение еще более печальным. Стараясь стряхнуть его, Павел начал размышлять вслух:

— Ну, допустим: Уткин с этим типом выставляли себя напоказ, чтобы отвести внимание от Брокмана. А тот, конечно, не терялся...

Марков смотрел на него, не перебивая. Павел продолжал:

— Если так — плохи наши дела. Значит, Уткин и вправду ездил к Марии, чтобы провериться. Пора подавать рапорт по собственному желанию. Срисовал меня Уткин, а я-то сам себя нахваливал: мол, чистенько сделано, Уткину даже ни разу не померещилось.

— Ты не один был,— напомнил Марков.

— Что об этом толковать? Теперь надо дальше глядеть, а мне, если честно, и заглядывать тошно.

— Расплакался,— проворчал Марков.

— Но ведь все летит к черту! — не выдержал Павел.

— Почему же?

Павел выставил растопыренную пятерню и начал загибать пальцы:

— Брокман ушел — раз. Уткин меня раскрыл — два. Что с Михаилом будет — три.

Эта вспышка словно придала Маркову спокойствия.

— Тебя он мог и не видеть.

— Раз он ездил ради проверки, значит, они раньше подозревали. Одним узлом все связано.

— К тебе они никогда особого доверия не питали.

— Я-то ладно. Что будет с Михаилом?..

— Посмотрим. Возможно, придется отзывать. Ему и здесь дела хватит. А Брокман, что ж... Мы не с пустыми руками... Давай-ка спать, подъем — ни свет ни заря...

Они разошлись по спальням и улеглись.

Полковник Марков говорил верно — у них в руках кое-что имелось. Главное — фотографии Брокмана, сделанные Михаилом Тульевым. Были также известны некоторые привычки Брокмана. Правда, судя по всему, надежду на то, что Брокман будет жить по документам Владимира Уткина и использовать тщательно подготовленную им легенду, придется оставить. Какой же нелегал станет скрываться под крышей, которую знают в контрразведке и которую видно за тысячу километров?

Но, во-первых, разыскивали людей и при менее определенных приметах, а во-вторых, все значительно ускорится и облегчится, когда Брокман начнет действовать. Можно было рассчитывать, что он прибыл в страну не для того, чтобы, подобно Уткину, зарыться в нору и тихо сидеть месяцами и годами...

Как и обещал, Марков разбудил Павла рано — не было еще и шести. Утро выдалось солнечное, на голубом небе — ни облака. И настроение у них немного поправилось.

Пока Павел делал на поляне зарядку, Марков звонил в Москву. Но весть из Батуми пришла только через час, когда они уже позавтракали. Худшие предположения подтвердились: Нателла Георгиевна, хозяйка квартиры, где останавливался Уткин, рассказала навестившему ее сотруднику КГБ, как приходил накануне друг ее жильца Володя. По ее довольно подробным описаниям это был подлинный Брокман, хотя не все особенности внешности точно совпадали.

Продолжение следует.

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ В ГОСТЯХ У МОРЯКОВ

Г. Димитров с матерью и сестрой Магдалиной на праздничном гулянье в Севастополе. 1934 год.

Фото Ю. Белова

В один из морозных февральских дней 1934 года по московскому радио сообщили, что Георгий Димитров и его товарищи Б. Попов и В. Танев освобождены из берлинской тюрьмы и прилетают в Советский Союз. Тысячи москвичей встречали прибывших в аэропорту.

Отважного революционера, видного деятеля международного коммунистического движения Г. Димитрова в те дни приглашали на фабрики и заводы, в совхозы и колхозы, в воинские части.

Вот как вспоминает об одной такой встрече с военными моряками Черноморского флота контр-адмирал в отставке Илья Михайлович Нестеров:

«С 1933 по 1936 год мне довелось командовать подводной лодкой «Якобинец». В начале июля 1934 года Димитров гостил у трудящихся Крыма и был приглашен к черноморским морякам. Помню, день 7 июля выдался солнечный, безветренный. Над головой ярко-синее небо. После подъема флага я был на пирсе. Неожиданно меня вызвали в штаб.

— Через несколько часов к нам прибудет Георгий Димитров,— сказал начальник штаба Б. А. Котловский.— Он посетит «Якобинец». Подготовьте лодку к приему почетного гостя!

Моряки срочно начали готовиться к встрече. Художники написали лозунги: «Пламенному агитатору за коммунизм, стойкому большевику Димитрову от подводников боевой привет!», «Мы гордимся тобой, тов. Димитров, рады твоему пребыванию среди краснофлотцев-подводников!».

В сопровождении руководителей Черноморского флота появился Г. Димитров. Оркестр грянул торжественный марш, я отдал приветственный рапорт.

Георгий Димитров прошел по всему кораблю, поговорил с моряками. Интересовался, как идет боевая и политическая подготовка, как живут и отдыхают подводники. Узнав, что механик Д. Водяницкий — самый старший по возрасту на лодке и участвовал в гражданской войне, Георгий Михайлович особенно подробно расспросил его о службе на флоте.

После знакомства с подводной лодкой и моряками Георгий Димитров выступил перед командирами, поделился своими впечатлениями о лейпцигском процессе. Встреча с видным деятелем международного коммунистического движения навсегда сохранилась в памяти подводников»,— закончил свой рассказ И. М. Нестеров.

В этой поездке по Советскому Союзу Георгия Димитрова сопровождала мать Парашкева Димитрова. На одной из встреч она рассказала о том, как боролась за своего сына:

«Мне не давали свидания с Георгием. Адвокат мне сказал: «Вашему сыну угрожает смерть, уговорите его молчать и заслужить милость суда». Я не могла и не хотела этого делать, я сыну сказала: говори, мой сын, ты говоришь правду, выступай не только в защиту себя, но защищай трудящихся всего мира, выступай от имени той партии, которой ты принадлежишь. Знай, что миллионы рабочих борются за твое спасение, они знают, что ты не виноват».

О. ЧЕМЕСОВ,
доцент, кандидат исторических наук

Ленинград.

Георгий МДИВАНИ

НОВЫЕ КАРТИНЫ Д. НАЛБАНДЯНА

Только
нога
ступила в Кавказ,
я вспомнил,
что я —
грузин.

Да, великий Маяковский родился в Грузии, в селе Багдади. Сейчас здесь поселок Маяковский, а тогда было обыкновенное село, каких много в западной Грузии. Багдади — одно из живописнейших мест республики. Здесь на равнинах и холмогорьях раскинуты виноградники, кукурузные поля и фруктовые сады. Над ними — горы и леса со столетними деревьями. Еще выше — просторы зеленых альпийских лугов. И совсем высоко — вечно снежные горы. Все это создает неповторимую красоту родины Владимира Владимировича.

Я был бесконечно рад, увидев в Москве, в Государственном музее В. В. Маяковского, большую новую картину художника Дмитрия Налбандяна. Как только минуешь гранитный фасад музея и входишь в здание, сразу перед твоими глазами возникает картина; как будто для тебя пробили стену, и ты сразу попадаешь из центра Москвы в красочный уголок западной Грузии.

Глядя на талантливое полотно Налбандяна, вспоминаешь знакомый домик Маяковского в Багдади, с лестницей, с грузинским балконом и маленькой комнатой, где родился будущий трибун революции.

На картине — двор перед домом, и на первом плане стоит поэт, окруженный своими односельчанами. Среди присутствующих много сверстников, друзей детства. Вместе с ним они играли в этом дворе, бегали вниз к речке Ханис-цхали. Эта река видна слева на картине. Они купались, ловили рыбу, загорали, боролись и играли в чехарду. И никто из них не замечал, что Володя — русский парень, сын лесничего, которого так любили крестьяне. Сейчас перед ними Володя — но уже Владимир Маяковский, известный всему миру поэт, который, вспоминая свое детство, сказал: «Я в долгу...— перед вами, багдадские небеса...» Присутствующие внимательно слушают его, наверное, он рассказывает о величии Советской страны, о далеких своих путешествиях — рассказывает по-грузински. Да, великий поэт прекрасно знал грузинский язык. Несмотря на то, что картина Налбандяна — это только застывший миг на огромном холсте, видно, что поэт говорит на языке, понятном для окружающих его грузинских крестьян.

Присутствовавшие на встрече поэта с односельчанами рассказывают, что Владимир Владимирович говорил по-грузински, шутил, как шутят между собой друзья, и вспоминал даже прозвища своих товарищей детства.

На картине Дмитрия Налбандяна, кроме оратора, еще восемнадцать персонажей. И все они такие разные и неповторимые. Вот слева девушка с повязанной головой. Видно, она только что пришла с работы, с виноградника, и жадно слушает гостя, удивленная, очарованная. Рядом с ней один из руководителей района, в сапогах, в кожаном пиджаке. Справа от поэта русский рабочий. Возможно, мастеровой. Наверное, тоже один из друзей детства Володи, с которым он, как говорится, на «ты».

В том-то и сила картины Налбандяна, что будто слышишь, как увлекательно рассказывает поэт о разных событиях.

Грузинские литераторы дружили с Маяковским, они вместе часто собирались и слушали молодых поэтов.

Во время приезда Владимира Владимировича в Тбилиси в 27-м году около десятка молодых поэтов собрались в читальном зале Союза писателей. Маяковский, сидя у большого стола, вокруг которого расположились молодые люди, слушал внимательно. Помню, сказал он одному из читающих: «Вставай! Лучше читается, когда стоишь на ногах». Молодой поэт встал и зычным голосом прочел стихи. «Вот видишь, как здорово,— сказал Владимир Владимирович и, улыбаясь, добавил:— Я не о стихотворении говорю "здорово", а о том, как хорошо читается, когда крепко стоишь на ногах». Он выслушал всех нас, одних похвалил, других покритиковал. Одному сказал: «Попробуй в прозе, может быть, лучше получится»,—другому заметил: «У тебя стихи хорошие, но не бойся индустриальных слов. Если бы Пушкин жил в наши дни, он не испугался бы в своих стихах употреблять слова: аэроплан, фабричные трубы или трактор». Кто-то из наших спросил Маяковского: «Вы вчера были у студентов университета. Они задавали вопросы о лирике. Что вы им ответили?» Поэт улыбнулся, потом вдруг стал серьезным и сказал: «Сегодня настоящему поэту не до лирики. Если бы у меня было время, я такую лирику запустил бы, что от моих стихов плакали бы все девушки от семнадцати до семидесяти лет. Сегодня надо петь о строительстве нового мира, петь о революции и о новых людях...»

Эти воспоминания навеяла на меня замечательная картина Дмитрия Налбандяна.

Фальшь в искусстве скрыть невозможно. Тем более невозможно скрыть ее в живописи. Из-за фальши многие произведения делаются скучной, бездушной жвачкой и не волнуют человека, не трогают сердце. Зритель сразу чувствует подделку.

Разве мог бы Репин создать полотно «Иван Грозный и сын его Иван», если бы не видел художник места, где произошла эта трагедия, если бы не знал психологию, характеры, историю.

Невозможно было бы с такой силой и так ярко передать пейзаж западной Грузии, если бы Налбандян не пожил в Багдади. Да, горы со снежными вершинами вечны, вечны и эти альпийские луга, как вечно солнце, освещающее картину. Меняются только люди, и это ярко видно на полотне художника. С левой стороны от поэта стоит деревенский кузнец в кожаном фартуке. Видно, что он сверстник Володи, они разговаривают, глядя друг другу в глаза. Улыбается старая женщина, она тоже помнит семью Маяковских и их маленького сына.

Дмитрий Налбандян — один из лучших современных портретистов. С полотен художника глядят на вас такие знакомые всем лица мастеров культуры и искусства: Горький и Репин, Хачатурян и Лавренев, скульптор Кибальников, режиссер Туманов и многие другие. У каждого из них вы видите присущие только ему штрихи характера.

Вот картина художника «Максим Горький у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне в 1900 году». В Ясной Поляне, в осенний день, за окнами веранды желтеют листья знакомой аллеи усадьбы Льва Толстого. А на веранде молодой Горький, волнуясь, читает великому писателю свое произведение. Толстой задумчивыми, прищуренными глазами глядит на молодого человека. Кажется, он уже понимает, что Горькому суждено стать писателем, завоевать мировую славу, суждено быть буревестником грядущего.

Большое искусство — это не только эстетическое удовольствие, это сила идей. В каждой картине Налбандяна присутствует идейная целеустремленность, каждое его полотно — это разговор о значительных событиях нашей жизни, нашей политики, утверждение советского характера. Начиная от первого большого полотна «Выступление С. М. Кирова на XVII съезде партии» и кончая картиной «Маяковский в Грузии», он прошел большой путь мастера-коммуниста, политического деятеля, художника, который взял компасом своего творчества традиции классиков, реалистов.

Еще совсем молодым человеком, будучи студентом Тбилисской академии художеств, Дмитрий Налбандян работал под руководством большого мастера живописи Евгения Евгеньевича Лансере. Летом, во время каникул, он собирал талантливых студентов и уходил с ними в горные районы Грузии: в Сванетию, Хевсуретию, на вершины Кавказского хребта. Они изучали природу, ее красоту и неповторимость... Среди этих студентов бывал и Дмитрий Налбандян.

Сила его творчества в том, что традиции классики для него не догма. Его картины невозможно перепутать с картинами других больших современных художников. У него свой почерк, свой язык, свое восприятие действительности...

Картина «Маяковский в Грузии», украшающая сегодня музей великого поэта в Москве,— одно из талантливейших произведений большого советского художника. Именно таким видел поэта молодой Налбандян в 1927 году. Он запомнил его в этом сером костюме, твердо стоящим во весь рост на сцене концертного зала Тбилисского театра имени Руставели, где большая аудитория неистовствовала, приветствуя огненные слова поэта-трибуна:

Я знаю:
глупость — эдемы и рай!
Но если
пелось про это,
должно быть,
Грузию,
радостный край,
подразумевали поэты.

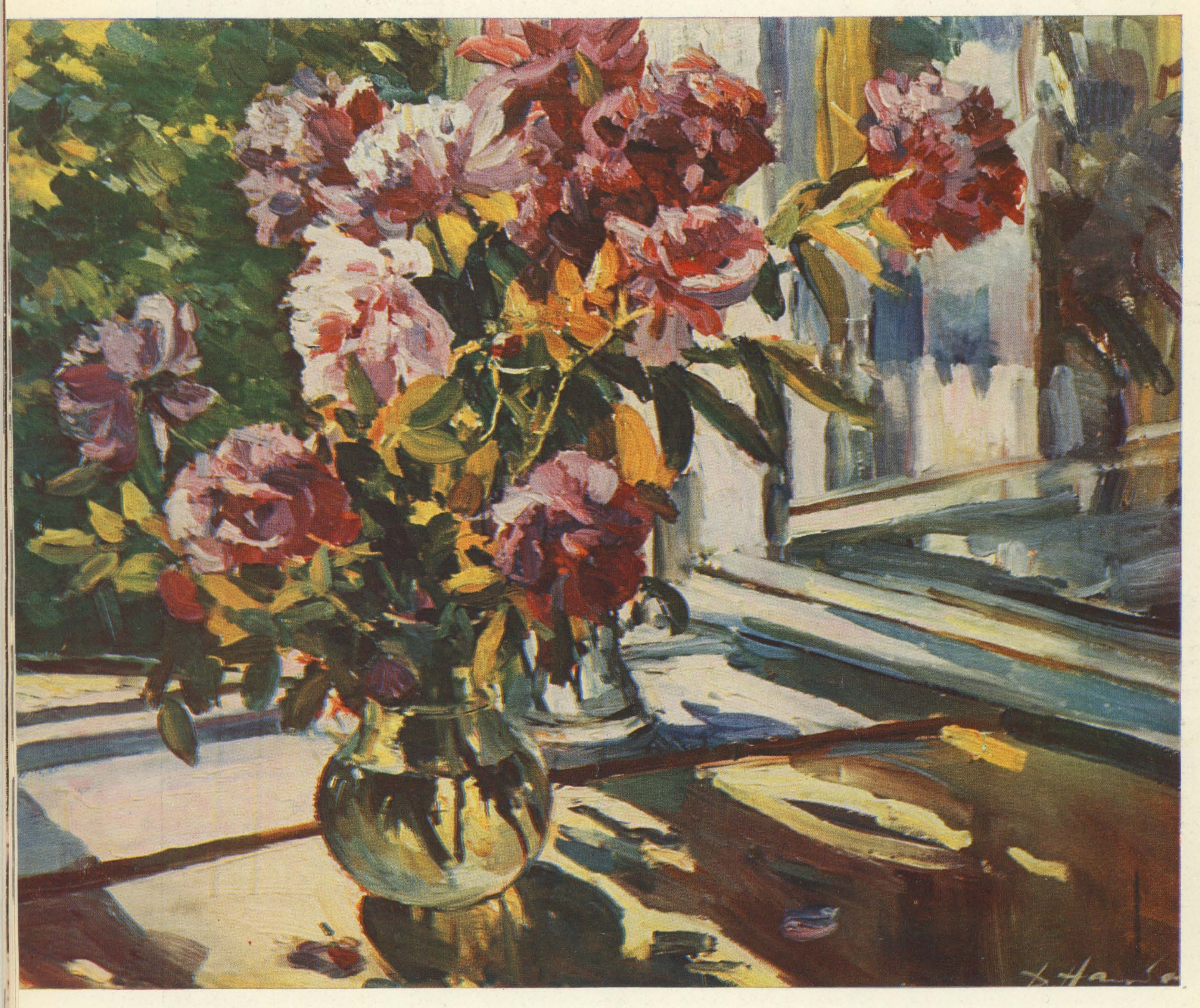
Когда Налбандян писал эту картину, он, конечно, думал про радостный край — Грузию, где сам родился и вырос.

Д. Налбандян. Род. 1906. МАКСИМ ГОРЬКИЙ У Л. Н. ТОЛСТОГО В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ В 1900 ГОДУ. 1977.

Государственный Русский музей.

Д. Налбандян. ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ В ГРУЗИИ В 1927 ГОДУ. 1979.

Государственный музей В. В. Маяковского



Д. Налбандян. СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ. 1978.

АКТЕР — ГЛАШАТАЙ ЭПОХИ

Борис СОРОКИН,
заместитель председателя правления ВТО

Молодая советская литература и театр с первых же дней обоюдно стремились зажечь, вдохновить людей героикой, образной силой революционного самоотверженного подвига. Со спектакля «Фуэнте Овехуна» бойцы, как один, будучи заряжены могучим социальным чувством, шли в бой, чтобы воевать против зла и отстаивать добро. Уже тогда они умели связывать неведомую им доселе, а теперь близкую жизнь героя не только со своей внутренней жизнью, но как бы даже с ее реальными конкретными обстоятельствами.

Рождавшийся театр Революции — ее мощная идеологическая опора,— следовательно, уже в ту пору понимал, как нужен людям такой герой, в котором народ увидел бы «земляка», близкого товарища, друга... И, повинуясь этому требованию жизни, самой эпохи, на сцену шли один за другим непреклонные борцы: Любовь Яровая, Виринея, Комиссар... Позднее героями стали люди труда: Григорий Гай из «Моего друга», Анка из «Поэмы о топоре»; еще позднее Забродин из «Ленинградского проспекта».

Все они отображали свое Время. Их дела опять-таки были примером для подрастающего поколения.

Сейчас в печати появилось много статей, затрагивающих критически проблему актерского мастерства, подмечающих тенденцию некоторых театров не столько воспитывать, сколько развлекать, забавлять публику. И невольно задумываешься: нет ли в этом прямой связи с тем, что за последнее время происходит обытовление образа Героя — этой огромной, решающей силы сценического (да и не только сценического) искусства...

Размышляя о том же «Ленинградском проспекте» И. Штока, один из выдающихся наших актеров, Н. Мордвинов, писал: «Вмешиваться в жизнь для ее переустройства — долг художника, а не демонстрация своих талантов для получения зарплаты. Вот уберечь бы мне своего Забродина на этой высоте. Не остудить бы горячего сердца расчетом. Этаким простым и холодным, каким наводнено сейчас наше искусство. Простая форма может быть и богатством выражения и его нищетой, простотой, за которой прячутся и серость, и леность, и убогая душа».

Воюя против «жиденького» искусства, Н. Мордвинов прозорливо усматривал в нем просто нетворческое, приблизительное видение жизни, уход от ее неисчерпаемого богатства, силы и мощи.

В самом деле, достаточно один день или даже один вечер провести возле телевизора, прослушать вовсе, казалось бы, будничную информацию о повседневной трудовой жизни народа — и какие же тогда откроются яркие, привлекательные, непохожие характеры советских людей; какие большие, чудесные они вершат дела!

Никому не надо доказывать, что советский человек является подлинным героем современности. Он изумляет мир подвигами. Ему свойственно коммунистическое отношение к своей работе, к окружающим людям; покоряет его зрелый интернационализм, высоконравственный склад души — качества, воспитанные партией.

Каким же счастьем для театра была бы возможность масштабно воплотить в образах этот невиданный расцвет нашего общества, величие наших дел.

Да, конечно, многие и многие театры страны в поисках героя сразу же берут на вооружение великолепные образы советской литературы. Не найдешь, наверное, сцены, на которую не вышли бы персонажи шолоховских книг; появились перед зрителями заново осмысленные театром герои произведений Мих. Алексеева, Ю. Бондарева, Вас. Быкова, В. Шукшина... Самоотверженные, прекрасные люди: лейтенант Княжко — живой образ чести и долга; надежный, как сама Родина, солдат Сотников; колхозница Феня, любовно прозванная Ивушкой неплакучей. Все это люди, живущие высокими идеалами, подлинные Герои с большой буквы, которые и дают театру желанную для него возможность стать Театром: нести зрителю высокое искусство, даруя ему восторг сопереживания. Они реально необходимы и сцене и зрительному залу. Будучи достоверными, они тем не менее **поднимают нас над бытом** неподдельной силой внутреннего, духовного горения. Но ведь эти прекрасные люди, вышедшие на сцену сегодня, жили и действовали **вчера**, в дни войны. Тогда они боролись, отстаивали свое правое дело, свои коммунистические принципы. А где же наше **сегодня!** — спрашивает зритель. И почему, справедливо ли, что ныне живущие, сегодняшние герои приходят в искусство довольно-таки заурядными людьми, неяркими и простенькими. Ведь это не та благородная простота, за которой скрываются глубины характера, большие запасы сердца и души. Увы, это обычность. Та самая серая, плоская обычность, какую не хочется сравнивать даже с фотографией — это было бы слишком уж несправедливо, поскольку на фотографиях часто бывает запечатлен подвиг, волнующее событие, прекрасное лицо героя-современника — все то, с чем так редко встречается зритель на сцене...

Герой и современник — совсем не всегда адекватны. А в искусстве эти понятия и вовсе различны; герой и современник на сцене далеко не одно и то же! Не к каждому современнику можно предъявлять требования, какие под силу подлинному Герою, несущему в себе одухотворенность и масштабность современной, да, именно современной, сегодняшней личности в поступках и свершениях, в конкретных событиях **нынешнего дня.**

«Ничто так не возвышает личность,— сказал Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде КПСС,— как активная жизненная позиция».

Жизненную позицию — ту или иную — занимает всякий человек. Понятие же героя подразумевает личность именно выдающуюся, возвышенную, хотя при этом далеко не единичную,— не стоящую «над» народом, «над» жизнью, напротив!.. Наша страна — страна Героев. Именно личности, прекрасные, сильные люди строят и укрепляют нашу жизнь. Они созидатели. В них, как вчера и позавчера, как в первые дни революции, ярчайше выражено Время, выражена сама эпоха. А когда на сцене появляются люди средние, то самое понятие героя постепенно нивелируется.

Современный герой нашей подлинной жизни всегда проникнут большими, серьезными заботами своего времени. Он, и никто другой, своим трудом добивается все новых и новых побед социалистического строя, укрепляет благосостояние народных масс, отстаивает мир во всем мире...

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» прямо сказано: «Обратить внимание на создание новых значительных произведений литературы и искусства, талантливо отображающих героические свершения советского народа, проблемы развития социалистического общества, разящих наших идейных противников».

Как видим, к искусству театра эти первоочередные по своей значимости задачи обращены впрямую. Именно образ героя, нынешнего советского человека-труженика, призван выразить нравственную силу народа, его духовное здоровье, его созидательный, мирный, но твердый национальный характер, раскрытие которого всегда было лучшей традицией русской советской сцены.

Разумеется, наследовать такую традицию не просто. Чтобы сыграть такого героя, отобразить, как призывает ЦК КПСС, героические свершения советского народа, актер сам должен быть крупной личностью. Только тогда он справится с возложенными на него идейно-творческими обязанностями, станет властителем дум, выразителем идеалов своего поколения, какими были В. Качалов, Б. Ливанов, Р. Симонов, Н. Черкасов, Н. Мордвинов... Кстати сказать, разве не примечательно, что и в наши дни мы видим крупнейших актеров общественными деятелями, передовыми гражданами своей страны. Сознание своей высокой миссии движет ими как в жизни, так и на сцене, помогая выразить в создаваемых образах особую силу и волю, духовную значительность человеческого характера. Именно этот огромный жизненный потенциал — как бы переплескиваясь за рампу — придает творчеству подлинный пафос. Действия героя как бы очерчивают действие спектакля в целом, сообщая ему скульптурную отточенность и определенность, придавая особый ритм и нерв. Актер, его герой, ведет спектакль, организуя его внутреннее звучание, определяя настроение всей постановки, естественно становясь средоточием событий, их идейным и нравственным центром.

Когда мы сейчас перебираем спектакли в поисках масштабного положительного героя, то, скажем, в «Протоколе одного заседания» А. Гельмана видим, что положительным героем является вся бригада рабочих, отказывающихся от премии, поскольку они считают, что премия ими не заработана... Тут скорее обыгрывается ситуация, поскольку все эти персонажи обрисованы бегло. И разве один только Потапов возникает как характер, пусть не героический, но хотя бы незаурядный, заставляющий думать о нем, запомнить его и посочувствовать ему...

К сожалению, таков, пожалуй, основной «стереотип» многих пьес, затрагивающих столь важную сегодня производственную тему. Хотя ведь в жизни-то — именно здесь, на производстве, — мы прежде всего встречаемся с невыдуманными, доподлинными героями, людьми интереснейшими.

Посмотрим на Леню Шиндина в

пьесе «Мы — нижеподписавшиеся» А. Гельмана. Нет слов, Леня бескорыстен, он отстаивает правду. Но можно ли в полную меру назвать его положительным героем? Ведь он борется за своего начальника путем всевозможных уловок, а на пути его встают люди далеко не безупречные, проще говоря, приспособленцы. И задумываешься: не нарушается ли этим жизненная правда, и есть ли тут правда сегодняшняя, правда историческая?..

В нашей жизни народ повседневно создает и утверждает великое, а по сцене зачастую ходят слишком уж уверенные в себе бюрократы.

Недостатки бичевать средствами искусства, безусловно, надо! Но как выиграла бы та же производственная тема, если бы утверждала сильного, прекрасного положительного героя, если бы мы встречали на сцене человека, близкого и знакомого нам всем, выразившего, может быть, и нелегкую, но яркую судьбу героя...

Тоску о таком герое, стремление к нему испытывают не только зрители. Его ждут не дождутся крупнейшие артисты современной сцены, которым, кажется, уж никак не приходится жаловаться на отсутствие ролей или на неуспех у зрителей. «Хочу играть умного, сильного современника», — общий вопль актерской души... Л. Касаткина, З. Кириенко, Ю. Борисова, балерина Е. Максимова. Все это знаменитые, широкоизвестные имена. Но каждая актриса говорит о наболевшей потребности души: о желании создать образ, который **выразит эпоху.**

У наших театров и актеров добрый, любознательный и благодарный зритель, выросший неизмеримо с тех пор, когда, темный и неграмотный, впервые вошел он в огромный зал и вдруг увидел перед собою—впервые в жизни—нечто необыкновенное, потрясшее ум и сердце: героя, овладевшего его воображением...

С нынешним зрителем театру разговаривать и легче и во много раз труднее! Зритель ведь и сам играет сегодня в народном коллективе, он сам певец или танцор, художник, поэт, спортсмен, он образован и всесторонне развит. Он верит театру и понимает театр, но все равно ждет от него — ждет всегда! — душевного потрясения. В этом он остается неизменен. И потрясения он хочет не за счет дешевых, всегда похожих (несмотря на кажущуюся «оригинальность») трюков, комикования, вольной перекройки классики по модным моделям мюзиклов. Зритель ждет большого Искусства. Он требовал вчера и требует сегодня **высокой трибуны,** с которой герой может много прекрасного сказать людям.

В заключение обращусь еще к одной мудрой мысли Мордвинова, который как бы от имени всех советских актеров записал в своем дневнике: «Увлекает то, что характерно и любимо в моем народе. Что характерно для века. Страны. Эпохи. С точки зрения сегодняшнего дня, нашей философии, наших задач. Жить не по моде, а по своему сокровенному желанию. Непременно искреннему. Не надуманному. Подслушанному в тайниках своей души. Не лживое, честное и будет обязательно современным. Тогда художник и будет глашатаем своего народа, века, эпохи».

Этот ребенок будет жить.

Урок математики в больнице № 1, где находится Центр педиатрической помощи.

ДЕТСК

Э. ЭТТИНГЕР **Фото автора**

...Как всегда, утро в Ленинградском Центре скорой педиатрической помощи началось с конференции. Перед его начальником Михаилом Кукулевичем врачи отчитывались за ночное дежурство. Из ста педиатров центра собрались тридцать. Остальные — на вызове.

Разные были случаи за ночь: желудочные отравления, ожоги, приступы астмы, ложные крупы. Один трехлетний карапуз проглотил восемнадцать монет. В городе с населением в 4,5 миллиона человек чего только не случается...

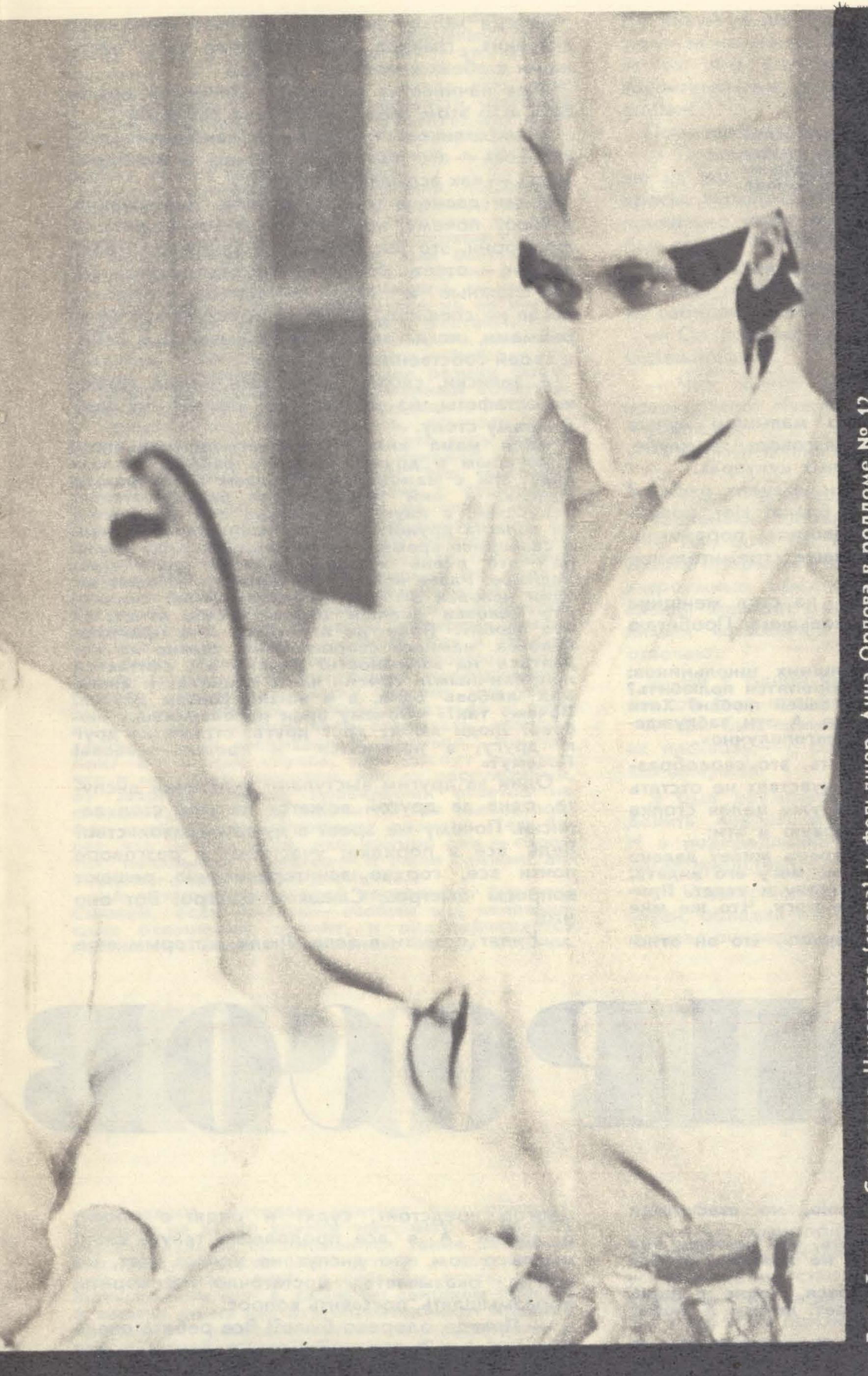
Да, разные случаи, и всякий раз надо быть точным в диагнозе, убедительным в словах и верным в действиях.

Конференция заканчивается сообщением доктора Феофанова о новых лекарствах, словно это не служба скорой помощи, а вуз. Но так уж здесь повелось: новинки медицинской науки сразу же берутся на вооружение.

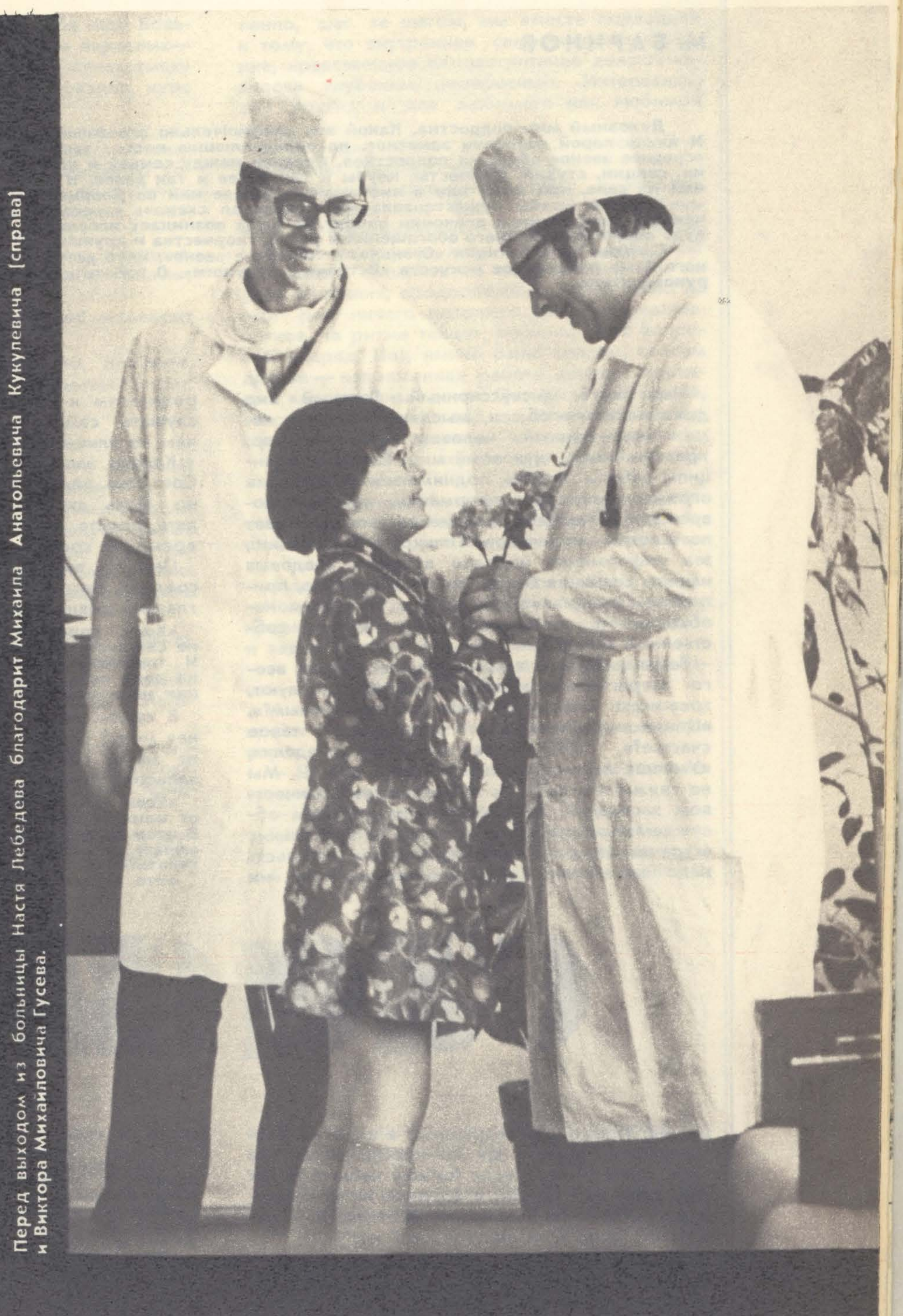
— А теперь за дело! — «командует» Михаил Кукулевич. Ему, врачу-реаниматору, достаются особо сложные пациенты. На этот случай есть специально оборудованные машины детской «скорой», с «походными» лабораториями, машины для детей с заболеванием крови, машины для больных аллергией, для новорожденных с патологией...

— Мы работаем, — рассказывает Кукулевич, — в тесном содружестве с участковыми врачами районных детских поликлиник. У нас налажены связи с учеными Ленинградского педиатрического института. Большинство врачей нашей службы — выпускники этого института.

Известно, что уровень продолжительности



Врач Татьяна Сергеевна Николаева (слева) и фельдшер Анна Орлова в роддоме № 12.



Перед выходом из больницы Настя Лебедева благодарит Михаила Анатольевича Кукулевича (справа) и Виктора Михайловича Гусева.

АЯ «СКОРАЯ», НА ВЫЗОВ !

жизни людей зависит во многом от того, насколько снижена детская смертность. В царской России смертность детей до 5 лет была равна сорока трем процентам от всех родившихся. Сегодня у нас она не превышает трех процентов. В том немалая заслуга детской «Скорой помощи»...

Наш разговор прерывает голос диспетчера, приглашающего врача Татьяну Николаеву на вызов. Запрос поступил из роддома № 12, где на свет появился недоношенный ребенок. Сложный случай. Прошу разрешения поехать вместе со «Скорой».

...Через несколько минут мы уже мчимся по улицам. Рядом с водителем — Татьяна Сергеевна Николаева, в кабине — фельдшер Аня Орлова.

Татьяна Николаева прежде работала акушеркой, потом закончила Ленинградский педиатрический. Аня — бывшая медсестра реанимационного отделения детской больницы.

Оглядываюсь по сторонам: машина необычная. Привлекает внимание кювез — прозрачный бокс для новорожденных. Дотрагиваюсь рукой — тепло.

— Внутри кювеза — 30 градусов, — говорит Аня, — туда через трубки поступает увлажненный кислород.

Слева от кювеза — крохотная кроватка. Рядом — аппарат искусственного дыхания, капельница, отсос. У стены — врачебная сумка с медикаментами, сумка реанимации...

Приехали. В роддоме на меня надевают халат, марлевую маску на лицо, тапочки на ноги. Я уже член бригады. Заведующая отделением новорожденных провожает нас к пациенту. Вокруг мальчика, у которого нет еще имени, только фамилия — Молчанов, врачи роддома хлопочут шестые сутки.

— Он двойняшка с сестрой, — слышу я объяснения. — Оба недоношены, с ярко выраженной патологией...

Палата заставлена герметически закрытыми медикорами с множеством приборов и кнопок. В медикорах лежат малыши.

Татьяна Сергеевна бережно берет мальчика, начинает осмотр. Пальцы прощупывают позвоночник, ребра, ноги, словно впитывают информацию. Тут же следует мягкая просьба:

— Пожалуйста, Аня, катетер, шприц, отсос...— Ни стона, ни плача. Ребенок слишком измучен болезнью, чтобы плакать.

— Теперь в больницу, — говорит врач.

Малыша, завернутого в одеяло, несут в машину.

М. БАРИНОВ

СТО ВОПРОСОВ

Духовный мир подростка. Какой это действительно огромный, многообразный мир! И какое порой не очень заметное, но определяющее место занимает в этом мире «среднее звено» общения подростков. Среднее между семьей и школой — то есть кружки, секции, студии, форпосты, клубы и так далее и так далее. И неважно где: в городе или на селе, при жэке или в институте, в школе или во Дворце пионеров...

Главное, чтобы существовала «классическая схема»: взрослый энтузиаст и увлеченные мальчишки и девчонки вокруг. И тогда возникает небольшое скромное чудо — чудо общения, духовного обогащения и роста, творчества и дружбы.

Сегодня на страницах «Огонька» — «среднее звено», клуб детской секции Центрального Дома работников искусств «Встреча с будущим». О работе клуба рассказывает его руководитель.

Наш клуб дискуссионный. Главный вид деятельности — обмен мыслями. Главная тема — современный человек, его характер, нравственность, духовный мир. Главные принципы работы: думать, поднимать и исследовать огромные пласты информации, которую современный человек ежедневно воспринимает по множеству каналов. Только, к сожалению, эта информация нередко лежит в кладовых нашего сознания балластом. Мы, конечно, приглашаем специалистов, когда есть в этом необходимость, но в основном зондируем собственные «кладовые».

Темы выбираем такие, которые больше всего затрагивают молодые сердца, волнуют, тревожат: «Надо ли быть интеллигентным?», «Ценности человеческой души», «Что такое счастье?», «НТР — две стороны медали», «Умеешь ли ты думать?», «Выбор цели»... Мы не связываем себя ни временем, ни количеством заседаний. Если надо — продолжаем обсуждение одной и той же темы на нескольких встречах. И давно уже перестали удивляться: надо же — ничего в клубе нет, ни кино, ни танцев, только разговариваем, а клуб не разваливается, живет. Да не просто живет, на заседаниях у нас всегда битком набито. И так уже семь лет! Кстати, я все-таки не дознался, кому интереснее — мне или ребятам. Я убежден, что мне. Они считают, что им.

Тема сегодняшней встречи «Любовь, акселерация, школа». Моя главная задача, как обычно, поменьше говорить, поучать, а побольше стимулировать собравшихся на размышления и разговоры. Это трудно. Во-первых, потому что нелегко разговорить тех, кто сидит в зале. Да, конечно, там немало актива, «ветеранов», но много, как всегда, новичков. Во-вторых, трудно, потому что очень заманчиво человеку, руководящему собранием, высказать самому все, что он считает правильным, и успокоиться ложным ощущением, будто его мысли поняты и приняты аудиторией. Ощущение это, повторяю, ложно — лишь то, что рождается в коллективном активном обсуждении, ›обдумывании, оседает в умах и душах крупицами мудрости, убежденности, опыта.

...Зал наполняют подростки — те самые акселераты, «проклятый возраст», иначе говоря, старшеклассники. Смотрю на них и не могу оставаться спокойным: «Какие у них бывают глаза, когда с ними говоришь о том, что волнует их всерьез! Это ведь даже не разговор, не беседа, а общение душ!»

Состав аудитории довольно пестрый. Школьники, пэтэушники, учащиеся техникумов и училищ, молодые рабочие — ЦДРИ рассылает свои пригласительные билеты в сотни адресов. Немало и взрослых: родители, педагоги, наши «бывшие дети», выросшие за семь лет. В первых рядах, как воробьи на жердочках, пристроились будущие старшеклассники. У нас двери открыты для всех. Давно прошло время, когда приходилось объяснять некоторым родителям и учителям, что малышам лучше слушать самые острые разговоры в клубе, чем на улице или в школьных кулуарах.

Какова наша цель? Найти «рецепт любви»? Средство для счастливого брака? Нет, конечно. Цель скромнее. Поговорить, поразмышлять, просто подумать! В наше стремительное время это совсем немало.

Первую записку кладет на стол женщина средних лет, по виду учительница. Пробегаю глазами ровные строки:

«Хочу спросить сегодняшних школьников: не слишком ли часто они торопятся полюбить? И торопятся объявить о своей любви? Хотя на деле есть только дружба. А эти заблуждения не всегда кончаются благополучно».

В самом деле, может быть, это своеобразная мода? Стремление и в чувствах не отстать от эпохи НТР? А на столе уже целая стопка записок. Читаю вслух и первую и эти:

«Если я влюбилась, а парень живет далеко от меня, и практически я не могу его видеть. В этом году он закончит школу и уедет. Приезжать к нему домой я не могу. Что же мне делать?»

«Что делать, если чувствуешь, что он относится к тебе неравнодушно, но стесняется тебя?»

«Что делать, если знаешь, что человек она плохой, а перевоспитать не можешь? И все равно любишь».

«Два человека встречаются, ходят в парк, в кино. Он ее, как он думает, любит. А любит ли она его? Как узнать?»

«Вот я любила человека. Я чувствовала, что и ему небезразлична. Но нас не поняли в школе, начали смеяться в глаза и за глаза. И мы расстались, но я до сих пор не могу забыть его. Ведь такое чувство бывает раз в жизни. Что же мне делать?»

Ощущение такое, будто я заглянул в распахнутое окно и увидел целый мир. Такой знакомый, такой забытый. Любовь? Ну конечно же! Только еще более яркая, чем наша, взрослая. Похожая на детские рисунки — без компромиссов, без полутонов, все краски яркие, контрастные.

Разбирались горячо и... целомудренно. Со стыдом отметил про себя, что, касаясь чужих сердец и судеб, подростки были далеки от нашего взрослого эгоистического любопытства, которое порой под маской участия толкает нас вмешиваться в интимную жизнь других. Здесь было иное. Сопереживание в чистом виде.

«Когда можно любить?» «Где начинается любовь и кончается дружба?» «Чем отличается любовь от влюбленности?» «Можно ли девочке пригласить к себе мальчика и не быть за это осужденной учителями?» «Почему всеми взрослыми осуждается ранняя любовь? Правильно ли это?» «Любовь и школа. Эти понятия у нас несовместимы. У нас на любовь смотрят, как на преступление. Даже дружбы у мальчика с девочкой быть не может. Что же делать в подобной обстановке?»

Простенькие вопросы, не правда ли? Попробуйте быстро ответить на них, да так, чтобы удовлетворить тех, кто их задает. Оказывается, совсем не такие простые эти вечные и ох какие сложные вопросы!

Это я так думаю, читая записки, а они — ничего, смело бросаются в бой. Спорят, исследуют и находят ответы!

«Когда можно любить?» «Возраст не имеет значения, главное, чтобы чувства были честными с обеих сторон».

«Где начинается любовь и кончается дружба?» «Об этом тебе скажет твое сердце!»

«Чем отличается любовь от влюбленности?» «Любовь — это как яркое солнце, а влюбленность — как вспышка молнии!»

И так далее и тому подобное. Напряженно думаю: почему, несмотря на взволнованность аудитории, это так похоже на школьный урок: вопрос — ответ... И... так непохожи ответы на те сложные и порой печальные раздумья, когда не спешишь, когда не пользуешься афоризмами, когда вопрос примериваешь к себе, к своей собственной судьбе!..

А записки, словно крохотные белые флажки эстафеты, из рук в руки плывут по залу к моему столу.

«Моя мама химик, а родители мальчика, с которым я дружу, простые рабочие на заводе. Мы с мамой часто бываем в театрах, в музеях, а они весьма мало разбираются в искусстве, в науке. Моя мама считает, что я не должна дружить с этим мальчиком. Теперь в свободное время я сижу дома. Но ведь дружба — это очень хорошее чувство, даже необходимое. Разве нет? А что делать?» «Может ли один человек любить по-разному?» «Я считаю, что человек должен отдавать себе отчет, за что любит. Прав ли я?» «Если мне нравится человек намного старше меня, можно ли надеяться на взаимность? Почему это считается неприличным?» «Очень часто в книгах и фильмах любовь одна, а в жизни совсем другая. Почему так?» «Почему брак перечеркивает любовь? Люди любят друг друга, стремятся друг к другу, а поженятся — и прощай любовь! Почему?»

Один за другим выступают участники диспута, одна за другой ложатся на мой стол записки. Почему же зреет в душе недовольство? Ведь все в порядке: участвуют в разговоре почти все, горячо, заинтересованно, решают вопросы быстро... Слишком быстро! Вот оно что!

...Кипят страсти в зале. Люди, которым еще многое предстоит, судят и рядят о любви, о жизни. А я все продолжаю тянуть свою мысль о том, что диспут не удался. Нет, не всегда, оказывается, достаточно поговорить, поразмышлять, поставить вопрос.

— Правда, здорово было?! Все ребята очень довольны! — Это я слышу уже после того, как погас свет в нашем уютном зале, а диспут о любви ушел в историю клуба «Встреча с будущим». Ребята довольны, а я недоволен. Ну что ж, так тоже у нас бывает. Хуже, если бы наоборот.

Мелькают дела, дни, заботы, но я продолжаю размышления о последней встрече. Это привычное состояние: давно уже клуб стал для многих из нас значительной частью жизни.

На счету клуба немало добрых дел, интересных путешествий, поездок. Так, уже пятый год каждое лето мы разворачиваем свой походный филиал — лагерь в Михайловском, в Пушкинской Стране Поэзии. Чистим леса, принимаем участие в реставрационных работах, патрулируем в пушкинских парках и рощах, помогаем на сенокосе. И конечно, в эти летние месяцы на великолепной михайловской природе, в романтической обстановке лесного лагеря у молодых людей возникают самые различные лирические ситуации. Я обычно в курсе всех этих коллизий, поскольку у нас взаимно доверительные, уважительные отношения. И за годы подобного общения у меня сложилось определенное впечатление о любви подростков.

Существует ли тут опасность? Убежден, что да!

Только не там, где видят ее некоторые родители и учителя. Не в ранней сексуальной опытности, ведущей к распущенности, угрожающей здоровью, и т. д. В дальних шлюпочных походах, длящихся месяцами, во время жизни в туристских лагерях, в путешествиях, где я был единственным взрослым среди буйного акселе-

раторского племени, мне ни разу не пришлось столкнуться с подобными проблемами. Опасность вижу в другом. Подростки — это взрослые-дети. И любовь их — любовь-игра. При всех элементах взрослого чувства есть еще и скоротечность, безответственность, детский эгоизм. Что получается в результате? Вот примеры. Заметьте, действие разворачивается среди друзей, в тесном коллективе, в котором ребята, можно сказать, выросли.

Девочка влюбляется в мальчика. Поскольку они старые друзья, она не скрывает своего чувства. Мальчик по той же причине «с дружеской простотой» обрывает ее первые попытки объясниться. Но о том, как бьет по ее сердцу, как ранит ее, вселяя в душу ростки озлобления, горечи, он и помыслить не может. А через полгода сам оказывается на ее месте. Нередко с ней же поменявшись местами.

Я просто в ужас приходил от того, как они безумно «избивали» друг друга подобным образом. Был свидетелем и более резких форм. В ответ на признание современный «Онегин» отвечал грубой бранью. Или недавние «Ромео» и «Джульетта», рассорившись, осыпали друг друга такими оскорблениями, что весь лагерь был шокирован. Что же это, какие-то особенные подростки, дикари? Нет! Это те самые члены нашего клуба «Встреча с будущим», участники многих дискуссий на самые высокие темы. В чем же дело? Да просто они не знали, как себя вести в этой странно новой для себя ситуации, и действовали под влиянием сиюминутного взрыва эмоций. Но беда в том, что продолжением и результатом таких ситуаций является формирование характеров неделикатных, эгоистических, жестоких, беспощадных. И не только в любви. Вот в этом-то я и вижу главную опасность любовных отношений между «невоспитанными подростками». Говорю «невоспитанными», потому что убежден: умение любить, умение общаться в любви — наука, которую надо осваивать, которая дается только воспитанием. Учиться... Но где? Как? Во всяком случае, наш диспут показал, что и не таким способом, ибо от рассуждений, от жарких споров, правильных ответов на сложные записки до жизни по тем самым нормам — дистанция огромного размера. Тем более, что не кто иной, как именно они — герои тех печальных сюжетов — и были самыми активными участниками диспута...

...А поток размышлений продолжает бурлить. Скажем, если любовь — особый вид человеческих отношений, значит, и она подчиняется главным законам отношений между людьми, тем самым, которые диктует нам природа. Первый: не делай другим того, чего не хочешь себе! А дальше вспоминаются такие заповеди, как необходимость быть чутким к другим людям, не думать лишь о себе, не лгать, защищать слабого и т. д. Скажете: слишком просто? А многие ли из нас эти «простенькие» правила применяют последовательно и настойчиво в повседневной жизни?! Подумал я и о том, что у любви есть свои, особые законы: повышенная деликатность в отношениях, особый такт, чуткость. Ведь в этом состоянии люди внутренне разоружены, чрезвычайно ранимы.

Нельзя не думать и о том, что, как говорится, от любви бывают дети. А дети — это либо семья, радость, будущее, либо горе, тяготы, сломанные жизни, судьбы. И тут начинает действовать другой закон — быть очень бережными и ответственными друг за друга в физической стороне любви. Это уже подросткам на будущее. Ведь они скоро станут взрослыми. Пусть знают: любовь, судьба, будущее, жизнь стоят рядом!

И еще один закон вырисовывается: человек только тогда достоин любить и быть любимым, когда научится владеть своими страстями. Ибо от необузданной страстности до порочности один шаг.

Ну, а если вспомнить, что для «внедрения» этих законов в душу, в жизнь требуются принципиальность и воля, то можно считать, что в общих чертах концепция выстроена.

Признаюсь, я был горд и рад. Не терпелось о своих открытиях поскорее поведать ребятам.

У нас бывают большие заседания — раз в месяц, когда собирается человек 150—200, и малые — еженедельно, для «михайловцев», актива. На одном из таких малых заседаний я и изложил «свои законы». Говорил увлеченно, горячо, много. Результат? Откровенная скука в глазах моих друзей и верных помощников. Причина простая: я забыл наш главный принцип — меньше вещать самому. Правда, теперь я уже точно знал, что должны усвоить мои юные друзья. А вот как построить разговор, чтобы не было скуки в глазах, чтобы «дошло», — над этим предстояло крепко поломать голову.

И вот опять наше большое заседание. Тема все та же — любовь. Некоторые перед встречей подходили: о чем теперь, вроде все уже выяснили. Скрывая злость, улыбаюсь, говорю таинственно: мол, посмотрите! На кого злюсь? На них — за легкомыслие. На себя еще больше — за неумение. На всех в мире взрослых — за то, что упустили в своих тысячах тысяч воспитательных программ тему, раздел, курс любви!

Пора начинать.

— Прошлый раз вы ставили вопросы и сами же на них отвечали. Сегодня я поставлю вопросы. Немного. Всего три. А вы попробуйте правильно мне ответить! Итак, вопрос: в чем был секрет успеха Дон Жуана?

Первой просит слова... взрослая женщина. В глазах тот же интерес, что у ребят. Значит, не собирается поучать.

— Он хорошо понимал женщин! — говорит нерешительно.

— Что значит «понимал»? Это, простите, неконкретно. Нужен более конкретный ответ.

Девушка:

— Он был очень обаятельный!

Я:

— Тоже неконкретно. В чем его обаяние?

Черненький юноша рассуждает вслух:

— Так, если бы я был Дон Жуан...— Взрыв хохота прерывает его. Дальше следуют самые хитроумные предположения: Дон Жуан завлекал женщин разговорами; он был немыслимый красавец... На это предположение отвечаю:

— Ни в одной версии легенды не сказано, что он был красавец, скорее наоборот.

— Он был великий знаток женщин и видел их насквозь,— с содроганием сказала тоненькая девушка.

Я был неумолим, требуя конкретно определить секрет этого «страшного» человека. И в подкрепление своего требования предлагал представить:

— Подействовал бы столь неотразимо Дон Жуан, обладай он тем качеством, которое отстаивал очередной оппонент?

Это был сильный аргумент: после минутного раздумья аудитория соглашалась с тем, что «такой» Дон Жуан не мог рассчитывать на успех. Любопытство накалилось докрасна. Наконец они не выдержали и потребовали, чтобы я «во всем признался»!

— Вы знаете, чем похожи все ваши прошлые записки? — задал я вопрос. Ответом была тишина.— Все до единой записки были похожи тем, что в них вопрос ставился применительно к себе. Шла ли речь о своем поступке или о товарищах, о родителях, о любимом, все равно, каждая записка возвращалась, как бумеранг, к себе. Иными словами, в любви все вы думаете о себе, о своем счастье, своей радости. И отсюда все ваши поступки, ваши ошибки, ваши горести.— Слушали молча, не очень еще понимая. Действительно, в этом возрасте они замкнуты на себя. Даже есть такой термин — «детский эгоизм». А его не должно быть. Ни эгоизма, ни детского!

— Так вот, секрет Дон Жуана был в том, что, влюбляясь, он каждый раз забывал себя. Для него существовала только его любимая, его интересовало не то, что и как скажет он, а что и как скажет она. И это действовало на женщин неотразимо!

Вижу, ребят поразило такое объяснение. И после этого еще долго-долго обсуждали мы такую простую, казалось бы, истину: в любви надо прежде всего думать не о себе, а о любимом человеке!

— Если даже такой проходимец, как Дон Жуан!..— задумчиво проговорил один из «михайловцев».

Убежден, что вот теперь кое-что запало им в души.

Второй вопрос. Может ли человек некрасивый рассчитывать на успех в любви?

Конечно же, и этот вопрос задел за живое: их возраст — возраст мучительной неуверенности в себе, переоценок, сомнений. Постепенно, шаг за шагом, мы вместе подходили к тому, что внутреннее самосовершенствование, нравственное самовоспитание делают человека глубоким, интересным. Интересным для других и для любимого или любимой тоже.

— Выходит, быть хорошим... выгодно?! — изумленно спросил черненький.

А потом я напомнил записку, в которой утверждалось, что брак «зачеркивает» любовь. И сформулировал третий вопрос: а неизбежно ли, вернее, можно ли этого избежать?

И опять сыпались со всех сторон, как из рога изобилия, предположения. И не было на этот раз ничего похожего на то, давешнее, легкое, «в ритме танца», решение всех вопросов подряд. Нет, нынче было совсем, совсем другое — напряженная работа мысли, серьезный коллективный поиск. Это было настоящее, такое, что оседает в сердце и памяти надолго, становится убеждением, частицей характера.

«Надо лучше проверять друг друга, прежде чем жениться!»

«Надо проверять взаимные интересы, степень образованности, культурный уровень, чтобы не было антагонистических несоответствий».

«Надо серьезнее относиться к браку...»

Когда дело дошло до таких пожеланий, я прервал поток предложений и предположений и задал дополнительный вопрос:

— А для чего все эти соответствия, серьезное отношение, взаимные проверки?

И опять думают. Знают уже, что задаю вопросы с подвохом. Наконец одна девочка говорит нерешительно:

— Чтобы вместе было легче преодолевать трудности жизни.

— А какие именно трудности?

Тут начинается нечто неопределенное вроде непонимания, взаимных творческих исканий и тому подобное в духе плохих фильмов и псевдоромантических сюжетов. Ребятам неловко: сами понимают, что забираются куда-то не туда.

— Вспомните,— предлагаю,— что было для вас самым трудным в наших походах?

— Подъем в шесть утра... Дежурство по камбузу...

— Еще, еще! — подталкиваю ребят.— Будьте честными и искренними!

— Если честно, труднее всего было наводить порядок в лагере, в своей палатке, особенно когда дождь и все отсырело,— задумчиво произносит один из ветеранов.

— А если все это одним словом назвать? — спрашиваю.

— Быт! — восклицает ветеран так яростно, будто поймал злейшего врага.

— А если надо по тревоге мгновенно подняться ночью, бежать за три километра, тушить лесной пожар и сутки при этом ничего не есть? Разве не это самое трудное? — задаю опять вопрос. Дружный смех лучше всего дает понять, насколько ничтожны, более того — желанны — перечисленные мною трудности.

— Значит, и в семейной жизни самое трудное то, что сначала кажется мелочью: быт, бытовые взаимоотношения, и именно они убивают любовь! Так? — изумленно догадывается кто-то.

И далее шаг за шагом добираемся до понимания того, что брак гораздо объемнее любви, что любовь — только составная часть брака, в который входят и дружба супругов, и взаимное уважение, и многое другое.

...Возвращаюсь после встречи поздно вечером, опустошенный, как всегда после заседаний клуба, до предела. И, кажется, такой же счастливый. Открыли законы любви? Сомневаюсь. Скорее, только едва-едва прикоснулись к ним. Но сделали это ребята сами! И оттого нет им цены, нашим открытиям!

ПРО ЛЮБОВЬ

Редакция решила ввести рубрику «Наши дети».

Дети растут, жадно впитывая все многообразие раскрывающегося перед ними мира. Каждый день они узнают что-то новое, радуются и огорчаются, плачут и смеются. У них появляются свои проблемы, свои заботы, порой мало уже понятные взрослым. Наши дети очень искренне и непосредственно реагируют на все события в их жизни, в семье, детском саду, школе. Часто они поражают нас неожиданностью своих суждений, острой наблюдательностью, точностью характеристик.

Дорогие читатели, присылайте нам наиболее любопытные эпизоды из жизни ваших детей, их высказывания об окружающем мире, о сегодняшнем дне, их милые, забавные «почему!», «отчего!» и «зачем!», любопытные фотографии.

Письма должны быть короткими. На конверте указывайте название рубрики «Наши дети». Наиболее интересные сообщения будут опубликованы.

«МЕТЕЛИЦА» — В АРКТИКЕ

Это уже стало традицией: как только в Арктике чуть-чуть спадают холода, на Таймыре, Северной Земле или Земле Франца-Иосифа появляется группа лыжниц с рюкзаками за спиной и нартами на буксире. В позапрошлом году их было десять, а в этом — шестеро. Но дело вовсе не в том, что мало желающих стать членами знаменитой «Метелицы», просто опыт показал, что шесть человек — самый мобильный и, что очень важно, психологически управляемый состав.

Середина мая на Земле Франца-Иосифа — довольно скверное время: начинается подвижка льдов, появляются разводья и трещины, дуют сильные ветры, часто попадаются белые медведи. А встречи с «хозяином Арктики» далеко не безопасны. Правда, «Метелица» имела все необходимое, чтобы отпугнуть, а если понадобится, то и остановить медведя, но больше всего девушки надеялись не на карабины и ракетницы, а на седьмого члена команды — могучего Амура. Эту собаку знает вся Арктика — Амур считается одним из лучших медвежатников. Пять раз на лыжне «Метелицы» стоял «хозяин Арктики» и все пять раз уступал дорогу бесстрашному Амуру.

Двести шестьдесят километров за десять дней! Лыжня шла с острова Рудольфа на остров Хейса и почти все время по морскому льду. Трудностей было немало, и одна из главных та, что половина команды новички. Москвички Ольга Лозинцева и Зинаида Бузятова, опытная туристка из Вильнюса Гражина Чижаускайте (на встрече в «Огоньке» она, к сожалению, не смогла быть) шли с «Метелицей» впервые, но рядом с бессменной радисткой Татьяной Ревтовой, Риммой Диденко и капитаном команды Валентиной Кузнецовой девушки чувствовали себя уверенно.

В последних числах мая экспедиция благополучно завершилась. Подробный рассказ о походе «Метелицы» будет напечатан в одном из ближайших номеров «Огонька».

Б. СОПЕЛЬНЯК

На снимке: «Метелица» в редакции «Огонька».

Фото автора

ВОЗРОЖДЕННЫЙ ШЕДЕВР МОЦАРТА

Недавно москвичи услышали оперу Моцарта «Мнимая садовница» в исполнении солистов и оркестра Музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко (дирижер М. Юровский, режиссер М. Дотлибов).

Неведомым шедевром можно назвать эту оперу. За двести пять лет, прошедших с той поры, как восемнадцатилетний Моцарт сочинил ее на сюжет известного итальянского либреттиста Р. Кальцебиджи, «Мнимая садовница», несмотря на превосходную музыку, считанные разы ставилась на европейских сценах, а в России не исполнялась вовсе.

Известно, что судьба «Мнимой садовницы» была Моцарту далеко не безразлична. Композитор неоднократно возвращался к своему юношескому сочинению, добавлял новую музыку. Но случилось так, что опера дошла до наших дней не полностью: утрачены вокальные речитативы первоначального итальянского варианта, не сохранился текст связующих прозаических диалогов немецкого зингшпиля — жанра, в который Моцарт переработал «Мнимую садовницу» через шесть лет после ее написания.

Перед руководителем постановки и автором русского либретто Ю. Димитриным стояла трудная задача: создать драматургическую редакцию «Мнимой садовницы», наиболее полно соответствующую музыке Моцарта.

...И вот опера предстала перед слушателями во всей своей красоте и богатстве. Стало очевидным, что это юношеское творение гения своей философской глубиной, смелым сопоставлением полярных сторон жизни — комического и трагического — как бы предвосхищает бессмертного «Дон Жуана».

На афише значилось, что театр показывает оперу Моцарта в концертном исполнении, но мы увидели своеобразный, оригинальный спектакль с целостной стилистикой и образным строем.

Нельзя не отметить прежде всего высокий уровень исполнения оперы. Выразительно, с тонким пониманием моцартовского стиля, требующего классического сочетания ясности, глубины и ажурной легкости, играл оркестр под управлением М. Юровского. Прекрасной оказалась ансамблевость оркестра и певцов. Существовала невидимая нить: общность дыхания, чуткое понимание психологических и эмоциональных состояний, рождающих музыку.

Тонким вкусом отмечена режиссерская работа М. Дотлибова. На сцене и в поведении актеров не было ничего лишнего, случайного, надуманного. Все внешние аксессуары сведены до минимума. На сцене полукругом расставлены стулья с креслом для судьи посередине, а на них плащи для каждого из семи героев оперы, где самый цвет плаща как бы олицетворяет характер персонажа, открывая богатые возможности для образного решения многих эпизодов.

Оригинальная форма спектакля-концерта с оркестром на сцене, найденная постановщиками, является наиболее художественной для воплощения этого произведения Моцарта. Акцент переносится на музыку, которая таит в себе целый мир. Сюжету же, прозаическому диалогу отводится роль поэтичная, но, несомненно, второстепенная.

В работе над оперой Моцарта ярко предстали певцы. Отлично сыграл и спел партию судьи дона Анхизе И. Джафаров. Как всегда изысканно изящна Г. Писаренко. Хочется пожелать только, чтобы одаренная артистка более четко оттенила сцены, где ее героиня Виоланта Онести появляется в обличье грубоватой садовницы Сандрины.

Сложную вокальную партию графа Бельфиоре успешно исполняет А. Мищевский. Герой его — горячий, искренний, но вконец запутавшийся человек. Убедительны и вокально и сценически — Н. Горелик (Рамиро), Ю. Абакумовская (Арминда), В. Свистов (Нардо). Хорошо вписался в общий ансамбль Ведущий — выпускник ГИТИСа П. Шицко.

Моцарт говорил, что «в опере поэзия должна быть послушной дочерью музыки». Этой гармоничности во многом достигли исполнители «Мнимой садовницы».

Антон ГРИГОРЬЕВ,
народный артист РСФСР

Сцена из оперы Моцарта «Мнимая садовница».

Фото А. Степанова

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

О том, как лучше сохранить исторические памятники, сейчас задумываются многие. Конечно, идеально, когда старое здание, которое пощадило не всегда снисходительное время, реставрируется и начинает как бы новую жизнь на городской улице или сельской площади, где простояло несколько десятилетий, а то и веков.

Но, бывая в больших и малых городах, деревнях и селах, каждый из нас наблюдал и иную картину — вот, кажется, еще вчера затаился где-то здесь прелестный особнячок, в котором жил некогда человек, чье имя небезразлично для всякого, знающего прошлое своей страны, а сегодня и следа от особнячка не осталось, и садовники уже и траву на его месте посеяли и фонтанчик разбили. Или украшала деревню белая церковка — только и достоинств в ней, что отшумели у этих стен несколько веков отечественной истории, да построена она была каким-то безвестным зодчим так, что его коллеги — наши современники — лишь головами качали от удивления. Но понадобился колхозу кирпич для склада или коровника — и вот нет уже белой церковки, а на месте ее груды обломков безобразных, ибо возведена она, оказалось, так, что не отделить кирпич от кирпича, и лежат те обломки скорбным памятником равнодушию, а под обломками, разлетевшимися окрест, еще и могилы предков — ведь где церковь, там обычно и кладбище.

Были годы, когда пытались объяснить такие действия борьбой с наследием прошлого. Время показало, как ошибались те, кто думал, что, уничтожая исторические памятники, расчищают дорогу новой культуре. Ничто и никогда не вырастает на пустом месте. Каждое последующее поколение должно воспитываться на примере предыдущих, используя, впитывая весь опыт, все достижения своих отцов и дедов. Как неотъемлемую составляющую включает в себя патриотизм живую память о прошлом Родины, поэтому теперь особая статья Основного Закона нашего государства — Конституции СССР долгом каждого советского гражданина объявляет охрану памятников истории и культуры Отечества.

И здесь возникает немало проблем.

...Сознаюсь, мы ехали в этнографический музей культуры и быта народов Забайкалья, создающийся в двадцати километрах от столицы Бурятии Улан-Удэ, с известной долей скептицизма. Да, конечно, в нашей стране уже работает немало музеев под открытым небом, куда свезены интересные, чаще всего деревянные памятники, которым грозило уничтожение. Но одно дело собрать в единое место деревянную церковь, избу, ветряную мельницу, устроив локальный архитектурно-исторический музей, и совсем другое — воссоздать на огромной, почти в 100 гектаров, площади целостный исторический комплекс в его временно́й и географической протяженности. А бурятские товарищи решили показать в этом музее прошлое именно всей своей республики, от древнейших времен до конца XIX века, причем объединить подлинники народной архитектуры всех этнических групп Забайкалья — и эвенков, и западных и восточных бурят, и русских казаков, и «семейских» (так называли в Бурятии старообрядцев), и жителей городов. Да еще организовать здесь же совершенно уникальный отдел природы — флоры и фауны Забайкалья, где животные должны содержаться в условиях, максимально приближенных к естественным, и где можно увидеть около 300 видов разнообразнейших растений края.

У подножия хребта Улан-Бургасы в небольшой живописной долине, окаймленной с севера лесистыми горами, разместились многочисленные постройки, расположенные так продуманно, что рождается совершенно достоверный образ жизни людей, некогда населявших огромную территорию Забайкалья.

Вот в сухом сосновом бору непривычные современному глазу конические строения эвенкийских чумов. Непросто было создать это стойбище. Старый эвенк, помнящий быт своих отцов, долго работал, чтобы построить настоящие чумы, хозяйственный лабаз на сваях, выдолбить лодку из бревна тополя, устроить загон для оленей, навес для оленят. Уже давно не живут эвенки в таких крытых выделанными лосиными шкурами или лиственничной корой жилищах, не поднимаются на лабаз за самым необходимым по бревну с зарубками, заменявшему лестницу, да и снаряжение для охоты ныне иное. Но смотришь, и какая-то таинственная дымка как бы окутывает это древнее стойбище. Чудится вдруг звук шаманского бубна и глухие удары колотушки, и раскачиваются на ветру тряпичные куклы — атрибуты шаманского культа, и слышится тяжелое дыхание оленей. Иллюзия? Да, но достигнута она благодаря изумительной исторической, научной точности и искусству людей, поставивших своей целью не создание мертвого макета, а постройку настоящих жилищ, в которых, кажется, продолжают обитать семьи эвенков.

Нас ведет по музею его директор Семен Романович Хомосов. Ведет уверенно, со знанием дела рассказывая, какие еще строения предстоит перевезти из разных деревень и городов Бурятии, как освоить те пятьдесят гектаров, на которых разместился отдел живой природы, как лучше устроить постоянные выставки предметов культуры и быта народов Забайкалья. Чувствуется, что директор до малой мелочи вникает во все детали своего сложного, необычного хозяйства.

— Шесть лет я работаю в музее,— говорит Семен Романович,— и рад, что довелось мне участвовать в этом важном, настоящем деле. Посудите сами, ведь своими руками мы как бы воскрешаем здесь наше прошлое. Эти дома, амбары, церковь, юрты могли попросту исчезнуть. Мы разыскали их, бережно разобрали, перевезли, возродили в этой долине, и ожила история... Вот сейчас входим мы на улицу русской деревни, каких немало в Бурятии. Сюда свезены и дом зажиточного крестьянина со всеми надворными постройками и изба бедняка, усадьба богача и небольшая часовенка... Поднимитесь на любое крыльцо, и вы почувствуете присутствие хозяев, как бы лишь минуту назад вышедших из дома.

Этот эффект присутствия достигается непросто. В долгих и сложных экспедициях собирают сотрудники музея бытовую утварь, элементы обстановки, полузабытые теперь орудия земледелия, национальную одежду, музыкальные инструменты — словом, все, что входит в понятие «предметы этнографической материальной культуры». Фонды растут постоянно, все больше и больше людей дарят музею старинные вещи — укрепился его авторитет, прокатился по республике добрый слух о нем, выросла популярность.

— Не все и не всегда просто в нашей работе,— продолжал директор.— Перевозили мы, например, из села Никольское рубленую церковь. Именно ту, что стоит на площади городского комплекса. Но пока раскатывали здание — исчезли все иконы прекрасного иконостаса. Местные жители, считая, что церковь уничтожают, разобрали иконы по домам. Поставили мы здание на новом месте и задумались, как же восстановить иконостас. Наконец решились. Взяли два автобуса, приехали в Никольское и пригласили стариков в наш музей. Увидели они, что церковь, которую отцы их строили, целехонька да выглядит как новая, люди ходят вокруг, любуются, и вернули нам почти все иконы. Лишь нескольких пока не хватает, но привезут и их, обязательно привезут.

Это лишь один эпизод жизни музея, но эпизод показательный. Настойчивая, доброжелательная работа научных сотрудников с населением помогла получить и несколько домов и юрт, характерных для прибайкальских бурят, и прекрасные детали деревянной резьбы, покрытые сияющими красками, некогда украшавшие один из дацанов — буддийских монастырей, и многие другие бесценные реликвии. Отличает этнографический музей народов Забайкалья от ему подобных еще одна существенная черта. Здесь показана жизнь всех имущественных сословий разных этнических групп населения.

Вот мы на территории, занятой усадьбой забайкальского бурята, и перед нами как бы оживает кусочек бурятского быта. Рубленый зимник внешне похож на русскую избу,— строил его в 1912 году бурятский мастер Ринчином Цыремпилов с помощью русского плотника Степана Зуева. А внутри воссоздана обстановка, характерная для обиталища зажиточного бурята конца XIX века. Так расставляли мебель и в юртах и в рубленых домах. В северо-западном углу — обязательная божница со статуэтками буддийских божеств. Левая сторона дома — почетная, она предназначена для гостей, на правой — хозяйственной — стоят шкафы для кухонной утвари, посуды, одежды. А рядом с богатым зимником скромно примостилась войлочная юрта бедного кочевника. Лишь одно общее в этих жилищах бурят — традиционное положение мебели. В центре юрты — очаг, у которого всегда мог обогреться путник. Здесь вся жизнь бурят, трудолюбивых и добрых людей, всегда готовых прийти на помощь, гостеприимных и отзывчивых.

Кто б ты ни был — уставший
В далеком и долгом пути,
Плетью ветра избитый
На черной дороге размытой,—
Можешь в дверь, за которой
Очаг полыхает, войти —
Дом и сердце бурята
Для гостя все время открыты!

Я поводья приму,
Твоего расседлаю коня.
Брошу сена ему,
Посмотрю, как подковы прибиты.
Впрочем, век уж не тот...
Все равно посидим у огня —
Дом и сердце бурята
Для гостя все время открыты!..

Окурю на прощанье
Тебя я травою степной
И байкальской водой окроплю —
В путь-дорогу спеши ты!
И земля моя станет
Тебе с того часа родной —
Дом и сердце бурята
Для брата навеки открыты!

Я выписываю строки бурятского поэта Дамбы Жалсараева как поэтический эквивалент того образа, который рождается у каждого заходящего в эти жилища.

Многое в музее организуется вообще впервые и не имеет аналогов. И одно из наиболее значительных и интересных начинаний — со-

здание археологического комплекса. Почти все этапы развития человеческого общества за Байкалом проходят перед посетителями музея. Интереснейшие памятники седой древности переносятся сюда из самых дальних уголков республики.

— Мы создаем своеобразный археологический музей, какого еще не было,— рассказывал археолог Алексей Васильевич Тиваненко.— Забайкалье — богатейший край, он насыщен древними памятниками. А какие удивительные наскальные рисунки сохранились здесь! Но многие из них находятся в труднодоступных местах, и мы перенесем некоторые из них, чтобы искусство пращуров узнали наши современники. А в ближайшее время мы перевезем в музей замечательный памятник — грандиозное захоронение хунского царя. Это будет большая, кропотливая работа. Но уже закончено детальное научное исследование захоронения, промаркированы мельчайшие его детали, и скоро музей обогатится еще одним уникальным экспонатом.

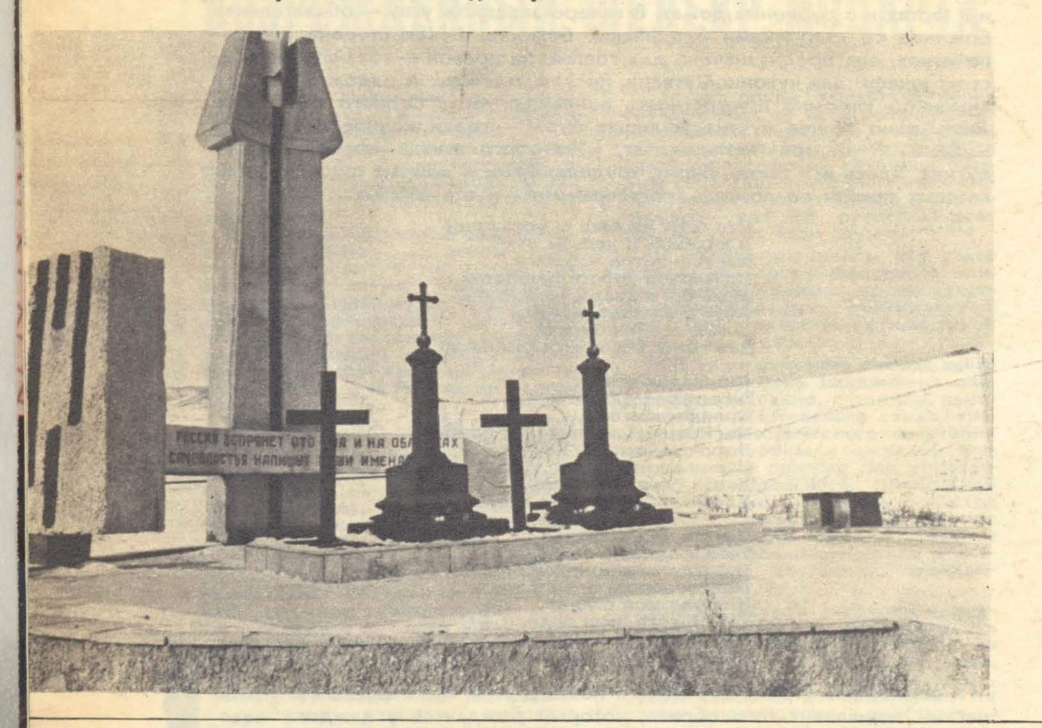
Ничто новое не создается легко. И хотя сделано здесь уже многое, осталось немало работы. Надо перевезти здание буддийского храма от Гусиного Озера, и старые коптильни с Байкала, и мельницу из Кяхты; взяты уже на учет для переноса на новое место одиннадцать домов в Улан-Удэ, а ежегодные экспедиции находят новые и новые материалы. Словом, Государственный этнографический музей культуры и быта народов Забайкалья постоянно растет и развивается. А о его значении, пожалуй, наиболее авторитетно сказал Герой Социалистического Труда, директор Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, академик А. П. Окладников: «Я часто бываю в Бурятии и вижу, как неуклонно растет и богатеет этот уникальный музей. В периодической печати, радио и телевидении много и восторженно говорилось и писалось о создаваемых музеях Сибири. Прошло много лет, и ни один из них так и не был открыт. Только в Улан-Удэ к этому делу подошли оперативно и с душой. Никто не афишировал там создание музея, и для общественности Сибири было приятной неожиданностью его открытие... Хочу отметить строгую научную достоверность, с которой подходят сотрудники при расстановке комплексов и экспонатов. Экспонаты музея (часть из которых имеет всесоюзное и мировое значение) дают правильное этнографическое представление о культуре и быте основных этнических групп Сибири... В этом отношении забайкальский музей служит эталоном, от которого будут отталкиваться при изучении народов Сибири.

Особо отмечаю археологический комплекс музея. Собранные там экспонаты дали хорошее начало созданию единственного в Сибири археологического музея. И в этом деле забайкальский музей идет по непроторенной тропе».

Многое видела за свою долгую историю бурятская земля. И крепка здесь память о прошлом. Еще раз убедились мы в этом, когда побывали в далеком Новоселенгинске, в музее декабристов. Четырнадцать участников декабрьского восстания отбывали ссылку на территории современной Бурятии. Они сыграли огромную роль в культурном развитии края. Как дань признательности мужественным людям, сделавшим так много для бурятского народа, неподалеку от Новоселенгинска воздвигнут на могилах декабристов Н. А. Бестужева и К. П. Торсона мемориальный комплекс. Ведет к нему специально проложенная прекрасная дорога.

Братья Бестужевы стремились после каторги добиться права жить на поселении именно здесь, в Селенгинске, крохотном городишке в западной части Забайкалья. От него было недалеко до Кяхты, пограничного города, через который шла вся торговля России с Востоком, рядом находился Верхнеудинск, нынешний Улан-Удэ, да и до самого Иркутска можно было добраться за не столь уж долгое время. Кроме того, в Селенгинске уже поселился К. П. Торсон, отбывший каторжный срок раньше, чем Бестужевы.

Мемориал на могилах декабристов близ Новоселенгинска.



Селенгинскую крепость основали казаки, «подарившие России Сибирь», как писал Михаил Бестужев. Строил ее и прадед Пушкина А. П. Ганнибал, удаленный из столицы по проискам временщика Меншикова. Ныне от того Селенгинска, который могли видеть из своего дома Бестужевы, осталась лишь одинокая церковь. Еще при декабристах жители стали перебираться на новое место, гонимые частыми наводнениями на реке Селенге. В новом городе был, по преданию, построен по проекту Николая Бестужева дом для его друга купца Д. Д. Старцева. Именно в нем и открыт сейчас музей декабристов.

Сами же декабристы не хотели жить в новом городе. Их дома стояли в нескольких километрах ниже по реке Селенге. «...Мы наслаждаемся вполне сельскою жизнью,— писал М. Бестужев,— живем на самом берегу реки и прогуливаемся в легких сидейках в новый город по прекрасной горной дороге. Кругом нас живут добрые буряты, почти все народившиеся на наших глазах».

Декабристы трудились без устали. На выделенных им землях сеяли хлеб, сооружали неизвестные здесь доселе парники, выращивали арбузы и дыни, претворяли в жизнь идеи по внедрению в сельское хозяйство машин, устраивали систему орошения, разводили мериносовых тонкорунных овец.

Многие замечательные русские люди и иностранные путешественники приезжали в этот далекий край, чтобы посетить опальных изгнанников. Постоянно общались Бестужевы и с декабристами-поселенцами. Как-то навестил их Иван Иванович Пущин, под предлогом болезни отпросившийся из Ялуторовска на Забайкальские минеральные воды, с единственной целью повидаться с товарищами. Бывали в Селенгинске и Сергей Григорьевич Волконский с семьей, и Трубецкой, и Горбачевский, и Молчанов.

Ценнейшие сведения по истории, экономике, этнографии Забайкалья содержат письма Бестужевых из Селенгинска. Практически безграничен был круг интересовавших их вопросов. Они пишут в Россию об условиях торговли с Китаем и о выделке кож, о климате и хлебопашестве, лесных пожарах и жизни обывателей пограничной Кяхты... В этих письмах поражает глубина знаний, твердость воли людей, перенесших тяжелейшие испытания, не сломившихся и посвятивших труды свои в Сибири заботам об улучшении жизни этого края.

Они стремились не только создать здесь передовое хозяйство, основанное на достижениях знаний и техники, но и научить ему соседних бурят. Просветительская деятельность декабристов не пропала даром. Местное население тепло относилось к ссыльным, а они постоянно подчеркивали в письмах трудолюбие и сметливость бурят. «Бурят и плотник, и кузнец,— писал Н. Бестужев,— и столяр... и пахарь, и косец... Чрезвычайно просто и остроумно плавят они дрова по быстрым нашим рекам, усеянным островами, отмелями, каменными грядами».

Наделенный гениальными способностями Николай Бестужев работал в Селенгинске над усовершенствованием флотского хронометра, исследовал природу и запасы края, вел метеорологические, астрономические и сейсмологические наблюдения в оборудованной им обсерватории, создал свою, удивительно простую и эффективную конструкцию печей, изобрел новый ружейный замок, писал великолепные портреты — трудно перечислить все им сделанное. Он мечтал увидеть плоды трудов своих внедренными в жизнь и искренне радовался, когда это удавалось. Так, он сообщал об изобретенных вместе с братом Михаилом новых, удобных, легких экипажах-сидейках: «Жители признавались мне, что с той поры, как они стали ездить на сидейках, верховая езда ими вовсе оставлена: маленькая сидейка везде пройдет, где пройдет и верховая лошадь... Вовсе не желаю, чтобы эта выдумка была под нашим именем, но приятно бы было видеть, если бы она пошла на пользу соотечественникам русским, как она оказалась полезною, легкою и удобною сибирякам!»

— Мы стараемся собрать как можно больше подлинных вещей и документов декабристов,— рассказал Заята Циденжапович Дамдинов, директор музея.— Удалось разыскать мебель, сделанную в мастерских Бестужевых, некоторые рисунки и мемориальные вещи. Конечно, нас очень интересуют портреты кисти Николая Бестужева. Он был великолепным портретистом. Декабристская галерея, выполненная Бестужевым на каторге, остается непревзойденным изобразительным памятником. Много писал он и в Селенгинске, ездил для занятий живописью в Кяхту и Иркутск.

Совершенно неожиданные находки, связанные с именами ссыльных участников восстания, случаются до сих пор в Бурятии. Так, недавно обнаружен альбом иркутского генерал-губернатора Рупперта и в нем одиннадцать акварелей П. И. Борисова. А в Баргузине и вовсе уникальная находка. В одном из домов обнаружена скрипка работы замечательного итальянского мастера Джузеппе Гварнери 1736 года. Но ведь в Баргузине отбывал ссылку Вильгельм Кюхельбекер. Мы предполагаем, пока только предполагаем, что эта скрипка принадлежала ему.

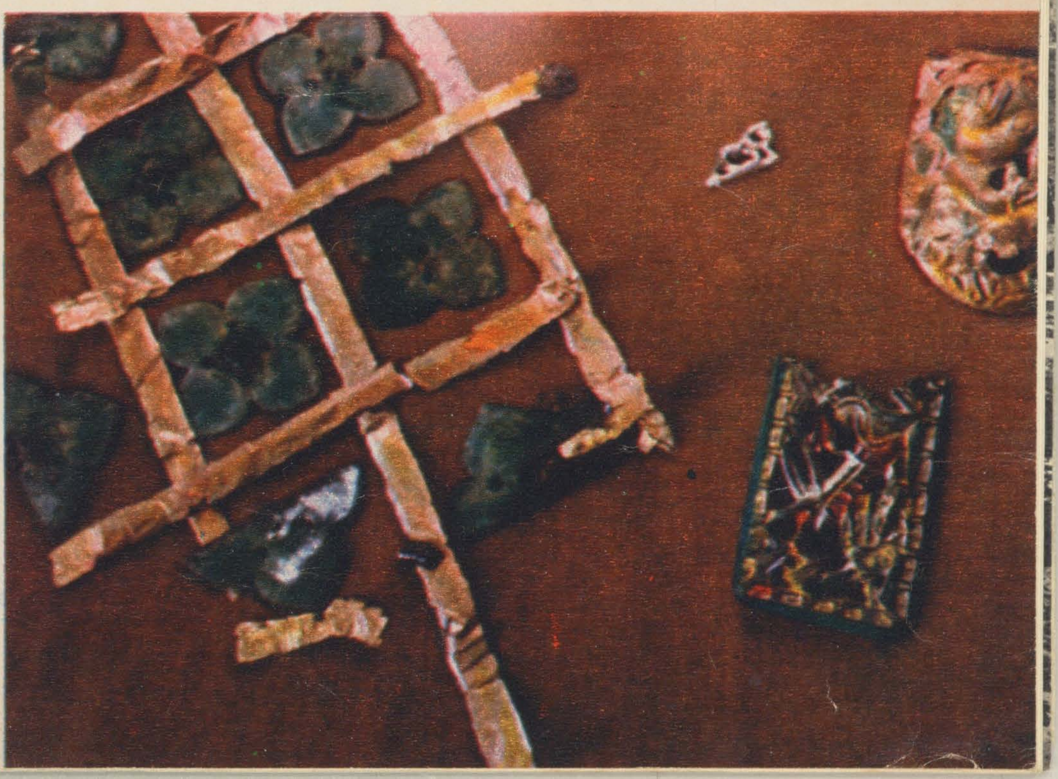
Музей наш молодой, и мы верим в новые находки. Быть может, нам помогут и коллекционеры, у которых хранятся рисунки Н. А. Бестужева, в том числе и выполненные здесь, в Селенгинске...

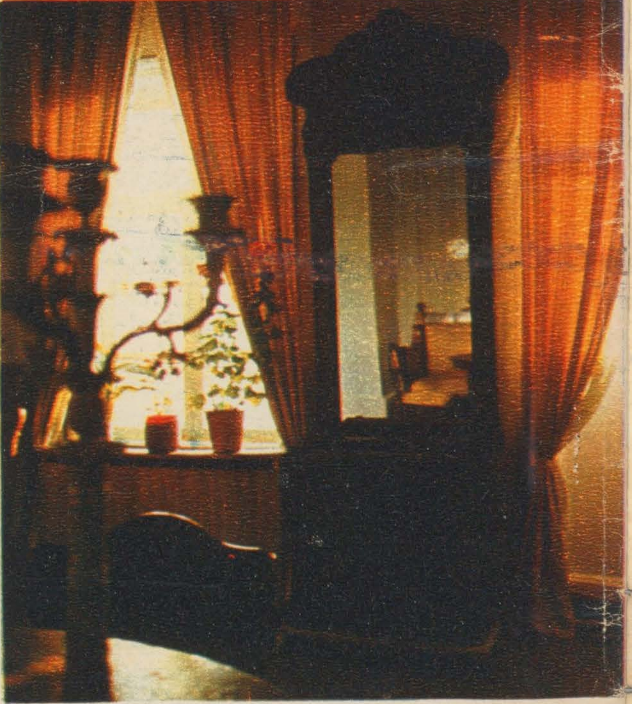
Нет, не забыта маленькая декабристская колония на берегах Селенги. Каждый день зажигается огонь в доме Старцева, всегда цветы на могилах декабристов Н. Бестужева и К. Торсона. Видимо, уже настало время отреставрировать сохранившиеся церковь и часовню на месте старого Селенгинска. Они помнят декабристов. В этих зданиях может разместиться интереснейшая экспозиция по истории края.

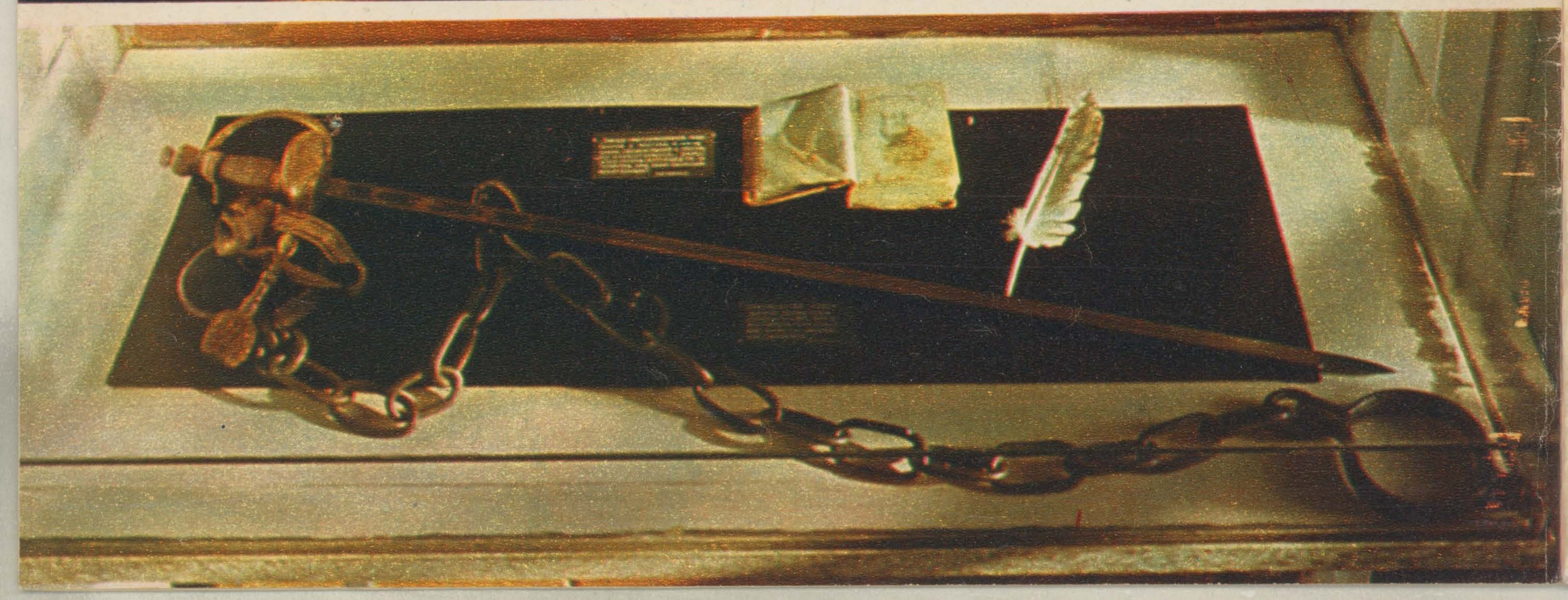
Говорят, что познать прошлое страны — значит приблизиться к душе ее народа. Что это именно так, ясно видишь на земле Бурятии, земле древней культуры, прекрасных людей и живой памяти.

На территорию этнографического музея перевозятся имеющие историческую ценность строения. * Интерьер дома бурята. XIX век. * Одно из зданий бурятского комплекса. * Золотые предметы хунского времени, найденные при раскопках в Бурятии.

Фото В. КУЗНЕЦОВА и С. ВЛАСОВА







В Луанде — столице Народной Республики Ангола — на днях открывается Шестая конференция писателей стран Азии и Африки.

Мы публикуем стихи одного из крупнейших поэтов Африки, выдающегося борца за освобождение ангольского народа товарища Антонио Агостиньо Нето. Они были написаны в годы освободительной войны и включены в основной сборник поэтических произведений Агостиньо Нето — книгу «Священная надежда».

Агостиньо НЕТО

МЫ ВОСКРЕСАЕМ ДЛЯ ЖИЗНИ

ИСТЕРЗАННЫЕ И ВОСКРЕСАЮЩИЕ

Мы из Африки —
от нетронутых зарослей,
от крокодиловых лежбищ,
от рычащих и воющих рек,
от буйных лесов,
от огнедышащих дней и ночей,
от клокотанья маримб [1],
от бесчисленных юных глаз,
от рук, сведенных тоской
и протянутых к небу,
к мерцанью надежд.
Мы из Африки —
дышим, терзаясь бессильем,
поливая плантации потом,
кровавя ручки мотыг.
Мы, чей воздух пропитан
голодом,
смертью,
отчаяньем и принужденьем,
мы, кого матери
несли на спинах под солнцем,
навстречу извечному рабству,
мы — неграмотные, слабовольные, нищие,
мы — истерзанные вконец,
воскресаем для жизни
отныне и навсегда.
Мы из Африки —
нежной и сильной,
черной и чистой.
Руки дружбы.
Шаги свободы.
Плечи единства.
Слова любви.

Наши речи,
наши тамтамы —
вестники гордых желаний,
зовы юных артерий,
созвучья сердец,
прорастанье семян,
брошенных солнцем
в нашу почву
на ранней заре.

Наши крики —
о том, что в волнах
качаются черные трупы,
закованные в кандалы,
истерзанные вконец!

Наши руки —
ладони, открытые братству,
свободе и праву,
единству и вере,
согласью и миру.

В наших пальцах
рождаются розы,
поют ароматы земли,
оживает дыханье лесов,
покрывающих склоны Майомбе [2].

Наши души
спешат по дорогам дружбы
всех африканских племен —
к братскому пиру,
к улыбке
и прикосновенью
множества рук,
охваченных жизненной силой.

Наши зрачки
вбирают в себя
Африку — землю,
что создана для человека,
для человеческих рук,
освобождающих жизнь.

Мы из Африки —
зачатые в почве надежды,
рожденные жаждой желанья,
взращенные горем,
истерзанные вконец,
воскресающие для борьбы.

К будущим дням
обращены
наши глаза.
К будущим дням
взывают наши гортани.

К будущим дням
тянутся наши ладони.

Руки Африки —
мир, единенье,
земля и любовь!

ПО КОЖЕ БАРАБАНА

Сильные, быстрые руки стучат
по натянутой коже тамтама,
и под градом ударов
дрожащая кожа гудит,
высвобождая
волну мускулистого звука,
рвущегося к небесам
в красном свете костров
на исходе жаркого дня.

И я будто распластан,
расплющен
под градом ударов,
как барабан,
и вздрагиваю
от резких толчков
рокочущей крови,
что бьет по натянутой коже
бессонного мозга.

Где я?
И кто я такой?

Я впечатан
в лысое темя
грохочущего барабана,
содрогаюсь под градом ударов.
Бьют по мне
гогочущие ухмылки
туристов Европы,
довольных собой,
и дожди
африканского крупного пота,
и рыдания Африки,
старящейся от стыда и тоски,
и лучи
непреклонного нашего солнца
и время,
гудящее нетерпеливо
внутри моего раскаленного мозга,
и пространство,
чреватое взрывом,
и нежные шелесты ветра
вокруг танцующих пальм.

Бьют по мне африканские
сны,
сны веселья и смуты,
человечные сны,
густо-черные и золотые,
гулы братских наречий,
ритмы невысказанных обид
и выдохи
тысяч разгневанных губ.

И я никогда еще так
не задыхался
при мысли
о темном бесстыдстве
колониальных веков.
В них —
и заячья трусость,
и черепашье движенье
бессмысленной жизни,
и череда катафалков.
Но, наконец, оборвется
бессовестная кутерьма,
непристойный сон,
кончится он
под музыку новорожденного ритма,
обуглится
в треске и пламени
юных костров, изгоняющих ночь.

Черная бабка моя,
африканка,
стучи, говори в моей коже,
бейся в мозгу
и пульсируй в кончиках пальцев
ради того, чтоб вернулась
Африка, сердце мое,
к человечности и чистоте!

Руки, сплетенные плотно
с моими руками!
В радостях жизни
и вспышках горячего смеха,
в плеске озер,
окаймленных голубоватой травой,
в бормотании моря
я нахожу
ритмы для новых ударов
по коже тамтама —
ритмы воскресших народов
на пробужденной земле.

Поднимаюсь
к ясному дню
из бездны
отчаянья и отрицанья.
Пальцы мои,
налитые кровью,
колотят по коже тамтама.
Я в этом ритме
живу, содрогаюсь, взываю:

вперед
и только вперед!

Перевел Михаил КУРГАНЦЕВ.

[1] Маримба — ударный музыкальный инструмент типа ксилофона.

[2] Майомбе — горная цепь в Центральной Африке.

Музей декабристов в Новоселенгинске. * Гостиная братьев Бестужевых. * Это зеркало принадлежало ссыльным декабристам. * Шпага, кандалы, перо и книга — символы памяти.

См. стр. 7—8.

ЧЕЛОВЕК НА УДАРНОЙ СТРОЙКЕ

сяц проводит так называемую идеологическую планерку. Что это такое? Здесь разбираются конфликты, отчитываются наставники, рассматривается моральный, трудовой настрой в коллективах, обсуждаются меры, которые помогут его улучшить, помогают улучшить политико-воспитательную работу. А если говорить короче, то основная цель идеологических планерок — это заинтересовать, если хотите, заставить хозяйственников заниматься воспитанием людей, созданием того самого нравственного климата, о котором мы говорили.

«ОГОНЕК». А если человек не подходит, не годится на роль воспитателя?

И. Учаев. Тут надо разобраться, почему не годится? Если он сам не в ладах с требованиями морального кодекса, то его надо освобождать, он не может быть руководителем. Если он сознательно пренебрегает своими обязанностями воспитателя людей, то ему надо объяснить, в чем суть его заблуждений. Но здесь я хотел бы заметить вот что: воспитывать — это не значит изводить людей нравоучительными беседами. Нынче народ грамотный. Воспитательная работа — это прежде всего создание здоровых, открытых, доброжелательных отношений в коллективе, где каждый смело может высказать свое мнение, дать свою оценку той или иной ситуации. Это готовность прийти на помощь в трудную минуту. Это справедливое разрешение спора, конфликта, недоразумения. Это четкое распределение производственных обязанностей. А если человеку все это не по плечу, то какой же он руководитель? Успех комплексного воспитания, как мне кажется, вполне можно измерять производственными успехами. В тех двадцати пяти бригадах, о которых я рассказывал, прекрасно налажена политико-воспитательная работа, и как результат — коллективы успешно решают трудные, ответственные задачи. Да, и там возникают конфликты, споры, да, они иногда выходят за пределы коллектива, но это здоровые конфликты. За ними глубокий интерес к результатам общего труда, чувство ответственности за эти результаты, поиск, принципиальность.

Ю. Есаулков. А как бы вы посоветовали разрешить такой конфликт: приехал человек на БАМ, бросив свой город, друзей, жилье,— хочет строить дорогу к океану. А ему говорят: «Очень хорошо, будешь рыть котлован». А он не хочет рыть котлован. Хочет укладывать рельсы, рубить просеку, просит, чтобы его забросили в самую глухомань, но только не котлован...

Л. Шилова. А почему не котлован?

Ю. Есаулков. Непрестижно. Хотя и удобнее: постоянное место работы, хорошее обеспечение, теплое общежитие, друзья, фильмы привозят... А вот радости ему от этого мало. Человек хочет выполнять такую работу, за которую он имел бы полное право уважать себя. Он как бы смотрит на себя глазами друзей, родственников, оставшихся в родном городе... Конечно, за этим стоит юношеское представление о «важных» работах и работах «незначительных». Есть и почти детский эгоизм — стремление делать непременно только то, что хочется. И здесь задача партийной, комсомольской организации, задача руководителя не только в том, чтобы напомнить пареньку о производственной дисциплине, но и объяснить его заблуждения. В конце концов достоинство строителя, специалиста вовсе не в том, чтобы быть на самом видном месте. Должен признаться, что и мы, партийные работники, и организаторы производства, после этого случая сделали свои выводы — отмечать нужно не только тех, кто первым высаживается с десантом в тайгу, кто рубит просеки, укладывает рельсы. Не менее важно отметить успехи тех, кто обеспечивает тыл, кто закрепляет достижения впередиидущих. Но вы бы посмотрели, с каким азартом ребята соревнуются за право укладки «золотого» звена, за право стыковки, за право быть заброшенным с десантом в глубину трассы! Помню, среди московских комсомольцев развернулось соревнование за право уйти с десантом в западном направлении на будущую станцию Кувыкта. Итоги подводились чуть ли не ежедневно, ребята интересовались каждым показателем, каждой долей процента. Победила тогда бригада Владимира Степанищева, и, как потом оказалось, не случайно. Это и сейчас один из лучших коллективов на центральном участке. Ребята были и лесорубами, и плотниками, и монтажниками, а сейчас строят искусственные сооружения — водопропускные трубы. Другими словами, освоили почти все бамовские профессии. Это очень важно, потому что они могут строить и жилье, они стали специалистами по бетонным работам, а это гарантия того, что не останутся без дела и после окончания строительства магистрали, когда нужно будет осваивать новые места.

«ОГОНЕК». Вы думаете, они останутся на БАМе? Вообще многие ли уезжают с БАМа?

Ю. Есаулков. Что сказать... В прошлом году с центрального участка уехало около семи тысяч человек. Столько же приехало. Так что в количественном отношении мы ничего не потеряли. Но мы потеряли в качестве. Уехали специалисты, люди, знающие дело, местные условия. Приехали новички. Им предстоит привыкать не только к работе, но и к климату. С точки зрения экономики это очень дорогостоящий обмен — ветеранов на новичков. Но с другой стороны — закономерный. Многие заключают договоры на три года, добросовестно отрабатывают это время и уезжают. Мне не раз приходилось разговаривать с отъезжающими — среди них немало таких, которые с радостью бы остались. Но для этого им нужны квартиры, детские сады, школы. Человек, допустим, освоил одну специальность, вторую, третью, он хочет учиться дальше, а учиться негде. И уезжает. Или другой пример: женился парень, родился ребенок. Что делать? Он говорит: дайте место в яслях, дайте мне с женой комнату в общежитии, и я остаюсь. Но мы пока не можем ему дать даже этого. Есть и такие, что приезжают с заранее поставленной целью — скопить денег на машину, жилье в кооперативе. Таких задержать сложнее, но и они нередко готовы остаться. Места у нас хоть и суровые, но необычные, красивые, иные душой прикипают, работают отлично, считают Дальний Восток своим на всю жизнь. Вот, например, бригадир путеукладчиков Валентин Шпеньков. Сам он с высшим образованием, пять человек из его бригады окончили средние специальные учебные заведения, еще четверо учатся, то есть происходит надежное становление специалистов. Недавно ребята из этой бригады вызвали на соревнование известный коллектив, которым руководит Герой Социалистического Труда Виктор Лакомов,— он в самом начале строительства был командиром ударного отряда имени XVII съезда комсомола. Факт этот сам по себе знаменательный, у нас появляются коллективы строителей, способные на равных состязаться с самыми сильными бригадами.

И. Учаев. А ведь вам уже нужны не только строители дорог?

Ю. Есаулков. По подсчетам ученых, для освоения зоны Байкало-Амурской магистрали потребуется около миллиона рабочих, специалистов, инженеров. Учитывая семейные коэффициенты, это означает, что предстоит создать приличные условия для жилья трем миллионам человек. Это дело не менее сложное, нежели сама дорога. Нужно предусматривать активное строительство жилья, учебных центров, детских комбинатов, домов культуры. Но я думаю, что проблемы превращения больших строек в большие города везде примерно одинаковы, создание промышленного, индустриального центра неизбежно влечет за собой необходимость населенного пункта, обеспеченного всеми условиями для постоянной жизни тысяч людей.

И. Учаев. Полностью согласен. Только за семидесятые годы, за время строительства Атоммаша, Волгодонск вырос в четыре раза. Сейчас это стотысячный город, раскинувшийся как раз на тех землях, в тех местах, где во время войны происходили кровопролитные сражения с фашистами. Насколько молод наш город, можно судить по среднему возрасту его жителей — двадцать три года! А молодость города диктует и свои проблемы: дома культуры, малогабаритные квартиры для молодоженов, детские сады, ясли, учебные центры. А к проблемам добавляются и беды — выпивают некоторые ребята, вытрезвители без дела не остаются. Как быть с выпивохами? Мы установили такой порядок: утром в вытрезвитель приходит начальник строительно-монтажного управления и забирает своих подчиненных. Раз заберет, второй раз, а потом начинает всерьез думать о проблемах отдыха рабочих, их досуга, начинают одолевать его все те заботы, о которых мы сегодня говорили. Но само собой разумеется, что усилиями одних только начальников СМУ дела не поправишь.

«ОГОНЕК». А чем вы надеетесь поправить дело?

И. Учаев. Прежде всего стараемся использовать те преимущества, которых нет, например, на БАМе,— постоянное место жительства. Поэтому большая политико-воспитательная работа проводится в микрорайонах — там создаются штабы по благоустройству, строятся спортивные площадки, в общежитиях проводятся лекции, доклады, политинформации, вечера вопросов и ответов, встречи с интересными людьми. Обычно собирается много народу, залы переполнены, кроме того, работники горкома, горисполкома часто выезжают прямо на строительные площадки, идет откровенный разговор по острым, волнующим людей вопросам, идет на рабочих местах, в общежитиях. Мы стараемся ответить на все интересующие вопросы, рассказать о будущем города, жилищном строительстве, планах по благоустройству, о причинах тех или иных трудностей. Должен сказать, что такие встречи очень важны и полезны, в последнее время мы стали проводить их чаще, считаем это одной из удачных форм идеологической работы. Проблемы перед нами стоят по-настоящему сложные, с налету их не решишь. Вот, например, в этом году запланировали построить двенадцать детских садов. Даже если все они будут своевременно построены, обеспечены кадрами, то и в этом случае принять всех детей не сможем. Скажу откровенно: все, что мы строим для улучшения быта людей, удовлетворения их культурных запросов,— это, по существу, латание дыр, заделываем прорехи в планировании. Прорехи эти стоят очень дорого не только в материальном смысле, но и в моральном. Выпивки, бесцельное времяпрепровождение, правонарушения — все это есть. И это очень досадно, потому что стройка такого масштаба, такого значения должна для тысяч и тысяч молодых людей стать хорошей школой жизни, здесь они могут получить трудовую, идейную и нравственную закалку, усвоить моральные нормы взаимоотношений в коллективе, проникнуться чувствами ответственности, твердости в отстаивании правоты. Однако с сожалением приходится признать, что не для всех она стала такой школой. И тут нам предстоит сделать очень много — к этому обязывает нас постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Л. Шилова. Прекрасно понимаю Игоря Федоровича. Проблемы, с которыми мы сталкиваемся в Набережных Челнах, может быть, не столь остры, потому что наш город несколько постарше, но тем не менее они нам знакомы. Сейчас в Набережных Челнах более трехсот тысяч жителей, а десять лет назад было менее сорока тысяч. Город продолжает расти. На-

звать его стабильным по населению еще нельзя. Фактически Набережные Челны — это в значительной мере город молодежных общежитий. Средний возраст жителей — двадцать шесть лет. В этом возрасте люди становятся самостоятельными, обзаводятся семьями, выбирают не только профессию, но и место, где будут жить на земле, друзей, коллектив. Мы, естественно, хотим, чтобы молодежь окончательно и бесповоротно выбрала Набережные Челны.

Ю. Есаулков. А что думает по этому поводу сама молодежь?

Л. Шилова. Молодежь в большинстве думает так же. Но некоторые колеблются. Разумеется, костяк сложился, люди обживают край, достаточно сказать, что ежегодно у нас рождается более пяти тысяч уже коренных жителей. И тем не менее десятки тысяч живут в общежитиях. У нас в новом городе прекрасно развита художественная самодеятельность, есть клубы по интересам, создаются популярные ныне дискотеки, а вот Дворец культуры пока один, кинотеатров не хватает, стадион еще только строится...

«ОГОНЕК». Если с начала строительства города прошло десять лет, значит, у вас уже есть свои выпускники средних школ, ребята, которые выросли в Набережных Челнах?

Л. Шилова. Две с половиной тысячи ежегодно — таково число выпускников. Мы на них смотрим как на наш золотой фонд. Со следующего года в рабочие коллективы начнут вливаться ребята, которые все десять лет проучились у нас. Тогда выпускников будет еще больше, и мы к этому готовы. Открыт школьный комбинат, старшеклассники проходят практику на КамАЗе, они уже в школе имеют возможность выбрать себе работу, присмотреться к заводу и кое-чему научиться. Кроме того, они уже сейчас ощущают благотворное влияние рабочего коллектива. Да и сам завод — предприятие интересное, многоплановое, каждый может найти себе по нраву и дело и профессию.

Ю. Есаулков. У нас на БАМе бригады берут шефство над старшеклассниками, часто встречаются с ними, учащиеся выезжают на рабочие участки, и многие, я знаю, с нетерпением ждут того дня, когда смогут прийти на стройку. К этому дню готовятся, ребята уже знают, какую работу будут выполнять, присматриваются, учатся. В этом году открывается в Тынде большое профессионально-техническое училище на шестьсот мест — там уже будут учиться дети коренных бамовцев... Что сказать, сложности есть, но дело делается. Дорога строится! Недавно открылось регулярное железнодорожное сообщение Москва — Тында, и все мы стали друг к другу немного ближе. Я думаю, что если нам придется в будущем вот так встретиться и поговорить, разговор зайдет уже о других проблемах — многое из того, что беспокоит нас сегодня, будет преодолено.

«ОГОНЕК». Ну что ж, будем надеяться на такую встречу. А пока мы благодарим участников «круглого стола» за интересный, откровенный разговор о практическом осуществлении задач, поставленных в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Разговор за «круглым столом» записал В. ПРОНИН.

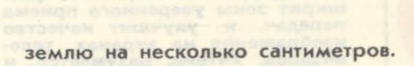
ДЛЯ ВАС, ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ

ПОВЕЛИТЕЛЬ ШМЕЛЕЙ

Я слышал, что в Новосибирске живет ученый, который занимается... приручением шмелей или чем-то в этом роде. Его фамилия — Гребенников. Три года назад приехав в Новосибирск по делам, я посетил выставку его картин, на которых изображены были с необыкновенным мастерством различные насекомые. Тогда же я узнал кое-что о его работе со шмелями. Нельзя ли о ней рассказать подробнее?

С уважением В. Ярославцев

Красноярск.



На снимке: Виктор Степанович Гребенников.

Мы сидели в его квартире. Из широкого окна виднелась дальняя березовая роща, в которой находился заповедник шмелей. Они теперь спали где-то там, закопавшись в дерн, и во сне видели, наверное, весну. На стенах — коллекции жуков и бабочек, плакаты в защиту растений, присланные энтомологом из Венесуэлы Педро Салинасом. Подоконник уставлен цветами. В углу примостился верстачок с тисками, тут же пучки акварельных кистей в банках, таз с живыми среднеазиатскими жуками и мольберт с начатым рисунком пчелы. На столах — три разнокалиберных микроскопа (один из них собственной конструкции), рукопись статьи в научный журнал, гранки выходящей в новосибирском издательстве книги о насекомых, схема шмелиного микрозаповедника, сделанная для школьников Академгородка... Хозяин квартиры — заведующий музеем энтомологии Института химизации СО ВАСХНИЛ Виктор Степанович Гребенников, похожий на доброго сказочника, рассказывал о вещах, которые казались мне тоже совсем сказочными. О том, как он приручал... шмелей. Или как заставил жить у себя в квартире несколько сотен... муравьев.

— Однажды профессор Мариковский из Алма-Аты прислал на иллюстрирование рукопись своей книги «Маленькие труженики леса» — о муравьях. Для начала мне пришлось поселить у себя в комнате несколько муравьиных семей, чтобы удобнее было наблюдать за ними, поскольку я рисую только с натуры. А ведь набросок должен появиться в считанные секунды, ибо мои герои нетерпеливы, непосредственны и совершенно лишены тщеславия, способного удержать их на месте...

Увлечение Виктора Степановича шмелями также началось с иллюстрирования книги (он превосходный рисовальщик, и насекомые на его картинах словно живые) — на этот раз книги известного московского писателя И. Халифмана. По счастливой случайности это как раз совпало с периодом, когда сам Гребенников серьезно увлекся миром шмелей (вообще же энтомологией он занимался с детства). Разумеется, в квартире немедленно появились различные приспособления для домашнего содержания шмелей.

Он просыпался рано, едва начинало светать, от мощного гудения шмелей, зависших над самым лицом, и с любопытством следил за мохнатыми вертолетами. Они явно что-то искали. Но что? Неужели место для гнезда? Вот радость, наконец-то дождался! Нет, в глазу гнездо не устроишь, мой милый, лети дальше. Понял? Умница. Лети к домикам, видишь в них черные дырки — это вход...

— Они вас не кусали? — с недоверием спросил я.

— Нет, что вы! Это умные, смышленые насекомые.

— Даже умные?

— Уверен в этом.

— Что же, они и зимой у вас жили?

— У них особая биология. Осенью в живых остаются только оплодотворенные самки, которые на зимовку закапываются в землю... Я ловил их ранней весной, когда они искали место для гнездования. Узнать их достаточно просто. Они низко летают над землей, не сидят на цветах, ищут норки. Надо осторожно накрыть шмелиху коробочкой, в которой приготовлено лакомство — капля меду. Дома я ее выпускал. Она, конечно, некоторое время побьется о стекло, пока не сообразит, что преграду не преодолеть. Смирившись с обстоятельствами, начинает летать по комнатам в поисках иного выхода. Но выхода нет, зато на столе дразнит запахом блюдечко с медом, кругом веники свежих цветов. А через некоторое время она начинает узнавать своего благодетеля и, когда наступает час кормления, летит ко мне через все комнаты, через все двери. Словно комнатная собачонка, только с крыльями. Наконец, наступает время яйцекладки, и шмелиха уже в комнате, а не на свободе ищет место для гнезда. Для этого она исследует все темные пятна: выключатели на стене, пуговицу, мой глаз... Тут не стоит суетиться и размахивать руками. Она же умница, полетит дальше и неминуемо наткнется на приготовленный ящичек с отверстием. Вот это ей подходит. И немедленно начинает носить туда пыльцу для корма, затем устраивает восковую площадку и откладывает на нее яйца, опять же окутывая их воском, и ставит изящнейший восковой сосудик — горшочек с медом. Все это окружается обработанной грызунами ваткой или паклей (другой материал почему-то не признается). Но вот появляются первые личинки, затем вторые. Потом шмелиха нянчит куколок, из которых наконец появляются рабочие шмели — небольшие, размером с муху. Теперь уже можно либо выставить гнездо на балкон, либо устроить шмелепровод — длинную трубку из гнезда в окно. Шмели утром вылетают в цветущие поля, а к вечеру возвращаются домой в гнездо. Потомство растет и к августу достигает расцвета. Рабочие шмели начинают отмирать, остальные разлетаются по брачным дорогам. К октябрю гнездо окончательно пустеет. Самки ищут место для зимовки, закапываясь в землю на несколько сантиметров. Круг замыкается...

В заповеднике Гребенников закапывал шмелиные домики в землю, оставляя снаружи только отверстие для шмелепровода. Шмели безошибочно находили рукотворные норки и с удовольствием их заселяли. Пристальные наблюдения породили глубокий научный интерес, заботу о сохранении шмелиного населения, которое быстро сокращается.

Шмели отнесены к вымирающим насекомым, их повсеместно вытесняет человек, распахивая землю, вырубая леса, выкашивая луга, уничтожая гербицидами сорняки и попутно, того не желая, насекомых. Общеизвестно, что шмели — незаменимые природные опылители люцерны и красного клевера (на этих травах другие насекомые, например, пчелы, «работать» не могут, потому что у них слишком короткий хоботок). А в природе все взаимосвязано. Исчезают шмели — и тут же в десятки раз падает урожайность трав. Но, может быть, это мелочь, на которую и внимания обращать не стоит? Нет, оказывается, очень даже стоит. Недостаток природных опылителей — одна из главных причин дороговизны и даже дефицита семян клевера и люцерны, богатых белками кормовых культур, важнейшего звена севооборота. Проблему можно решить, если создать специальную государственную службу опыления, организация которой, как считает председатель секции пчеловодства ВАСХНИЛ А. Н. Мельниченко, принесла бы в целом по стране более двух миллиардов рублей прибыли в год. Подобная служба, например, давно существует в США, что позволило там повысить урожайность семян люцерны с 1,7 до 22,4 центнера с гектара.

Гребенников поставил перед собой довольно дерзкую задачу, решить которую пока не сумел ни один ученый в мире. Он пытается приручить шмелей, одомашнить их подобно пчелам. Ученый многого уже добился. В созданных им шмелиных заповедниках в Омской, Воронежской областях и под Новосибирским шмели живут в подземных домиках, устроенных его руками. Однажды он попытался разместить такие домики не под землей, а над ней, укрепляя их по нескольку на одном столбе. Опыт удался. Может быть, отсюда недалеко до того момента, когда такие «гроздевые шмелевники» можно будет вывозить к полям цветущего клевера, подобно пчелиным ульям? Виктор Степанович как раз ищет ответ на этот вопрос.

Ю. ЛУШИН
Фото автора

АЛМА-АТА

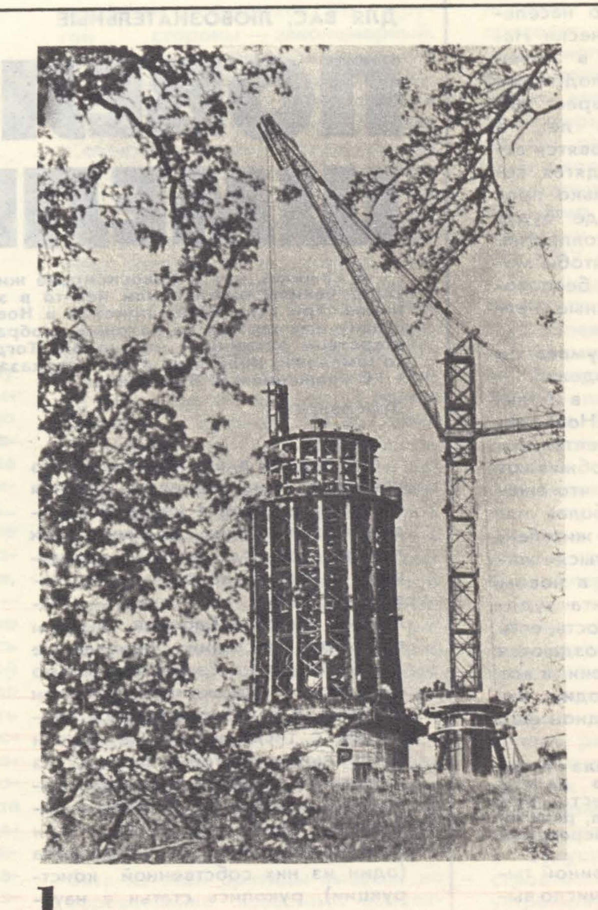
ВЫШЕ ОБЛАКОВ

1

В Алма-Ате растет соперница Останкинской телебашни. Пока она совсем еще малышка, поднялась от земли на каких-то пятьдесят метров, но... дайте срок. Когда она вытянется в свой полный рост — 360 метров, то «шапкой» своей будет задевать облака. Впрочем, нет, она поднимется еще выше, потому что строительство идет на горе Кок-Тюбе, а значит, антенны окажутся почти в километре над уровнем моря. Это расширит зоны уверенного приема передач и улучшит качество изображения на экранах телевизоров. Учтено, разумеется, и то обстоятельство, что новая башня находится в зоне высокой сейсмичности и сильных ветров. Металлический ствол ее можно сравнить с выдвижной телескопической антенной, в которой каждая 16-гранная секция как бы выходит из предыдущей, более широкой в сечении.

На Кок-Тюбе гуляют ветры. Они уже пробуют новосела на крепость, налетая порывами и отступая вновь. Но башня на мощном фундаменте стоит и будет стоять неколебимо. Она каждый месяц подрастает, а когда завершится монтаж, ее начнут одевать в анодированные алюминиевые листы двух цветов. Это не только защитит конструкции от коррозии, ветров и жаркого солнца, но и придаст всему сооружению элегантный вид. Она будет красивой, соперница Останкинской...

Л. ЮРЬЕВ. Фото автора



1

АЗЕРБАЙДЖАН

Трубопровод прокладывается... судном

2

Весной единственное в нашей стране судно-трубоукладчик «Сулейман Везиров» (порт приписки — Баку) трудилось в акватории Челекена, прокладывая по туркменскому дну Каспия стальные артерии нефте- и газопроводов. Теперь оно заступает на трудную вахту в Куйбышевском водохранилище. Саперам и водолазам из бакинского треста «Азморнефтестрой» предстоит проложить по дну искусственного моря четыре нитки пересекающего Волгу магистрального газопровода Уренгой — Челябинск — Петровск. Длина каждого участка газовой магистрали 5,5 километра, максимальная глубина в русле Волги 40 метров.

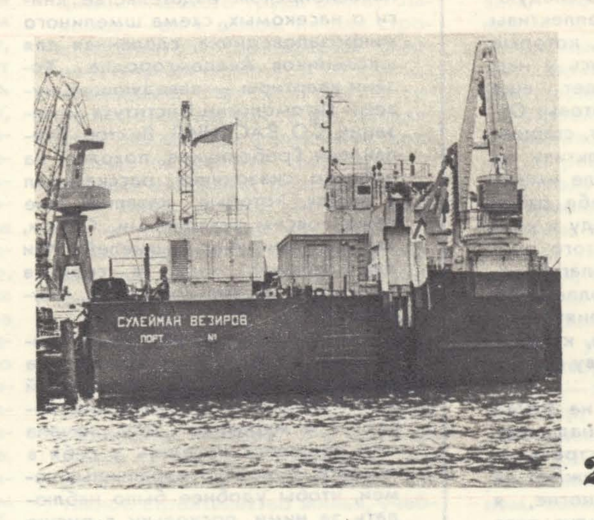
Вот визитная карточка уникального судна. Длина «Сулеймана Везирова» — 107 метров, ширина — 24 метра, водоизмещение — почти десять тысяч тонн. На палубе смонтированы два самоходных подъемных гусеничных крана, один из которых способен поднимать до 100 тонн грузов. На корме — четыре уникальных сварочных агрегата, посты рентгеноскопии.

Ежегодно «Сулейман Везиров» способен прокладывать по дну морей, водохранилищ и рек до 180 километров стальных артерий. Он может работать даже при шестибалльных штормах.

Пятое лето своей трудовой биографии трубоукладчик впервые встречает вдали от родных берегов — на волжских просторах.

Г. ПОГОСОВ

На снимке: «Сулейман Везиров» в пути...
Фото автора



2

МОСКВА

ДИКТУЮ ДИАГНОЗ...

3

Скорость человеческой речи — от 95 до 120 слов в минуту. А пишем мы медленнее: всего 15—20 слов за то же время. И если в обиходности это иногда не замечается, то в медицине, скажем, урон от такого несоответствия заметен. Ведь врач — это подсчитано — на заполнение истории болезни, на выписку рецептов, на иную писанину расходует почти половину времени, отведенного на прием больного. А когда он же диктует историю болезни, то тратит всего две-три минуты и экономит ежедневно до полутора часов...

В приказе министра здравоохранения СССР Б. В. Петровского, в частности, предлагается: «...применять звукозаписывающую аппаратуру (диктофоны, магнитофоны)... с целью сокращения времени врачей на оформление медицинской документации».

Но приказ приказом... А как на практике? Недавно я узнала, что в нашей обычной районной поликлинике № 98 Дзержинского района есть диктоцентр. Всего же в Москве в лечебно-профилактических учреждениях уже оборудовано более пятисот магнитофонно - машинописных центров. С интересом был встречен общемосковский конкурс фонотипистов. Он состоялся в лаборатории научной организации труда Главного управления здравоохранения Мосгорисполкома и собрал пятьдесят две лучшие мастерицы своего дела. Пришли сюда и врачи — посмотреть, как проходит такое соревнование, а то и «поболеть» за своих.

...Машинистки проверили пишущие машины, магнитофоны, наушники. Розданы закрытые пакеты с текстом для перепечатки и магнитной лентой для расшифровки. Понятно, что тема их — медицинская документация.

Соревнующиеся прикрепляют наушники: «Начали!» В комнате слышен легкий гул электромашин; на бумаге появляется строка за строкой — надиктованная лечащим врачом история болезни.

Члены жюри и его председатель, главный врач больницы скорой помощи № 20 Г. Х. Хазанов, немало поработали, пока выявили призеров. Первые места поделили фономашинистки В. И. Полонская и Т. Г. Минакова.

— Фономашинопись, по сути,— новая специальность. Помогли знания, полученные в медучилище, да и курс машинописи, — говорит Валентина Ивановна Полонская. — Только в прошлом году фономашинистки нашего центра отпечатали 160 тысяч страниц. Представьте, сколько времени сэкономили они врачам — сотни часов! Я расшифровываю ежедневно 40 страниц — от 20 до 40 историй болезни.

В. СОБОЛЕВСКАЯ,
член бюро секции преподавателей стенографии, машинописи и делопроизводства Педагогического общества РСФСР

На снимке: Участники конкурса за работой.
Фото А. Козьмина

3

Всеволод КОЧЕТОВ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

МОЛНИИ БЬЮТ ПО ВЕРШИНАМ

В последние годы своей жизни выдающийся советский писатель Всеволод Кочетов работал над романом «Молнии бьют по вершинам».

Действие романа происходит в Ленинграде в середине двадцатых годов.

Предлагаем вниманию читателей отрывки из первой части романа Всеволода Кочетова, которая будет напечатана в журнале «Москва».

...Возвратясь домой, Ника не утерпела, чтобы не взглянуть на замок своей комнаты. Замок висел на месте. Новый хозяин комнаты еще не возвращался.

Нику разбудил голос Дмитрия Павловича:

— Ну вот, Коленька, и тысяча девятьсот двадцать четвертый год на дворе! А я ведь ясно, очень ясно помню, как праздновался девятисотый — рубежный для двух веков. Шум, гам, тройки, карусели, фейерверки, базары! Тебе было три или четыре. А мне... Да и мне насчитывалось куда меньше, чем сегодня. Мальчишкой был...

— Позволь,— Ника оглянулась на то место, где обычно спал Евгений Викторович,— а где же он? Так и не пришел, что ли?

— Загулял,— равнодушно ответил Дмитрий Павлович.— В прежние времена я бы тебе мог сказать, что он с толпой встреченных ловеласов отправился к женщинам...

— И теперь, надо полагать, это не исключено.— Ника сделала движение, из которого можно было понять, что она собирается встать.

— Полежи,— понял ее Дмитрий Павлович.— Понежься. Примус я развел, чайник поставил. Давай я тебе пока почитаю газетку. Федотовская. Что мы теперь будем делать? Привыкли его газеты читать. Так слушай. Это новогодняя «Петроградская правда». Вот передовая статья. Она называется «В Новый год». «В Новый год Советская Россия входит не с худыми предзнаменованиями. Но задачи трудны и велики. Получив тысячу возможностей и тысячу облегчений в одной области, перешагнув через целый ряд препятствий, которых, казалось, перешагнуть было нельзя, рабочие и крестьяне Советской России стоят не перед ровной и розами усыпанной дорогой. Преодолеть ее можно лишь так же, как преодолевали и прежде,— той же терпеливой и настойчивой борьбой, так же идя за передовым своим отрядом — Российской Коммунистической партией большевиков». Что ж, они довольно самокритичны, господа большевики. Роз действительно нет и не предвидится. Но и самоуверенны. «Преодолеваем и преодолеем». Пока они преодолеют, нас с тобой, грешных, в ящик заколотят. Читать еще?

— Читай.

— Вот тут извещения. «Второго января, в двенадцать часов дня, в Смольном, в Актовом зале, открывается Четырнадцатый губернский съезд Советов Петроградской губернии». Тебе не надо туда являться? Нет. Так. А вот сюда? «Губотдел работниц и крестьянок в среду второго января в час дня созывает во Дворце Труда общегородское собрание организаторов работниц, работниц коммунисток — членов фабзавместкомов, коммунисток-делегаток и всех остальных активных коммунисток, работающих среди женщин».

— А что, я бы сходила. Там может быть что-то интересное.

— Но тебя же не пустят. Ты не коммунистка, ты не фабзавместком и вообще никакая не активно работающая. Ты та, среди кого они, вот эти,— он постучал пальцем по газете,— должны работать. Ну что тут еще? «Польша встревожена возможностью сближения Франции и Чехословакии с Советской Россией». «Англия провоцирует войну с Афганистаном. В пограничной зоне введено военное положение». Как всегда, видишь, англичанка гадит. А вот: «Прага, двадцать девятого. По сообщению нашего телеграфного агентства, Врангель под давлением югославского правительства выехал из Белгра́да в Америку». А в это время, читаю дальше, «Соединенные Штаты захватывают республику Гондурас».

— Врангель?— переспросила Ника.— К которому так стремился мой Евгений Викторович?

— И которого имел в виду вчерашний вития, утверждавший, что это лучшие люди России, сконцентрировавшиеся за рубежом. А вот, вот, вот, Коленька, интересно!

«Торжественное заседание Петроградского Совета». Ну здесь описание — кто и как... Рабочие Питера и пригородные крестьяне, собравшиеся в театре оперы, в Мариинском, надо полагать. Доклад Зиновьева, и так далее и тому подобное. В духе передовой. Роз, дескать, нет, но трудности преодолеем, под руководством и еще так далее.

Помолчали оба немного. Ника сказала:

— Я бы очень хотела встретиться с Лениным.

— Довольно скромненькое желание.

— Нет, правда, Дима. Может быть, он ответил бы мне на тысячу моих вопросов, на которые никто ответить пока не может.

— А именно на какие?

— На все те же, все те же. Куда мы идем и придем ли куда-нибудь? И как в этом холодном, неуютном мире быть маленькому, одинокому человечку? Я бы хотела...

Ее речь прервал стук в дверь.

— Да, да!— ответил громко Дмитрий Павлович.

Но дверь не открывалась, а просто из-за нее голос Федотова сказал:

— Чайничек-то ваш — того. Я погасил примус.

Дмитрий Павлович побежал на кухню. Ника заспешила одеваться.

Через несколько минут Дмитрий Павлович вернулся и с удивлением, пожимая плечами, сказал:

— Слушай, он нас зовет к себе. Говорит: давайте вместе чайку попьем.

Ника поправляла прическу перед зеркальцем.

— Федотов?— сказала она, не оборачиваясь.— Что ж, давай попьем. Это забавно. Тем более, что я своей комнаты так еще и не видела. Пойдем. У нас, кажется, кое-что есть. Коржики какие-то, постный сахар...

Когда они со своими припасами шли по коридору, Федотов ждал их в распахнутой двери занимаемой им комнаты.

— С Новым годом, с Новым годом! Проходите, пожалуйста! Прошу.

Ника, волнуясь, переступила порог. В этой комнате с большими высокими окнами она провела все свое детство, всю молодость, всю жизнь до несчастного отъезда в Харьков. Какие только мечты не рождались в этих четырех стенах! В том числе даже планы бегства на фронт сестрой милосердия. Но не только мечты, а и жестокая действительность связана была с этой комнатой. Здесь умерла ее девочка. Каких только врачей не приглашали они с Евгением Викторовичем, никто не смог помочь: дифтерит оказался сильнее медицины.

Ныне ничто здесь не напоминало о прошлом. Разве только обои. Они были когда-то серебристо-серые, приятные. Серыми были они и сейчас. Но уже неприятными, время их изрядно обесцветило. А остальное!.. Железная койка, покрытая одеялом из пестрых лоскутков, стол без скатерти, сундук, на котором грудой свалены книги, и несколько стульев. Где же белого дерева кровать? Где шифоньер с прекрасным зеркалом, туалетный столик, все те вещи, от которых было так уютно и радостно всегда? Увы! Неужели Дима и их пустил на ветер? А что? Конечно же. В общем потоке расточительства это было всего лишь несколько щепочек. Их и унесло.

Федотов, в гимнастерке, туго затянутой в талии широким ремнем, в хромовых сапогах, ничего, понятно, не знал о Никиных переживаниях, он был бодр, предупредителен. Подал Нике стул.

— К столу, пожалуйста, к столу! Зря вы беспокоились насчет харчишек. Видите, все есть. Присаживайтесь.

Нет, это был не вчерашний стол, ломившийся от яств. Была, правда, колбаса, были белый хлеб, сахар, немного масла. Несколько поколебавшись, хозяин комнаты достал из-за своей железной койки темного стекла бутыль.

— Эх, была не была. Для такого дня можно!— сказал он, ставя ее на стол.— Но прошу прощения. Не «Абрау-Дюрсо». Самогон, разведенный черносмородиновым соком. Специально берег. Вот только из чего бы?..

— Я рюмки принесу,— предложила Ника, поднимаясь.— Сейчас.

— Сиди,— предупредил ее Дмитрий Павлович.— Лучше я.— Он ушел.

На какое-то мгновение установилась трудная тишина. Ника нарушила ее:

— Все ли было у вас благополучно на фабрике, товарищ Федотов? Пустили ее?

— Отменно было! — ответил он радостно.— Пошла фабрика. В двенадцать часов, как включили, так и пошли листы бумаги. Хорошая бумага, честное слово. Скажу вам честно, прямо-таки праздник был. Обнимались от радости.

— «Интернационал» пели?

— Пели... Простите, товарищ Игнатьева, иначе бы как вас назвать, а?

— Меня зовут Никой.

— Ника?..

— Павловна.

— Так вот... Ника Павловна.— Его явно смущало ее непривычное, необычное имя.— Пели. Само запелось. Ну, потом оркестр играл, танцевали.

— Оркестр? Танцевали?

— А что вы думаете! Да.

— Среди ремней, машин, котлов?

— Почему? Зал прекрасный там есть. Живгазету показывали. Под утро только и разошлись-то.

В это время вернулся с рюмками Дмитрий Павлович.

— Вот, сохранил как-то с дюжинку. В надежде на лучшие времена.

— А чем плохи нынешние? — Федотов разливал бурую жидкость из темной бутылки по фамильным рюмкам семьи Игнатьевых.

— Ну как сказать, товарищ Федотов,— отозвался Дмитрий Павлович.— Даже сегодня в газете, в партийной, в большевистской, и то сказано: «Рабочие и крестьяне Советской России стоят не перед ровной и розами усыпанной дорогой». Вы, кстати, извините, пожалуйста. Мы тут за все время, пока вас не было, вашу газету почитывали. Мы ее вот принесли, сегодняшнюю, спасибо.

— И продолжайте. Очень рад. Так все же чем вам не подходят нынешние времена? А может быть, выпьем за Новый год сначала? До, так сказать, дискуссии, а? Если позволите: за ваше здоровье, за ваше... Ника Павловна, и ваше, товарищ инженер.

Чокнулись, Федотов выпил, поморщился, взял кружок колбасы, густо пахнувший чесноком. Выпил Дмитрий Павлович медленно, пожалуй, даже со смаком. Нике было ясно, что не первый раз пьет ее брат самогон. Она же все не решалась пригубить рюмку, из которой шел запах отнюдь не такой, как от тех, вчерашних чудесных вин.

Федотов глянул на нее с усмешкой, и она, будто ее подтолкнули под руку, одним махом выпила всю рюмку до дна. И оказалось, что это совсем не так уж страшно. А когда по телу пробежало радостное тепло, то это было и вовсе хорошо, просто прекрасно. Она тоже жевала начесноченную колбасу, тоже откусывала от целого соленого огурца. Ей почему-то очень хотелось смеяться. А Дмитрий Павлович говорил:

— Хотя бы тем нынешние времена не могут меня устроить, дорогой товарищ Федотов, что, как вы уже сказали, я инженер, а работы инженерской не имею. Я занимаюсь ерундой.

— А кто вам мешает заняться не ерундой? Идите на завод, на фабрику.

— Идите!.. Да я же инженер-судостроитель, ясно вам? Су-до-стро-и-тель! А какие суда строит Советская Россия? — Он не заметил, как при этих словах с непонятной усмешкой Федотов откинулся на спинку стула. Он продолжал: — Тут, на днях, один прямо при мне вытащил револьвер из кармана и застрелился. От полной безнадежности. Может быть, он мастер чего-то, спец. А ему...

— Дима, но ведь ты рассказывал, что это был растратчик,— перебила Дмитрия Павловича Ника.— Пример не очень удачный.

— Ну хорошо, хорошо, растратчик! Он с радости, что ли, растратчиком-то стал? Может быть, ему крылья связали. Он бы...

— Минуточку,— остановил его Федотов.— Насчет растратчиков. Вы сегодня газету читали, но не все прочли.— Он взял принесенную Дмитрием Павловичем «Петроградскую правду», полистал.— Раздельчик «Происшествия». «Студент-самозванец и растратчик»,— начал читать он вслух.— «Студент Горного института Еромин растратил сто семьдесят восемь рублей золотом — сумму, собранную на Воздухофлот. Открылось также, что он за починку пишущей машинки для канцелярии умудрился дважды получить плату».

— Шамать, наверно, хотел этот студентик, шамать, как сейчас изящно называется процесс поглощения человеком пищи,— сказал запальчиво Дмитрий Павлович.

— Шамать?—повторил спокойно Федотов.— Такие и нас с вами сшамают, если зазеваемся. Послушайте дальше, дорогой товарищ инженер: «Попутно с этим выяснилось, что Еромин, бывший поручик, проник на третий курс института благодаря поддельным документам об окончании горного отделения Томского технологического института». Вот вам бедненький растратчичек. Колчаковец он, вот кто!

— А может быть, это все досужие вымыслы? — не сдавался Дмитрий Павлович.— Может быть, его оклеветали.

— «Еромин в преступлениях сознался»,— спокойно прочел окончание заметки Федотов.— Жалеете всякую дрянь, существующую по поддельным документам. А жалеть надо тех, кто, отрывая от заработанного своими руками, лишая своих ребятишек стакана молока, отдавал трудовые гроши на Воздухофлот.

— Да, это не так просто, Дима, не так,— сказала Ника.— Мы с тобой многого не знаем. Не зря же я говорила утром, что очень бы хотела повидать товарища Ленина и обо всем с ним поговорить. Он болен, товарищ Федотов, очень? Это все из-за тех отравленных пуль.

— И из-за них. Верно, болен,— ответил Федотов.— Был бы здоров, не распоясывались бы некоторые, он бы сумел одернуть.

— Вы кого имеете в виду? — спросил Дмитрий Павлович.

— Троцкого, товарищ инженер, Троцкого и его компанию. И без того трудности велики, а он, пока Ильича нет в строю, затеял жуткую, вредную, отнимающую у людей время и силы, распространяющую смуту говорильню. Да, но это все из другой песни. Давайте еще по рюмочке! А потом я вам коечто скажу. За что же?

— Не за что, а за кого,— сказала Ника.— Я предлагаю выпить эту рюмку за вас, товарищ Федотов.

— Ну что вы все время: Федотов да Федотов! Уж за рюмкой-то можно бы и попроще. Имя мое Константин. Костя, значит.

— Костя? — Ника как бы прислушивалась к звучанию этого имени.— Костя? Это хорошо. Но непривычно. Пока. Словом, за вас, товарищ Федотов.

Когда выпили и по второй рюмке, Федотов заговорил:

— Вот что я вам скажу, товарищ инженер. Кораблей пока что действительно Советская Россия еще не построила ни одного. Но если бы вы хотели работать, вы бы давно себе дело нашли. На Петроградских верфях работа почти не прекращалась даже тогда, когда наступали Юденич с Родзянкой. Ремонт шел. Ремонтировали буксиры, катера, боевые корабли...

— Слушайте,— перебил его Дмитрий Павлович,— это же смешно! Ремонт! У каждого свой профиль, своя специальность. Вы кто по профессии?

— Токарь.

— Но вы же знаете, что и токаря делятся на более узкие специальности. Одни блоху подковывают...

— Это слесаря.

— А другие,— не обратив внимания на слова Федотова, продолжал Дмитрий Павлович,— точат стопудовые корабельные гребные валы. А у инженеров дело еще сложнее. Ремонт — это одно, а строительство новых судов — совершенно иное. Ветеринарный врач не может лечить человека, а врач уха-горла-носа не сможет оперировать аппендицит.

— Ну хорошо, хорошо, оставим прошлое. Что было, то было. Не захотели ремонта — стройте новые корабли.

— Где, когда? Вы смеетесь. У меня верфей нет. Я не нэпман.

— Как вы думаете, товарищ Игнатьев, где я пропадал целый месяц?

— У меня сыскного отделения нет. Не знаю.

— В Москве, товарищ Игнатьев, в Москве. Целая группа там нас, петроградцев, была, в Высшем Совете Народного Хозяйства. Обсуждался и решался вопрос возрождения наших кораблестроительных предприятий. Инженеры собрались, хозяйственники, партийные работники. И вот правительство решило: строить новые корабли. Начать в новом, наступившем году. Строить хорошие, отличные, современные суда. Вот так. Не пора ли надеть спецовочку да выйти на стапель, товарищ инженер?!

Ника видела, как взволновался ее брат, как выхватил он носовой платок из кармана, как принялся мять его в руках, как, без всякой нужды проведя им вокруг шеи, снова сунул в карман.

— Да, было бы, конечно, превосходно, да,— сказал он, думая что-то свое.— Но как, как?..

— Как начать?—догадался Федотов.—Очень просто. Я напишу письмецо кому следует. Вы с ним туда пойдете. И это будет начало. Вот так. А еще вернее... Я понимаю вас... вы народ гордый, не то, что мы, пролетарии.— Он с усмешкой надавил на это слово.— С письмецом какого-то товарища Федотова вам идти будет зазорно. Сделаем так. К вам самому придут и попросят. Годится?

— Ну почему же...— запротестовал было Дмитрий Павлович.

— Так и сделаем, так и сделаем,— окончательно решил Федотов.— Наберитесь терпения. Придут, позовут. Поведут под белы рученьки.

Дверь в комнату распахнулась без всякого стука. На пороге стоял Евгений Викторович. Воротник поднят, барашковая шапка съехала набок. Глаза красные, воспаленные.

— Братаетесь? Предатели,—процедил сквозь зубы, не очень внятно, устремляя взгляд то на Нику, то на Дмитрия Павловича.— А ну марш отсюда! — Пошатываясь, он двинулся к Нике.— Блудливая дрянь!

Дмитрий Павлович стремительно поднялся и, не успел никто слова сказать, с треском хватил его своей тяжелой ладонью по щеке.

— Подлец! — добавил при этом, почти не размыкая рта.

Шапка у Евгения Викторовича свалилась от удара на пол. Он сам едва устоял на ногах, но, когда попытался поднять шапку, с грохотом ткнулся головою в пол и затем растянулся на нем во всю длину.

— Боже, боже! — восклицала Ника. Большего она сказать не могла. Ей было нестерпимо стыдно.— Простите, ради бога простите! — наконец выкрикнула она, обращаясь к Федотову, и, перешагнув через мертвецки пьяного мужа, выбежала в коридор.

— Да,— сказал Дмитрий Павлович, краем уха слушая ее торопливые шаги по коридору и тоже обращаясь к Федотову,— вы вправе думать о нас что угодно после всего этого. Но об одном прошу: не судите обо всех по таким вот экземплярам. Вы, конечно, думаете о нем скверно. Но и я о таких не лучшего мнения. Я его сейчас унесу, не беспокойтесь.— Он легко подхватил Евгения Викторовича под мышки, приподнял с полу и поволок к двери.

Федотов поспешил ему на помощь, взявшись за ноги Евгения Викторовича. Так, под взглядами всех жильцов квартиры, дружно высыпавших в коридор, они дотащили его до комнаты, где Ника уже успела быстро приготовить постель на стульях, и уложили одетого, накрыв одеялом. При этой процедуре Ника уже не присутствовала, она скрылась в другой комнате, в комнате Дмитрия Павловича, плотно притворив дверь. Ей было стыдно показываться на глаза Федотову. «Белая кость, белая кость! — повторяла она про себя.— Какое чудовищное высокомерие считать себя белой костью, а свою кровь называть голубой и вот так вести себя, так позорно, мерзко. У того человека плохие манеры, он не умеет пользоваться ножом и вилкой, у него по-извозчичьи побрита шея, но он благороден внутренне, он доброжелателен, он

добр, он тактичен. А тут... Мерзость, мерзость».

Долго в тот день утешал и успокаивал ее Дмитрий Павлович. Он даже в клуб не пошел.

— Махнем лучше в кино. Кое-какая мелочишка у меня есть. Угощаю!

Но в кино им пробиться не удалось. Вечер был праздничный, все гуляли, все жаждали развлечений. Решили побродить по улицам. На Офицерской постояли перед домом, в котором жил профессор Лузгин. Ника рассказала Дмитрию Павловичу о своем недавнем посещении профессора, о разговорах с ним.

— Нет уж, действительно ты права,— пошутил, выслушав ее, Дмитрий Павлович,—лучше прямо к Ленину пробиваться, чем убивать время на разговоры с такими книжниками. Умозрительность, болтовня — и больше ничего. Этим русская интеллигенция всегда отличалась. Говорим, говорим, говорим... А делать... Делают всегда другие.

Еще издали стала слышна разухабистая песня. Ее галдели парни, не спеша двигавшиеся навстречу по тротуару. Они орали:

Была весна, цвела сирень, и пели пташечки.
Братишка с Балтики вернуться лишь успел.
Ему понравилась красивая Наташечка.
Кусочек этот упустить он не хотел.

— Свернем куда-нибудь,— предложила Ника.— Ну их. Хулиганье.

— Да ты что! Шпаны испугалась. Ни шагу в сторону.

— А вот и дамочка! — завопил один из них, и толпой человек в семь-восемь они окружили Нику с Дмитрием Павловичем.— Дамочка, айда с нами! Много интересного покажем.

— Я советую вам пока что посмотреть вот на это,— сказал Дмитрий Павлович, поднеся тому, кого он посчитал главарем компании, свой внушительных размеров кулак. Он как-то вдруг еще больше раздался в плечах, почуяв опасность, и грозно навис над разбушевавшимся парнем.

— А, фрайер!— сказал вдруг вожак, ощутив здоровенный кулак под носом и почуяв, что если будет драка, то неведомо чем она кончится.— Похряли, робя. Чего с ним связываться, руки марать.

Со свистом и хохотом толпа проследовала дальше.

Глаза зеленые и желтые ботиночки
Зажгли в грудях ее пылающий костер...

— А что бы ты стал делать, Дима, если бы они все-таки не испугались твоего кулака, а бросились бы на нас? — сказала Ника, крепко держась за рукав брата.

— Что? А черт его знает. Там было бы видно.

— Ты все-таки незаурядный человек. Ты очень интересный человек.

— Спасибо! — Дмитрий Павлович церемонно поклонился.

— Нет, правда.— Помолчав, она спросила:— А Федотов? Как ты думаешь?

— Он? У них таких много. Они одержимые, фанатики. Это новая формация. Нашими мерками мы их измерить неспособны.

— А они нас?

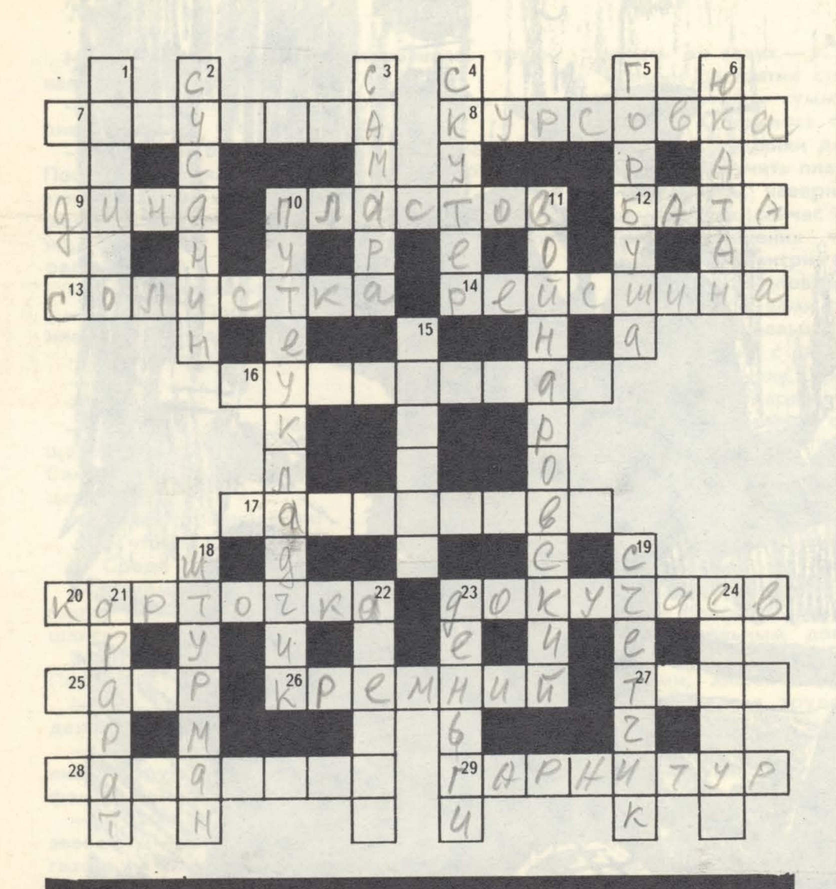
— Ну это же проще. Мы старое, мы давно обмеренное, измеренное. На нас есть прейскурант. А они... Это же экспериментальные образцы. Они уникальны.

— Но ты только что сказал, что их много.

— Они все вместе уникальны, и каждый в отдельности, следовательно, частица уникума. А он, знаешь, и мужчина небезынтересный, кстати.— Дмитрий Павлович скосил на Нику хитрый взгляд.— Твой интерес мне вполне понятен.

Он ждал ее ответа, но Ника промолчала.

Продолжение следует.



КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Лесной цветок. 8. Документ на право лечения на курорте. 9. Единица силы. 10. Народный художник СССР. 12. Порт на берегу Гвинейского залива. 13. Исполнительница самостоятельной партии в опере, балете. 14. Чертежная линейка. 16. Город в Чимкентской области Казахстана. 17. Певица, народная артистка СССР. 20. Фотография, снимок. 23. Русский естествоиспытатель, почвовед. 25. Горная система в Турции. 26. Химический элемент, полупроводник. 27. Слово, выражение, употребленные в переносном значении. 28. Озеро в Грузии. 29. Комплект мебели, белья.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Французский живописец XIX века. 2. Герой оперы М. И. Глинки. 3. Приток Волги. 4. Спортивное судно. 5. Лососевая рыба. 6. Полуостров в Центральной Америке. 10. Железнодорожная строительная машина. 11. Поэма К. Ф. Рылеева. 15. Птица, гнездящаяся в лугах. 18. Специалист по вождению судов, самолетов. 19. Суммирующий измерительный прибор. 21. Советская футбольная команда. 22. Точка орбиты планеты, наиболее удаленная от Солнца. 23. Роман Э. Золя. 24. Река в Красноярском крае.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Металл. 9. «Прачки». 10. Олимпиада. 11. Авиация. 12. Джалиль. 15. Комаров. 18. Филигрань. 20. Одоевский. 22. Гладиолус. 25. Батисфера. 29. «Виринея». 32. «Спартак». 33. Комарно. 34. Картотека. 35. Бикини. 36. Ловать.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Черевички». 2. Пассатижи. 3. Флорин. 4. Спаржа. 5. Параллакс. 6. Скарлатти. 8. Эпиграф. 13. Полнолуние. 14. Кордебалет. 16. «Пролог». 17. Фермий. 19. Лупа. 21. Купе. 23. Логопедия. 24. Дендрарий. 26. Фармацевт. 27. Раванастр. 28. Симонов. 30. Жаркий. 31. Коралл.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Президент Соединенных Штатов Америки Дж. Картер во время венской встречи.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Вена сегодня.
Фото А. Гостева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 4.06.79. А 00678 Подписано к печати 19.06.79
Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1489. Заказ № 739

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Н. ДАНИЛОВ

Фото автора

Давно хотелось мне рассказать о том, как отдыхают рабочие, техники, инженеры нашего машиностроительного завода «Знамя труда». Совсем недавно, в июне, состоялся традиционный слет наших туристов в Подмосковье. Шутка сказать, уже двадцать пятый слет! На славу поработали заводские активисты, старожилы туристской секции, комсорги и физорги цехов. И вот давние друзья по работе и туристским тропам, семьи энтузиастов в полном составе, даже с детьми, нагруженные котелками, спальными мешками и палатками, собрались в заветном месте. Здесь их ожидали запевалы похода: командующий слетом Борис Евтихов, начальник штаба слета, инженер-конструктор Александр Козлов и главный судья предстоящих соревнований, инженер-нормировщик Валерий Гут.

Только растаял живописный туман, как закончилось шумное общее построение. Следуют рапорт за рапортом руководителей прибывающих групп и команд. Начинаются соревнования...

Вы скажете, что это игра? Да, может быть, игра для взрослых. И ничего плохого в этом нет, разумеется. Туризму все возрасты покорны. А хорошее настроение, отличное здоровье, общение городского человека с природой — все это давно стало производительной силой. Руководители завода убедились, что заряд энергии, полученный в лесу, на дальней реке, в грибном походе, помогает лучше работать.

Большую роль в воспитании людей играют навыки общения с лесом, с богатствами лугов и рек. Игры и жар соревнования — это одно, а еще важно научиться, как вести себя на лоне природы, понять сердцем ее жизнь. Вот почему к походам и слетам заводские туристы готовятся заранее, тщательно. Не всякому у нас дается право на участие в походе, слете.

Два долгих летних дня шли состязания. Тут все спортсмены и все болельщики! Соревновались по ориентированию, преодолевали полосу препятствий. Ни сил, ни кед не жалели! Словом, слет удался. Довольны все, но больше всех победители — команда Юрия Анисова.

Так отдыхает завод. Впереди новые пути-дороги, новые песни. Лето большое, и оно останется с нами.

Москва.

1

ПРАЗД

2 3

НИК ЛЕТА

1

На поляне для семейных.

2

Завтрак для чемпиона.

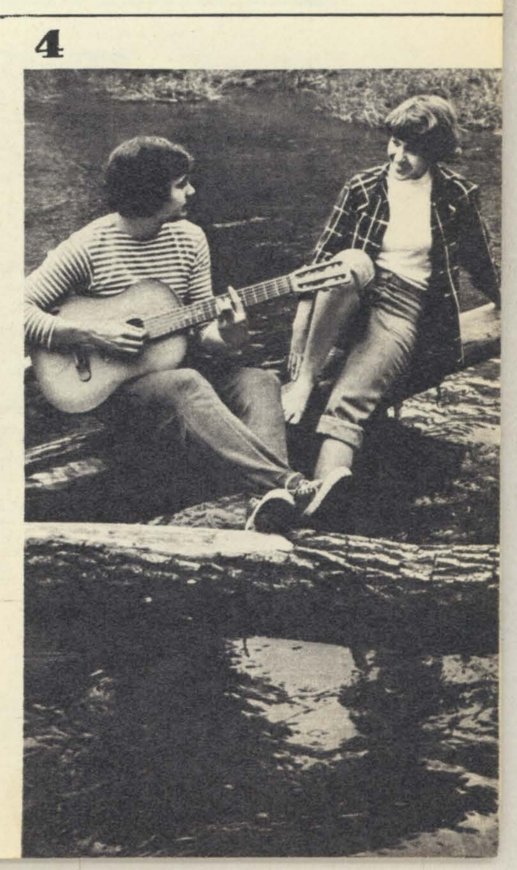
3

Первый финиш...

4

Песня вне конкурса.

4



Цена номера 35 коп.
Индекс 70663